

РОССИЙСКИЙ
ФОНД КУЛЬТУРЫ

РОССИЙСКИЙ СОЮЗ
ЛЮБИТЕЛЬСКИХ
ФОЛЬКЛОРНЫХ АНСАМБЛЕЙ

ЭТНОГРАФИЯ ДЕТСТВА

Запись, составление,
нотации и фотографии
Г.М. Науменко

Беловодье
Москва
1998

ББК 85.3
Н34

Этнография детства: Сборник фольклорных и этнографических материалов. / Запись, составление, нотации и фотографии Г.М. Науменко. Рис. Г.А. Скотиной — М.: Российский союз любительских фольклорных ансамблей, Издательство Беловодье, 1998. — 390 с.: ил., нот.

Перед Вами энциклопедия традиционной крестьянской жизни матери и ребёнка. В форме подлинных рассказов русских крестьян, хранителей самобытного народного языка, напевов, образов, книга раскрывает всю систему народной педагогики от зачатия, рождения до пестования, лечения и начального воспитания.

Записи велись с 1970 по 1993 годы более чем в 20 регионах России.

Содержание книги может служить пособием к курсам: “Введение в народоведение” (для начальной школы) и “Мир народной культуры” (для средних и старших классов).

Большой интерес книга вызовет у родителей, воспитателей, а также широкого круга любителей народного языка, фольклора и обычаев.

© Науменко Г.М.

© Российский союз любительских
фольклорных ансамблей, 1998

ISBN 5-88901-011-5

ДОБРЫЕ ДЕТИ — ДОМУ ВЕНЕЦ

Книга, которую вы держите в руках, важна для каждого без исключения. Она посвящена проблеме, интересующей всех, — **ПОЯВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА НА СВЕТЕ.**

Событие это — не одномоментно. Оно включает в себя несколько важных этапов:

- Великое таинство зачатия, которое является вершиной душевного единения мужчины и женщины;
- Вынашивание ребенка «во бремени» — в материнском лоне. Это время, когда определяются не только особенности физического облика, но и существенные черты душевного строя человека;
- Рождение — пересечение границы между биологическим и социальным, начальный момент широкого вхождения в мир людей;
- Младенчество и раннее детство — жизнь в мире людей первые четыре-пять лет; период, когда складываются основные характерологические черты личности, такие особенности душевного и духовного развития, которые определённо **ПРОЯВЛЯЮТСЯ** затем в течение всей жизни человека.

Тысячелетний опыт становления и развития человечества включает в себя особую область — опыт становления и развития отдельной человеческой личности как родового существа, несущего в себе — в свёрнутом виде — этнически определённую память о этапах развития человеческого начала. Это область народной педагогики и особая культура материнства и детства. Без этой части общей человеческой культуры невозможно существование культуры вообще, невозможна ее органическая передача от поколения к поколению. Невозможно, следовательно, само бытие человечества.

Современная педагогика как общественная наука и социальные институты образования только сейчас начинают в полном объёме осознавать великое значение народной культуры

традиции воспитания различались подходы к постепенному и систематическому формированию женских и мужских качеств будущих жён и матерей, мужей и отцов. Такой тонкий дифференцированный подход только-только намечается в нашей современной научной педагогике; народная же педагогика учитывала это всегда.

Ценность книги состоит и в том, что не обойдены вниманием сложные и драматические стороны человеческой жизни. Главы «Сиротство и смерть», «Заговоры» представляют высокую народную культуру отношения к кончине человека и к его недугу. Эти темы требуют к себе особого отношения и со стороны детей, и со стороны педагога.

Профессиональное качество записи подлинных народных произведений, наличие нотации поэтических текстов чрезвычайно важны для работы с детьми, повышают эмоциональное воздействие и восприятие народной поэзии и прозы. Важно и то, что язык этнографических записей сохранён в своей подлинности. Ибо наши дети должны иметь возможность и в рамках школьных дисциплин слышать неповторимую красоту и истинную поэтичность «обыкновенной» народной речи — в противовес иным формам так называемого «современного» литературного языка, унифицированного и обезличенного. Таким образом, духовное наследие предков, будучи включено в современный педагогический обиход, с успехом станет служить делу сохранения преемственности в развитии традиционной отечественной культуры и формирования национального самосознания.

М.Ю. Новицкая
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Института общего образования
Министерства общего и
профессионального образования
Российской Федерации

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга «Этнография детства» складывалась из подлинных рассказов русских крестьян, хранителей самобытнейшей народной культуры, языка, напевов, обрядов, посвященных зачатию и рождению, крещению и пестованию, вскармливанию и воспитанию ребёнка. Рассказывали кубанские казаки и духоборы юга России, архангельские поморы и устьицльмовские песенницы Коми, нижегородские сказители и секиренские прядеи Рязанщины, старообрядцы Уральска и семейские Забайкалья Сибири и многие другие. Записи велись с 1970 по 1993 год в деревнях и сёлах, где с давних пор существуют богатые фольклорные традиции, где сохраняются старинные обряды и традиционные самотканые костюмы, многоголосные песни, задорные русские пляски и хороводы, где старые обычаи почитаются и труд на земле не в тягость. Таких мест осталось немного, но почти в каждой области такие реликтовые уголки ещё можно отыскать. Каждый из исполнителей, от которого записывались рассказы для «Этнографии детства», жил в больших крестьянских семьях, где рождалось много детей, где была христианская вера и неменяющийся уклад и порядок жизни.

Книга является как бы энциклопедией традиционной крестьянской жизни матери и ребенка. Она составлена из чередования устных рассказов. Каждый рассказ чем-то дополняет другой, и уже вместе, в сочетании друг с другом, они дают образ, цельную картину этнографии детства. В рассказах — сама жизнь, история народа, его духовный мир, стремление людей даже в самые тяжкие времена к продолжению своего рода. Пронизанные молитвами и песнями, пословицами и приговорами, заговорами и приметами, они показывают, какой любовью, добротой, нежностью, заботой были окружены маленькие дети, сколько энергии и душевных сил отдавалось, чтобы их вырастить и воспитать.

Опыт народной педагогики, воспитания ребёнка с первых дней его жизни, уход за ним, отточенный и проверенный на протяжении многих веков, во многом дошёл и до наших дней. Воссозданный памятью исполнителей рассказов, он и лёг в основу книги. Знание детьми окружающей природы, старых обычаев, обрядов и песен, умение трудиться на земле не рождались сами собой, а воспитывались с колыбели. Такой опыт воспитания передавался по наследству. Родители знали, что нужно вложить в ребёнка, как ухаживать за ним, какую создать вокруг него обстановку. Они понимали, что если с малышом не общаться, не разговаривать, не играть, не обучать движениям, то будет расти бессловесный, слабый, медленно развивающийся ребёнок. В первую очередь детей старались приучить к родному языку, научить двигаться, активно воспринимать окружающий мир. Пестование и воспитание протекало в естественной домашней обстановке, в повседневных заботах, в обычном общении, как бы само собой, но при этом опиралось на созданные народом специально для детей музыкальные и поэтические произведения, игры, игрушки, бытовые предметы, приспособления для физического развития.

Фольклор и этнография детства — это ещё мало известная и неизученная грань русской народной жизни и культуры. Впервые в книге сделана попытка устными рассказами людей, живущих этой жизнью, самих носителей этой культуры, сохранить и показать различные её стороны, начиная с зачатия ребёнка, беременности женщины, родов, крещения младенца и заканчивая его пестованием и воспитанием вплоть до четырёхлетнего возраста, до той поры, когда ребёнок выходит из первоначальной опеки. Впервые в фольклорной экспедиции удалось записать родильный и крестинный обряды, именинные песни, многие заговоры и приметы. Весь вошедший в книгу материал раньше не публиковался.

Книга «Этнография детства» состоит из тринадцати разделов: «Во брёмени», «Родины», «Крестины», «Именины», «Сиротство и смерть», «Колыбель», «Пестование», «Игрушки»,

«Заговоры», «Питание», «Одежда и утварь», «Потешки», «Воспитание».

Слово «бремя» означает ноша, тяжесть, тягота. В народе нередко говорят: «носить во бремени», то есть подразумевается ребёнок, которого носит в утробе беременная женщина. Из глубины веков дошли до наших дней молитвы и заговоры на зачатие и рождение ребёнка; знание и опыт, как зачать мальчика или девочку с определёнными задатками и характером; как беременной женщине вынашивать ребёнка и определять, кого она носит; что должна роженица делать, как вести себя, какие правила соблюдать, чтобы родился здоровый и красивый ребёнок.

Начинались роды, назывались они родинами. Родины — одно из главных событий в жизни семьи. Основным действующим лицом при этом становилась бабка-повитуха. Она всё знала, всё умела: и ребёнка принять, и хворобу снять, и силы роженице восстановить, и родившегося младенца оберечь. Много обычаев связано с родами. Главное же — это родильный обряд, с застольем, особыми песнями, приветствиями и пожеланиями гостей.

Как только рождался ребёнок, в первое же воскресенье или праздник его старались покрестить. Звались кумовья — крёстные матушка и батюшка. После крещения, погружения в купель, по возвращении из церкви домой крещёного младенца встречали на пороге дома приветственными песнями. С этого момента, по старому обычаю, начиналось празднество. За крестинный стол рассаживались гости, появлялась бабка с традиционной, сильно посоленной кашей. Исполнялись крестинные песни, приговоры, шутки; крещёного ребёнка чествовали и одаривали подарками. На крестины ребёнку давали имя. Обычно брали имя одного из святых, записанное в святцах. И этот день становился именинным и отмечался уже всю жизнь.

Первые слова, образы окружающей жизни, интонации народных напевов ребёнок получает, когда, укачивая его, под

скрип качающейся на берёзовом очеку люльки мать поёт колыбельные песни. Развивается его творческое мышление и через песенки-пестушки. Термин «пестушка» произошёл от слова «пестовать», то есть нянчить, воспитывать, растить, холить, носить на руках. Пестушки исполняются в первые месяцы жизни ребёнка, цель их — забавлять, потешать, успокаивать, отвлекать, ласкать ребёнка, а нередко просто комментировать его движения и действия — агуканье и гуленье, потягивание, плач, первые шажки и т.д. Короткие песенки — потешки — сопровождают несложные игры и забавы взрослого с ребёнком. Это всем известные «Ладушки» и «Сорока», «Идёт коза рогатая» и «По кочкам, по кочкам»... Исполняя потешки, маленького ребёнка берут на руки, перемещаются с ним, качают его, выполняют разные движения его ручками, ножками, головкой. В этих играх малыш не только запоминает слова и мелодии потешек, не только сам их повторяет, но и получает физическое развитие. Впервые помогают ему стоять на ножках и передвигаться сделанные специально для этого различные приспособления: стоялки, ходули, хожалки.

Самый большой раздел в книге — «Заговоры». В нём всё о болезнях маленьких детей и их лечении народными средствами. Разных болезней у родившегося младенца может быть очень много. Одних грыж насчитывается тринадцать. Большинство болезней, таких как сглаз и щетинка, огонник и озёва, исполох и ночница, излечивалось только особыми обрядами, молитвами, заговорами, целебными травами.

Всё самое ладное и красивое из утвари, игрушек, одежды было у маленьких детей. Люлька с вырезанными на боках затейливыми фигурками, расцвеченная яркими узорами игрушечная прялка, одеяльце из цветастых лоскутков и брыжами-оборками, неповторимый самотканый костюм, наподобие старинного. Всё это, как и песни, украшало жизнь ребёнка, радовало глаз, развивало в нём видение красоты окружающего мира, воспитывало добрые чувства и любовь к родному дому, к своей земле.

В конце книги дано нотное приложение с напевами к песням, словарь с объяснением старинных слов, сведения об исполнителях. И заключает книгу библиография по детскому фольклору.

Г.М. Наumenко

Традиционный рязанский костюм в селе Секирино шили не только взрослым, но и детям.
Мирошкина Марина (11 лет) и Семунькина Алена (3 года). 1987 год.

В О БРЕМЕНИ

ДЕТИ — БЛАГОДАТЬ БОЖЬЯ

У нас говорят: «С детьми горе, а без них вдвое». Дети-то во благо, к счастью. Дети — благодать Божья. У кого детей нет, тот во грехе живёт. Чтобы Бог простил, приёмыша берут.

*(Архангельская область, 13)**

Как бы тяжело ни жилось, сколько бы в семье детей не было, а матушка-брюхатушка к своему ещё не родившемуся дитю относится с любовью, лелейностью, ждёт его богоговейно.

(Архангельская область, 14)

Детки — радость! Мой-то, он мне богоданный, умолённый, такой-то желанный. С Божьей милостью, моя надёжа и укрепа. Он ещё в утробе тóркался, а я уж к нему всей душой тянулась.

(Архангельская область, 16)

Ребёнка ангелом называли. Пока он неразумный, не понимает, не говорит ничего, так и называли ребёнка: «Он ещё ангел! Ему ещё никакого греха нет!» Ангел — пока маленький, пока ничего не знает. Он по своему детскому неусмотрению, непониманию что-нибудь и скажет, что слышит, да то с неназолой, не с кривым умыслом. Говорили: «До семи лет мать принимает грехи своего ребёнка». *(Грузия, духоборы, 104)*

Дитя — ангельская душа. Считали его ангелом. Он ни в чём не виноват, ни в каком грехе. И потому, не дай Бог помрёт, его хоронили на общем кладбище, хоть бы и не был он крещённый.

(Смоленская область, 169)

Пока родишь, где уж радоваться, ждать его. Где уж там раньше счастья ждать — пока родится. И на покос идти

*

Каждый исполнитель имеет свой номер, по которому сведения о нем можно найти в конце книги на стр. 371

грамоdíть, и копны и скирды складывать. И рожали там же на загóни, на поле. Вот так и было. Мать-то своего каждая любит, а как же.

(Грузия, духоборы, 101)

К детям относились хорошо, с добротою. Во бремени матери полагалось лучше оживить, нежели многими воздержаниями погубить. Вот мать тяжёлая, во бремени своего ребёнка носит, живую душу вынашивает. Он уж и растёт, дышит там, и голосом лепетáет, и вроде как култыхáется. И как же это живое-родное из-под своего сердца погубить? Бог не простит!

(Смоленская область, 144)

Загубить дитю во утробе — непростимый грех. А девушке, ещё не замужней, — нет. Очень бы её осуждали за это. Вот какую причёсть сказывали: «Девушка тащит в прорубь дитю. Идёт Христос и говорит: «Бог в помощь!» Это значит: Бог тебе поможет. Стыд она свой скрывает. И ежели спокается, грех ей этот простится.

(Архангельская область, 15)

Наиболее желанным бывает первый ребяенок. Ждут сокровиночку, не дождутся. Ему род-племя продолжить, своих батюшку и матушку утешить. У всякого пёрвыш родится: во лбу светлый месяц, за ушами ясны звёзды.

(Ярославская область, 181)

Первого у меня особенно муж ждал. Говорил: «Чтоб дочка у нас только была; чтобы родилась дочка первая и на тебя была похожа — глаза были твои, голубые, как озерки». Вот родилась девка, и уж действительно всё моё: у него-то глаза маленькие, а у меня лупастые.

(Волгоградская область, 93)

НА КАЖДУЮ НОЧЬ — СЫНА И ДОЧЬ

Когда детей долго нет, муж и жена берут чашку с соком брусники и молоко и выпивают. Потом берутся обеими руками за эту чашку и разбивают её. А родители им поют:

*Сколько черепков,
Столько у нашей Марьюшки
Будет девочек и парничков!
Ложитесь вдвоём,
Вставайте втроём!
На каждую ночь —
Сына и дочь!*

(Архангельская область, 55)

Какая жонка неродиха, неплодница, по ей молятся, чтоб затяжелела. Молятся преподобному Роману-чудотворцу двадцать седьмого ноября и преподобному Ипатию тридцать первого марта.

(Курская область, 127)

Чтоб забеременеть, у нас женщины пили яблочный уксус, смешанный с мёдом.

(Краснодарский край, 116)

Вот удумали муж и жена заиметь ребёнка. Для того, прежде чем лечь, они подходили к образам и говорили молитву: «О зачатии и даровании им детей»:

*Услышь нас, рабов Божиих Василия и Анну,
Услышь, Милосердный и Всемогущий Боже,
Да молением нашим ниспослана будет
Благодать Твоя.*

*Будь милостив, Господи, к молитве нашей,
Вспомни закон Твой об умножении рода
человеческого*

*И будь милостивым покровителем в
безгрешном зачатии,*

Да Твоею помощью сохранится Тобою же
установленное.
Ты властною силою Твоею из ничего всё
сотворил
И положил начало всего в мире существующего,
Сотворил и человека по образу Своему.
Призри, Милосердный, на рабов Своих сих,
Союзом супружеским соединённых
И умоляющих о Твоей помощи.
Да будет на них милость Твоя,
Да будут они плодовиты
И да увидят они сыны сынов своих
Даже до третьего и четвёртого рода.
И до желаемой старости доживут,
И войдут в Царство Небесное
Через Господа нашего Иисуса Христа,
Которому всякая слава, честь и поклонение
Подобаёт, со Святым Духом, во веки. Аминь!
(Архангельская область, 4)

Некоторые женщины считают: ребёнок зарождается в три дня. Кто забрюхател, тщательно скрывает от всех зарождение ребёнка, не дай Бог, сглазят или опризёрят, вред какой сделают. Когда забрюхатевшая начинает чувствовать, что ребёнок шевелится, то читает молитву: «Богородица Дева, радуйся».

(Архангельская область, 24)

Большой грех считался, если зачатие ребёнка было в Великий Пост. Жить мужчине и женщине в Великий Пост было грехом. И детей, в такое время зачатых, батюшка в церкви не крестил.

(Коми, 113)

В какой день зачать ребёнка, в какую пору-время, ти в счастливое, ти не в счастливое — мы не гадали, а знавали. Вот на Купалу в Иванову ночь зачнёшь, богатырь будет, а в Святую

Троицу — богобоязен станет. На ущербе молодого месяца зачнёшь, болезен будет, а при полной луне — здоров и богат. И на небо на частые звёзды взглядывали и зори высчитывали. На вечерней заре зачнёшь, дитё угрюм и зол родится, на утренней — весел и добёр будет. В полдень зародится, будет ленив, а в полночь — работлив. (Смоленская область, 169)

У нас было такое поверье: чтобы родилась девочка, жена ложилась с мужем спать с повязанным на голове платком. Ну, а если они хотели мальчика, то на ночь клали под подушку кочедык и трубку. Или вот ещё так делали: когда хотели поиметь девочку, ложились в ночь спать в саду под молодую яблоньку, а когда хотели мальчика, то ложились в ночь при рождении молодого месяца. (Рязанская область, 139)

Чтобы родился мальчик, беременная женщина в продолжении девяти дней со времени первого движения младенца в утробе не должна произносить ни единого женского имени. По вечерам она должна ходить на задворки и умываться холодной водой или обтирать лицо снегом, и приговаривать:

*В чёрной избе
За дубовым столом
Сидит красный молодец!
Ты, водица, не свернись,
А ты, мило дитя, не извернись,
Думушкой не посвихнись!
Молодец, покажись!*

А чтобы родилась девочка, то целых три дня с момента первого движения в утробе младенца нужно ходить к корове в хлев и тайно из сосков пускать на навоз немного молока. Ходить также на задворки умываться холодной водой или снегом и говорить:

*Иду я, матица,
Из ворот на волюшку
В чистое полюшко —
Девуцу закликать!
Горюшка не сприймать,
Чтоб милую дитю —
Дочушкой звать!*

(Архангельская область, 44)

Ежели брюхатая женщина пожелает, надумает иметь кудряша — кудрявого младенца родить, она должна зашить в ладанку баранью шёрстку и носить её на груди, а также три раза ходить по зорям на быстрину речки и, выдернувши из своей головы три волоска, держать их в воде со словами:

*Вода, катись!
Волос, закрутись —
Не у меня, рабы,
А что лежит у груди.
Волос, закрутись,
На дите появись.
Слава заре!
Слава студёной воде!
Сбудься!*

(Ярославская область, 184)

Я знаю, как мальчика родить и как девочку родить. Вот мой мужик приехал с заработков из Сафонова. Ну, знаешь, как молодые встретились после разлуки — поцеловались. Вот расстелились, и я на левый бок — хоп и легла — мальчика и зародила, а на правый бок лечь — девочка бы была. Мальчик или девочка бывает — на каком боку их зародишь. У других нет ребёнка — и хорошо! А тут чуть поцеловались — и ребёнок. Я девять народила. Моя мама родила восемнадцать штук.

(Смоленская область, 159)

В старину у нас так делали: чтобы родившийся в будущем был дельным и работающим, беременная женщина, сидя за гребнем с пряжей, должна переступать ногами, а на ночь класть под подушку какую есть сделанную за день работу, ну, там: спряденную нитку, тканьё, шитьё...

(Калужская область, 107)

Хоть и говорят: «Каково семя, таково и племя» и «Кто от кого, тот и в того», а всё же есть особые приметки, каков родится младенец. Если первое движение младенца в утробе матери будет ночью, то он будет нрава тихого, если днём — то крутого, если утром — то будет на лицо моложав и добёр, если же вечером — то лицом будет старообраз, прыщеват, будет злым и неугомонным.

(Курская область, 119)

ГОЛОВЫНЫЕ СНЫ

Как женщина забеременела, гадают, кто родится. Замечают: живот копылом, острый да высокий — родится мальчик, а живот вниз, куполом да разлапый в ширину — родится девочка.

(Смоленская область, 169)

На живот гляну и скажу: здесь вот он тычком, острый — это значит, будет мальчик. А коли он круглый и распласт — это будет девочка. Редко когда уж ошибусь.

(Волгоградская область, 93)

Старые люди определяли так, бывало, скажут: «М-м, Нюрка, ты родишь мальчика, живот-то у тебя продолговатый, горшком». И говорили: баба на сносях полнеет, а живот широкий, тупой — значит, будет девочка. Так располагали раньше люди.

(Воронежская область, 98)

Вот скажут: «Ой, ж...а у тя толста́я, ма́тёрая, уж ты родишь деушку. А живот клином — парня ро́дит».

(Архангельская область, 40)

Определяли: «каков живот, таков и плод». Живот у родихи обостряется — родится мальчик, а живот о́блый, широкий — девочка, а раздваивается — то двойня будет. *(Коми, 111)*

Определять, кто родится, нужна практика. Практику эту я нашла, родивши свою Дашку малую. В каком боку у беременной женщины заторкается первый раз, ти в правом или в левом, я уж и скажу: в правом — родится девочка, в левом — мальчик. Кто ни спросит, обязательно девочка в правом боку, а мальчик в левом.

(Смоленская область, 159)

Если в левом боку шевелится, то родится мальчик, если шевелится по всему животу — девочка.

(Архангельская область, 28)

Если первые три месяца легки, родится мальчик, тяжелы — девочка. Женщина левой ногой вперёд выступает — мальчик родится, правой — девочка. *(Нижегородская область, 131)*

Коли мать, сидя, протягивает левую ногу и плод на левой стороне, коли ест хорошо всякую пищу, родится мальчик. Коли же выставляет правую ногу и плод в правом боку, коли охотно слушает песни и причуд много, родится девочка.

(Архангельская область, 17)

Идёт женщина в положении, спрашивают: «Покажи-ка руки — кто родится?» Ежели родишка покажет руки вверх ладонями, то родится девочка, а вниз ладонями — то мальчик. А на пол садится, так смотрят: на правый бок будет вставать и правой

рукой опираться — будет мальчик, а вот на левый бок станет вставать и берётся левой рукой — так будет девочка.

(Архангельская область, 36)

Беременная женщина полнеет и если стыдится вопроса: «Кого родишь?» — то уж точно родит девочку. А если худеет лицом, или у ней сильно распухают ноги, родит мальчика.

(Коми, 111)

Кто родится, определяли по лицу. Если на лицо родильница не изменяется, какая была красотой своей, без пятен, без всего, лицо очень чистое — это значит, говорили, что будет девочка. А если схудала, сошла с лица и временами всё лицо пятнами, то говорили, тогда будет мальчик.

(Архангельская область, 47)

Когда на грудях роженицы вокруг сосков чёрные пятна или соски чёрные, то появится мальчик. Будет мальчик и когда проглядывается рыжая полоса от лобка до пупа. Когда же у роженицы светлое лицо и на нём рыжие пятна, родится девочка.

(Архангельская область, 76)

Когда баба брюхатая ходит «парнем», сахара и сладкого не хочет и чая даже не пьёт — это она, значит, паренька носит. А «девкой» ходит и всё сладкое хорошо ест, тут уж верно девушку принесёт.

(Архангельская область, 18)

Обычно, когда не первый ребёнок родится, тогда определяли по еде — кого отяжелевшая носит. Какую еду требует: кислую рыбку, местного посола, говорят, девочка родится. А свежую рыбку хочет — на мальчика. Вот такие признаки были.

(Коми, 111)

По еде известно, кого роди́ха родит. С мальчиком всё ест, не примирает, а с девочкой — примирает. «Примирать» — это у нас так говорят: плохо чувствовать себя, как полуумирать.

(Вологодская область, 95)

Если у женщины до родов много в груди молока, родится девочка, если его мало или совсем нет — мальчик.

(Курская область, 123)

Соловьиные сны снятся. Соловей беременной привидится во сне, родится мальчик, а белую берёзку во сне увидит, родится девочка.

(Курская область, 122)

Гадали, кто родится. Сносная матка посадит за стол своего первого ребя́тёнка и разложит перед ним различные хозяйственные вещи: молоток и клещи, моток пряжи и веретено. Вот ребя́тёнок-то и потянется к ним. Какую первую в руки вещь возьмёт: мужскую, то родится мальчик, женскую — девочка.

(Тверская область, 175)

Глядят: если у последнего родившегося ребёнка позади нашее волосики не заканчиваются косичкой, у родильницы будет мальчик.

(Архангельская область, 4)

Случается так, что мать вдруг ощущает крик младенца в утробе, то это предвещает беду: скорую смерть новорождённому.

(Смоленская область, 155)

Ежели женщина во время беременности желает блинов и мёда, то ребёнок жить не будет. Ежели будет желать капусты, яблок, свежей рыбы, то родившийся на свет жить будет долго.

(Архангельская область, 53)

Примечают, коли мать ребятна — у ней много детей, то и дочь её ребятна будет. Недаром говорят: «Каково семя, таково и племя».

(Архангельская область, 44)

ВО СВЯТОЕ ВРЕМЯ

Беременной женщине нельзя наступать на кривые вещи: хомут, дугу, коромысло, кочергу, косу, а то дитя родится горбуном. Нельзя долго смотреть в воду — иначе дитя будет косоглазым.

(Калужская область, 107)

Роженице нельзя становиться на верёвку, или ребёнок родится удушенным пуповиной. А коли она будет перешагивать верёвку туда и обратно, в утробе пуповина обовьёт шею новорождённого.

(Смоленская область, 174)

Если беременная наступит на кошку или собаку или перешагнёт через них, на теле ребёнка может появиться место, покрытое шерстью. Когда такое случается, то мать моется в воде, настоянной отрубями и берёзовой золой.

(Волгоградская область, 92)

Брюхатой женщине нельзя смотреть на покойника, подходить к падали и брать её в руки. Иначе мать и её дитя заболевают цингой. Чтобы родившийся в будущем не стал пьяницей, брюхатая мать не должна пить водку, бражку и желать горьких овощей: луку, перцу, редьки.

(Грузия, духоборы, 103)

Отяжелевшей женщине не дают есть яишницу со сковороды и кушать прямо из котелка — не то родится младенец с чёрными пятнами.

(Нижегородская область, 135)

Беременная не должна есть костистой рыбы или возиться с падалью, иначе ребёнок не будет долго говорить. Она не должна

быть при заколе животных и слышать при заколе их крик, тогда, говорят, родившегося ребёнка «обуяет родимчик», он не будет по ночам спать и изведётся от крика.

(Архангельская область, 11)

Непорожняя жонка должна больше пить молока, тогда тельце младенца будет белым. Должна она есть и красные ягоды: бруснику, клюкву, чтобы младенец был румяным.

(Смоленская область, 143)

Родильница не должна лежать против открытого окна, чтобы на неё светил лунный свет. Если ей спящей на грудь или живот попадёт лунный свет, то ребёнок может стать лунатиком.

(Ярославская область, 182)

По старинному поверью, коли мать будет качать пустую зыбку или на стол постилать скатерти вдвое, у ней родится двойня.

(Смоленская область, 163)

Вот бывает молонья ли грозовая, или грохотьё какое неожиданное, привидится ли что, а ещё хуже при пожаре — испугается женщина в положении-то. И вот пока не пройдёт у неё испуг и страх, она не должна касаться руками своего тела. Иначе на этих местах у младенца будут красные пятна, и остаются они на всю жизнь.

(Смоленская область, 169)

В святое время женщине на сносях особенный грех работать, что-то делать. Две недели, когда Святки-колядки, Рождество, на Пасхальну неделю, светлую Троицу и Николу не должна она ничего подделывать. Знает: старое не шить, только всё новое. А случись поработает, то младенец родится ослапный или с изъязном каким.

(Смоленская область, 169)

По старому понятию, отяжелевшая должна быть к себе внимательна, избегать неприятности. Ей нужно стараться не

глядеть на всё некрасивое, уродливое, неприятного-неприглядного ей вида, не то у неё ребёнок родится уродцем.

(Архангельская область, 50)

Считалось, что женщине во время беременности полезно смотреть и любоваться на маленьких здоровёшеньких ребятёнков. И часто взгляды на мужа, чтобы ребятёнок был на него похож и в него хорош и пригож. А коли мужа долго нет, то смотреть на себя в зеркало. Раньше-то думали и так говорили: коли эта женщина будет обращать внимание только на одно хорошее и красивое, то это ей поспособствует появлению правильного ребёнка — пригожего и здоровенького.

(Белгородская область, 69)

Народная песенница К.А. Теплякова с внучкой Олей. Село Шелаево Белгородской области 1989 г.

Родины

КАК С ЯЙЦА ВОДА СТЕКАЕТ

Как только женщина отяжелела, она говорит об этом своим близким. И с этого времени пользуется в доме вниманием, обережением и уважением. Выполняются все её желания, что она брюшком захочет — поест или попить, то ей стараются угодить. Считают, что все прихоти-хотеньица эти исходят от младенца в утробе, а не исполнять их было делом греховным. Ежели отяжелевшей отказывать, то будут схватки в животе до дня родов; или родильница даст назóлу — будет маяться, и младенец долго не появится на свет Божий, так как ему, утробному, не хотели угодить и не дали силы и весу.

(Курская область, 123)

У нас-то брюхатые бабы мало обращали на себя внимание, до последнего дня выходили в поле и так же работали, как и здоровые бабы, и никому не давали замечать своего положения. Беременной-то молодухе лучше работать, чем отдыхать — легче родить.

(Архангельская область, 13)

Работали и легче рожали! Лишь бы нечрезмерно тянуть, лишь бы не надорвать. Береглись, чтобы не удариться, чтобы вереды никакой не было в утробе. Не дай Бог, толканётся он там головёнкой, повреждение какое себе сделает. Ведь взаправду говорят: «Как дитё во черёвушке носишь, так его и рóдишь». Уважительность к беременным была, обережение всяческое. А когда я спокойна, и ребёнок во мне тоже.

(Грузия, духоборы, 104)

Тогда в декретный отпуск не ходили, работали до последней минуты. А у меня в это время уж стал живот болеть. А опять надо идти на работу. Пока в поле всю свёклу не вырыли — нельзя было ни тряхнуться, ни ворохнуться. От тяжёлых работ у сносных баб были и выкидыши, и недоноски.

(Воронежская область, 99)

Родится ребёнок, говорят, через девять месяцев, спустя неделю после зачатия. Кто в деревне знает, что родить какая матка должна, молится за неё. Очень тяжело ей родить, и всем за неё Богу молиться надо. О разрешении от трудных родов молятся святой Анастасии-разрешительнице*. Об освобождении от родильных мук просят у Пресвятой Богородицы Федоровской шестнадцатого августа и у великомученицы Екатерины двадцать четвёртого ноября. О сохранении здоровья новорождённого молятся Пресвятой Богородице Тихвинской двадцать шестого июня и праведному Симеону Богоприимцу третьего февраля.

Родильница для облегчения родов читает молитву «Сон Пресвятой Богородицы» и кладёт её на ночь в головы. Читает ещё и молитву, что ей помогает: «Господь Всемилостивый и Всемогущий, будь со мною, оберегай меня, рабу твою, во дни и ночи и на всякий худой час! Прошу и молю тебя, Господи, через муку твою святую, что претерпел нас ради грешных, и кровь святу праведную излил. Молю, позволь, в муках ли, в безболии ли — дитячко принимать из темени утробной на белый свет Божий!».

(Архангельская область, 35)

Когда приходит время родить и начинаются лёгкие схватки, то посылают к жёрнову молоть. Жёрнов-то каменный, по кругу рукой возишь, да так навихляешься, что и про боль-тяготу позабудешь. Потом в баню пойдёшь, распаришься, чтобы легче было родить.

(Архангельская область, 19)

Перед родами, когда лежишь и тяжело тебе становится, нужно мать на уме держать. Мне знающие люди говорили: «Когда тяжело, думай о матери».

Пойдёшь рожать, яйцо возьмёшь, окатишь его водичкой и говоришь:

* По Святцам — «узурешительница», 22 декабря (даты указываются по старому стилю)

*Как с яйца вода стекает,
Так с меня ребёнок выкатись!*

И по животу это яйцо покатаешь. Вот такой старый порядок был. (Вологодская область, 97)

СПРАВИТЬ СВОЁ ДЕЛЬЦЕ

Рожать будешь, говоришь: «Подьте к бабке-то! Зовите перебабить!» Звались просто бабки — старые-ти бабушки. Ну, примерно, я родила первого ребёнка: я не знаю грыжи, я не знаю прикоса, не знаю ночницу-бессоницу, я не знаю ничего. А бабка перебабит, поможет ребёночка и всё сделает. И знает, как лечить: как грыжу загрызать, как исполох избывать; знает, как ребёночка повивать и от призору ограждать.

(Архангельская область, 31)

У нас где прихватит, там и рожали. Специально была бабушка-повитуха, она ходила и роды принимала. Бабушка-повитуха была на это дело благословлённая. И она не имела права отказаться. Ночь ли, полночь, а она ходила, принимала роды. И сразу при рождении ребёнка грыжи заговаривала.

(Бурятия, семейские Забайкалья, 83)

Бывало, что уже перед родами муж приводил к жене бабку-повитуху. Он шёл в её дом, приносил приношеньце — хлеб или пирог, и низко кланяясь, приглашал справить своё дельце. Бабка прихватывала травки, пузырьки с наговóренной водой и тут же отправлялась в дорогу. Придя к роженице, она её осматривала, поила травками, делала растирания, читала молитвы. При родах в доме бабку все слушались, исполняли все её приказы-указания, относились к ней с большим уважением.

(Смоленская область, 144)

Бабушка роды принимать у меня пришла. Бабушки эти «пывушки» и «пойвушки» звались, умели бабить. А когда и была в деревне акушерка, то её не звали: не умела грыжу заговаривать, не умела от сглазу отводить, не умела знахарничать. (Вологодская область, 97)

Тогда не было врачей, а принимала ребёнка бабка. Бабка эта бабила. Если у этой бабки при родах умирали её собственные дети, то и повитый ею младенец мог умереть. И поэтому такую бабку не звали бабить. И бабку, не имевшую своих детей, тоже не звали бабить, считалось, что тогда роды будут тяжёлыми. (Смоленская область, 159)

Повивальная бабка у нас звалась «пупова-баба» и «гог-баба». Опыт у неё был большой, справлялась с трудными родами. Растирала и разглаживала тело родильницы в бане или в печи, старалась ей облегчить роды. И молитв бабка много знала и заговоров, и многие хвори-недуги вылечивала.

(Архангельская область, 12)

Не всегда к роженице звали повитуху, только когда трудные роды. А так и своя родная бабушка принимала ребёночка. Да матери могли, пуп перевязывали.

(Архангельская область, 50)

Как только бабка-повитуха приходила к родильнице на порог и отворяла дверь, она громко припевала:

*Шумнули, шумнули,
Грянули, грянули!
Ой, мы приехали,
Ой, мы приехали
Не двора смотреть,
А родимицу глядеть!
Отмокнися, отмокнися,*

Витой замочек.
Отоприся, отоприся,
Бела дубова дверь.
Распахнися, распахнися,
Шитый бран положок.
Расслабнися, расслабнися,
Тугой-вздымчивой животок!
Помолися, помолися
На три образа великие:
Как первый-то образ —
Христу Спасителю;
Как второй-то образ —
Святой Богородице;
Третий — ангелу,
Своему хранителю! *** *

Потом бабка брала квашню, замешивала в ней ржаное тесто и говорила:

Растворю я квашонку на донышке,
Я поставлю квашонку на столбышке.
Узошла моя квашонка с краями ровна,
С краями ровна и совсем полна.
Как тебя, моя квашонка,
Творю не весь долгий денёк,
Так бы рабе Божией Аннушке
Мучиться один минутный часок!
В сутках сидеть, поперёк толстеть,
Не болеть ничего, родить хорошо!

И давала родильнице это тесто с ложки откусать. Для того, чтобы родильница «не сронила» — не было выкидыша, бабка опрокидывала ведро вверх дном, наливала туда родниковой или

* Этот значок обозначает, что напев к тексту песни находится в нотном приложении

колодезной воды, потом, пошептав заговор, сливала эту воду в ковш и давала ей испить. (Архангельская область, 23)

Трудные роды были. Повитуха пришла. Рожоха та ей примолвляет:

*Бабусечка-голубусечка,
Перебабь мне дитятку!
Моё будет рождёное,
Твоё будет баблёное!*

Бабка взялась читать «Живые помощи»^{*}. А сама рукой рожохи поправляет, поглаживает живот, своей речью успокаивает. Потом принялась ставить на живот широкий такой, низкий горшок, а в него вложила зажжённую смоляную лучину. От этого-то у рожохи часть живота втянулась в горшок. Бабка говорит: «Вот живот-то расшарился, большенький стал — кожу живота оттянуло». После бабка взялась смазывать живот сметаной — для размягчения. И руками всё водит-водит по животу. Так умело водила, что вроде как бы и перевернула ребёнка там в утробе. Тут рожоха и понесла как надь.

(Смоленская область, 155)

Если родильница рожает трудно, повивальная бабка идёт к женщине, что раньше легко рожала, и берёт у неё яйцо. После этого из ржи выбирает спорынью и варит это яйцо со спорыньёй. А сама баит всё: «Как это яйцо в спорынье уварится, так раба Божья Дарья опростается!» И даёт родильнице отвар этот пить.

Также для облегчения родов приготавливает настойку из васильков и даёт родильнице пить. Даёт также пить воду с углей. Угли эти, выскочившие из печи, бабка собирает заранее и бережно хранит: «Это для того, — баит она, — чтобы бабёхерожохе родить скоро, как этот уголь выскочил из печи». Чтoб быстрее родить, даёт ещё пить настой из травы пострел.

^{*} Псалом 90 «Живый в помощи Вышняго...»

Иногда при трудных родах бабка велит родильницу встряхивать вверх ногами. И баит: «Младенец в утробе выправляется и принимает нужное положение».

(Архангельская область, 25)

Бывает, рожальница не может сродить, мучится, тогда бабка в горнице накрывает стол новой скатертью и ставит хлеб и соль. И трижды болезную обводит вокруг стола, и три раза повторяет: «Как скоро раба Божья Александра обойдёт круг стола, так скоро и родит дитя!» Потом бабка берёт икону Божьей Матери, обмывает её ключевой водой над дном опрокинутого ведра. Воду же, слившуюся на обороченном кверху донце, велит пить рожальнице из трёх мест, а сама поворачивает ведро по солнцу и повторяет слова: «По солону, по молону, опростанься по-моему!» Оставшейся водой бабка неожиданно и сильно брызжет рожальнице в лицо, стараясь испугать. И этим испугом ускоряет роды.

(Калужская область, 108)

Говорят, по старинному поверью, всяческая замкнутость мешает скорым родам. Поэтому-то повитуха первым делом оглядывала-осматривала в доме все углы и где находила какой связанный узел, развязывала тут же его, отпирала во всём доме запоры и замки, поднимала крышки сундуков, отворяла печную заслонку.

Для облегчения родов бабка у рожавшей бабёхи расстёгивала ворот рубахи, снимала пояс, вынимала серьги из ушей, расплетала косу и клала ей волосы в рот, развязывала на ней и на себе все узлы. Чтобы легче родить, не должно быть ни одного узла.

(Архангельская область, 51)

У нас эта бабка ходила на болото и собирала грызюну траву, трава-то эта «венерины волосы» называется. И этой травой поила при родах. Говорила: «Она гожа против болей и кровоточений и потугам усиление даёт».

А коли всё ж в муках рожала рожонка, то бабка эта велела зажечь венчальные свечи, окачивала водой обручальные кольца и этой водой её поила, а мужа посылала идти в церковь просить батюшку отворить Царские Врата.

(Архангельская область, 57)

Для ускорения и облегчения родов рожавшей дают пить настой корицы в вине, а также настой травы чернобыльника. Выкапывают чернобыльник с корнем, мелко рубят и варят в вине или с уксусом. И которая матка при родах долго мучается, этот настой пьёт. Считают, что чернобыльник очень целебный при родах: и живое, и мёртвое дитя из утробы выведет.

(Смоленская область, 173)

Повитуха-то как придёт, бывало, к бабёнке родеиной и давай за дело — бабчить. На печь ложит и весь живот ей растёртым коровьим маслом терёт, руками разглаживает. А при долгих муках давала пить настой листьев краснобыльника и поила соком полой травы. И что, помогало.

(Волгоградская область, 87)

Во время родовых потуг, для облегчения, женщину нужно поить настоем стрельной травы, по-настоящему её называют «пострел боровой». Растёт стрельная трава при борах в марте и апреле сквозь снег. Высотой она в пядь, растёт кустиками, и цвет такой синий. Рвать её нужно обязательно на Пасху, и в то место, где сорвано, класть великоденное яйцо. Сбирать нужно только в полном цвету, вместе с кореньями. Настой из стрельной травы делается на воде или на водке.

(Архангельская область, 29)

Чтобы роженица тяжело не рожала, бабка её в байне разрабатывала. Вела в байну распарить и размягчить кости, да познахарить: заговором от напуска и сглаза, от чужой злобы оградить. Роженица просила: «А, бабушка добрая, рука твоя

лёгкая, сведи меня, страдалицу, во тёплу парну баенку, в белу умываленку. Вызволи меня, бабушка, от мук и болестей».

Родные роженицы топили байну, для паренья готовили веники из молодой берёзы. Провожая её до порога байны, пели:

*Про тебя баенка топлена,
Для тебя изготовлена!
Ещё наша парна баенка
Во сыром бору рублена-строена,
На добрых-то конях вожена,
По реке байна приправлена,
По край бережку поставлена.
Мишона баенка лисицами,
Крыта баенка куницами.
В нашей парной баенке
Ободверенки дубовые,
А двери-то щитовые.
В нашей парной баенке
Есть три лавочки брусковые,
Есть три полочки точёные,
Камеленочка хрустальная,
Черепушечка серебряная.
Истопили мы парну баенку,
Что без дыму, без чаду-то,
Без кудельной-то копоты.
Наносили воды колодезные,
Нарубили дрова самосушныя,
Самосушныя, самовальныя.
Изукрашена парна баенка
Всё цветочками аленькими,
Аленькими да лазурёвыми.
Огорожена путь-дороженька
Она белой берёзонькой.
Растопись, наша баенка!
Разгорись, сыра каменка!*

Приготавливая в байну наговорную воду, бабка шла за ней с новым ведром на реку и зачерпывала воду только по течению реки. Вернувшись в байну, молилась. Потом опускала в ведро правую руку, зачерпнув там горстью воду, сливала её по руке через локоть в ушат и наговаривала: «Как вода на локте не держится, так на рабе Божьей Марьюшке — ни уроки, ни призоры не держитесь!» Так она черпала воду тридевять раз и после, с молитвой, опускала в эту воду три раскалённых докрасна уголька и чертила на воде ножом крест. Тогда бабка сажала роженицу на баенный порог лицом на восток и три раза брызгала ей в лицо наговорной, целительной водой. При том три раза повторяла слова:

*Вода-водица!
Вода-царица!
Вода-благодарица!
Как течёшь, омываешь
Красны бережочки,
Жёлтые песочки,
Пенья и коренья,
Белы каменья,
Так омой рабу Божью!
Сухватки, призоры,
Лихие оговоры —
Из лиц и косиц,
Из ясных очей,
Из чёрных бровей,
Из белого тела,
Из ретивого сердца,
Из горячей крови.
Тем словам моим ключ и замок,
Крепкий заговор!*

Оставшуюся воду бабка выливала роженице на голову.

Потом бабка ложила роженицу на полók и разминала, растирала тело и живот руками и суконками, хлестала

берёзовым веником и наговаривала: «Идёт красна девка с сухим веником, тушит-гасит баенную нечисть, все сухватки и боли! Как у этого веника листки опадут, так и сухватки и боли пропадут!» Тут же она плескала три раза воду на каменку и говорила: «Мою я рабу Божию Марью во жару, во пару! Как идёт из каменки жар, а из дымника пар, так бы сходили бы с рабы Божьей Марьи все скорби и боли!» При этом она не велела роженице зевать: «А то в раскрытый рот войдёт скверный дух, — пугала она, — и младенец в утробе задохнётся». Так-то в бане всё и происходило. Раньше-то бабки знали, как роды облégчить.

(Архангельская область, 54)

В бане напаришься — будет легче родить. Для того за водой идёшь к реке. Черпаешь три раза воду и шепчешь:

*Во имя Отца и Сына и Святого Духа!
Матушка река, крутые берега,
Дай ти мне чудны ключи
Отпирать гору каменную,
Пропускать голову костяную!*

Напаришься в этой воде и уж перед самыми родами другие слова наговариваешь:

*Во имя Отца и Сына и Святого Духа!
Из города Иерусалима идёт Иисус Христос.
Мати Мария родила сына Иисуса Христа —
Не болевши, не стонавши и люди не слыжавши.
Так бы и мне, рабе Божией, родить младенца —
Не стонавши, не болевши и люди не слыжавши!*
(Ярославская область, 184)

Перед родами, когда начинались схватки, роженичка произносила молитву:

*Стану я, раба Божья Варвара, благословясь,
И пойду, помолясь и перекрестясь,*

Из избы дверьми, из двора воротами.
Выйду я в чистое поле к синему морю,
Поклонюсь и помолюсь на восточную сторону.
На той восточной стороне стоит
престол Господень.

А на том престоле Господнем
Сидит Пресвятая Мати Божья Богородица.
Пресвятая Мати Богородица,
Сходи со престола Господня
И бери свои золотые ключи.
И у меня, рабы Божьей, отпирай мясные
ворота,
И выпускай младенца на свет и на Божью
волю!
Во веки веков. Аминь!

(Рязанская область, 140)

ПРИ РОДАХ

Как только подходят роды, муж этой родящей всех посторонних из дома выпроваживает. Когда чужой в доме, по старым понятиям считают, что вдвое продлеваются родильные муки, да и чёрного глаза опасаются. Семейные же и дети уходят в другую часть дома. Остаются лишь те, кто принимает роды. Муж при родах старается быть рядом с женой. Чтобы она поскорей и без мук родила, он даёт жене испить воды из своего рта, держит жену на коленях или прижимает коленом ей спину.

(Брянская область, 80)

Старались дома родить, но чтобы никто не знал, что будешь рожать, и чтобы никто не был в доме посторонний, и чтобы чужих не было. Вот соседка ко мне пришла и говорит: «Сегодня дождь, жать не будем, пойдём в лес за волнухами». А я ей, что меня схватывает, не говорю. Отвечаю: «Я за волнухами не пойду, мне стирать надо». А сама вся болю, мучусь. Соседка

мне: «Так я к тебе приду шерсть чепать». Я думаю: «Лучше б не приходила». Только она от меня ушла, я палку у двери к сениям прислонила — это у нас такие замки были, кто придёт, увидит палку — значит, дома никого нет, и поворотит. Так соседка придёт шерсть чепать и уйдёт обратно.

Сию дома одна, на улице дождь. Мучусь и хожу, хожу. Муж пришёл на ужин, повалился и заснул. А меня-то и прихватило. Я то на поветь, то на двор, заметалась. И заревела. Муж проснулся: «Что! Тебе помочь? Пошли на поветь, а то вдруг кто зайдёт, а ты тут в горнице растубасишься». Пришли на поветь. Я ему на плечи руки положила, а он меня по бокам, по этим местам меня повмял, и я так, стоя, девочку и родила.

(Архангельская область, 51)

У нас вера такая была, что легче родить одной, нежели в присутствии кого-нибудь. Поэтому рожали тайно ото всех. Даже чтобы мать не знала. А то будет жалеть, и рожать тогда тяжело будет. Уходила рожать в баню — там на полке, на соломенной подстилке. А бывало и на повети рожали, и на сеновале, и в клети.

(Архангельская область, 50)

Родить из избы уходили: и тесно, и детишки бегают. Да и новорождённого от дурного глаза уберечь надобно, и самой свободнее. Чаще рожали в бане или в отхожей избе. Роды принимала опытная бабка, а помогала ей одна из молодых, знающая это дело.

(Смоленская область, 164)

В избе рожали на полу, на старом тряпье или на кровати, застланной дерюжкой. Мальчика рожала, так тяжело, тяготно было, думала помру, пока бабка пришла. Поглядела она на мой живот, поправила, молитву пошептала:

*Опротай, Боже, мою внученьку,
Её душечку да рожённую,
Другу душечку да новоявленную...*

Потом полотенцем обмотала меня вокруг живота. И надавливала на живот. И сразу у меня стали роды.

(Смоленская область, 146)

Бабка-повитуха старалась внушить родильнице мужество: она просила её во время родов не кричать хулильные слова и не проклинать себя и ребёнка. «От этого, — говорила бабка, — тягота-могота только увеличивается». Бабка всё успокаивала, чтобы легче роды были, молилась со словами:

*От Богородицы вспоможенье бывает,
Крепкой туги-потуги не бывает,
Болезни рожавшей утихают,
Дитя утробное здорово являет...*

(Коми, 111)

У нас когда тяжело рожали, так бабка рожать стоя заставляла. На матицу к брусу полотенце привесит или платок привяжет и велит рожохе держаться. Вот страданица-то возьмётся за матицу вот так руками, держится и тянется-тянется. А то бабка и на колено посадит, перегнёт так и этак через колено, и баба сразу понесёт.

(Нижегородская область, 131)

Бабушка-повивалушка всё умеет, помогнёт. Вот она роды примает, а ребёночек там ляжет в матке поперёк. А она сунет туда руки и поворачивает, поправляет. И от груди вниз вот так живот разглаживает, растирает — облегчает молодой рожать.

(Тверская область, 175)

Мама рассказывала, как при родах бывало. Роженицу водили в погребной подпол. Говорили, что в подполье легко родить. Лазили по лестнице в подполье и специально родить туда затаскивали.

Вот перед родами уведут роженицу в подполье. А там какова она: кто стоя, кто лёжа, кто как рождает; кто не может, мучается. Повитуха-то сначала проверит, всё прощупает, удобно ей сделает. Беду отведёт, в особенности, когда женщина первый раз рождает. Если ребёночек идёт неправильно — там попкой или ручкой, она поворачивает его. И даже если уже ручка показалась, то её вправит обратно и повернёт, чтобы шёл ребёнок правильно.

(Архангельская область, 9)

У родихи всё бывает. Ежели не может долго освободиться да телом худа, то бабушка в животе молоденчика так-то руками разворачивает. Намылит руки да с мылом разглаживает проход-то. Гладит и поворачивает его тихонько там.

У одной бабы у молоденчика головка-то в родáх застоялась, как вытянута была, головка-то долгая. Вот бабушка взяла так да поприжала в ладонях маленечко, округлила головку. И лодыжка у этого молоденчика была вывернута. Так она в первой бане распарила и разогнула эту лапку, заприкрытывала тряпичками. И всё заросло, зажило и нормально стало.

(Архангельская область, 62)

Бабка-повивалка давала родильнице съесть чашку брусники в молоке. Говорила: «Родится дитя румяный да белый телом.» Чтобы ускорить роды, бабка сговаривалась с родными родящей. И те под окном выкрикали какую-то весть о беде-несчастье, ну, к примеру, там: волк корову задрал или овин сгорел. От неожиданного испуга родильница могла скорей понести.

А вдруг случится, ребёнок неправильно пошёл, бабка развернёт его, поправит. После родов послед — детское место закапывали в подполье или прятали в углу избы под иконами. Часто бабка исправляла ребёнку головку. Пока она мягкая, как воск, бабка делала её кругленькой или подолгее.

(Бурятия, семейские Забайкалья, 83)

Мать не давала мне во время родов ложиться, не давала спать, водила по горнице. Потом кушаками за подмышки подвесила к воронцу. Я на кушаках висела. Вот потяготела-потяготела, ребёнок и родился. На утро мать стала будить: «Вставай, а то померёшь, послед-то не вышел». Пришла бабушка и говорит: «Нужна кислая опара». Стали опарой поить, послед и вышел. Потом байну топили. В байне парили и растирали. На полкё положили, массировали всё: руки, ноги, живот растирали снизу вверх. Так подряд топили четыре бани. А некоторые говорят: и все семь нужно топить.

В байну пойдут и рожденного ребёнка обмоют. Обмоют и сразу бабушка берёт у матери повойник, кладёт на пуп ребёнка, легонько берёт его в зубы и с наговором загрызает грыжу.

(Архангельская область, 55)

Бабы, на поле жавши, говорили: как только ребёнок родился, надобно его пуповину перевязать, отступив три пальца от живота, а тогда обрезать. Я как родила мою девочку в хате на Пасху, хватилась, а перевязать нечем. Тогда ж пряли сами лён да ткали, и с хаты всё было вынесено. А надо было обязательно льнянку сырую, немытую (ниточку такую от льна) и перевязать пуп этому ребёнку. Я тогда побегла в сени и нашла эту льняную ниточку. Пришла, завязала пуп ему. Родила-то его не вовремя, сняла мужью рубашку, завернула его да и на печку полезла. Покуда мужик мой привёл бабку-повитуху, я уж на печке была. Подвалила у меня лужа, ну, известно — роды, что ж тут, и стыдно, и обидно. В печке вода стояла тёплая, бабка ребёнка помыла, завёртывает.

Роды-то трудные были, магёт от тяжёлого и от натуги, как в это время родишь, магёт взрыться живот. И тады будет болеть и болеть. Взрылся — это там что-то сместится в животе. И бабка руками поправляет. Которая знает бабка, та нащупает гдей-та, чтой-то там не так, и сейчас его подтянет, подвяжет, и человек здоров.

(Смоленская область, 159)

Мне четыре годика было. Мать-то с животом ходила. Вот её прихватило. И она нам, дитяам, говорит: «Сбегайте за Устинихой, а сами в горницу идите». Принимала роды у мамы старушка Устиниха. На печке мать рожала. А нас выгнали, чтобы мы не слышали. Когда я выросла и сама забрюхатела, мама мне рассказывала, как старушка Устиниха при рождении ребёнка по особому способу обрезала пуповину. Оказывается, по старинной примете, есть законный и незаконный обрез пуповины. И этот обрез страшным делом влияет на судьбу рожденного ребеночка. Законный обрез пуповины у мальчика должен быть сделан только ножом над каким-то начатым плотничным, столярным предметом — только тогда из ребеночка может выйти работающий мужик и хороший мастеровой. А если обрезать ножницами, выйдет никудышный мужик, дармоед и бездельник. А вот у девочки как раз обрезают пуповину ножницами и так, чтобы она упала на какую-то женскую работу: моток пряжи, начатое шитьё, вязанье. Тогда родившаяся будет доброй хозяйкой, работающей и умелой трудницей. А если обрезать пуповину ножом, то из неё выйдет непутёвая баба, вертихвостка. Всякий незаконный обрез пуповины приводит к несчастливой, сокрушённой жизни.

(Нижегородская область, 131)

К роженичке зовут деревенскую старуху-баушку. Эта баушка умеет в байне мать с дитём мыть, умеет тельце у рожденького разглаживать и вывихи вставлять.

Когда дитё при родах появляется, баушка медлит об этом сказать матери и не спешит перерезать пуповину. Боится, что мать зарадуется шибко и роды прекратятся, а послед-то и не выйдет. Потом всё же перевязывает пуповину натуго ниткой, мажет деревянным маслом и перерезает на расстоянии четырёх пальцев от узла. После того баушка заворачивает пупок дитёнка в пелёночку, подносит его ко рту матери и велит ей прикусывать этот пупок. Сама спрашивает: «Что грызёшь?» — «Грыжу!» — отвечает роженичка. — «Грызи погрыже, чтоб по́ веку не было грыжи!» И принимается дитёнка мыть.

Живот роженичке баушка перевязывает туго-натуго полотенцем. И обязательно для подкрепки сил подаёт ей ломоть посоленного ржаного хлеба и полстакана настоянной на калгане водки. Роженичку кладёт на тёплую печь, чтобы не простудилась, воспаления не было и чтобы сошла дурная кровь. И дитёнка завернёт и туда же, к матери на печь. Покончив с этим делом, баушка моет детское место холодной водой и завёртывает в чистую тряпичку. Если оно после девочки, то с ним кладёт одно яйцо, а если после мальчика, то два. Это всё зарывает в навозе или под подвальное бревно. По старому поверью, это для того, чтобы и другие рождались дети.

(Архангельская область, 49)

Мать моя всё ходила по родам. Небольшая я тогда была. Жали мы с матерью рожь в поле. По десятине нанимали жать и платили. Ну, а хозяйка наша жала-жала и побегла с поля домой. Мать моя кричит: «Дашка, куда-та ты?» А та ей в ответ: «Родить! Бабка Полька, родить пойду!» Мать говорит: «Во! Дашка! Погляди! На всю лаву кричит — родить!» Ушла. А потом приходит кум Парфён, свёкор этой бабы, а моей матери кум был, и кричит: «Кума Полька, ходи-ка ты сюда! Ходи-ка в по́мочь!» Мать сходила. Пришла, а у рожонки пузырь долго, она вся измучилась. Мать взяла хлебный ножик, как рёзнула, вода и вы́хлостнула, и ребёночек родился. От ножика-то этого царапинка на лбу у него была.

(Смоленская область, 169)

Сама не повитуха, а повивала дочерю. Вот схватки у меня сделались. Я послала мужа искать бабку. Глядела, глядела в окно. Не дождала. Ребятишек затворила в клеть. Приготовила ножичек, ниточку и на пол легла. И так тяжко. Ну, и понесла с молитвой: «Спаси, Бог! Ради Бога здоровья! Да, Господи, сохрани младенца!» Вот родила, думаю: «Дитя моё рождённое, дитя благословлённое, Бог тебя дал, мне в муках спослал! Слава тебе, Господи, что всё хорошо сделалось!» Перевязала

пупок, отрезала. Завернула дочерю, на кровать на подушку положила, сама на печь залезла. Идёт муж с бабкой-повитушкой. А я уж сама отповивалась. (Волгоградская область, 94)

Уметь родить — тоже надо уметь. У нас несчастье с роженицей объясняют: «Тяжело подняла баба». Я вот в избе одна родила, очень трудно, тяжело. Потом с печи ползунком сползла до шестка и не могу разогнуться. Ну, кое-как укрепились, осилилась, чугу́н с водой взяла, омыла дитёночка, овертела в тряпки и положила в крышку от короба. Покуда мужик мой с поля вертался, а я уже на печке с дитёнком. Он пошёл, баню затопил. У нас по старому обычаю примета такая: как в бане после родов помоешься, то эту воду, как уже ей «обгáнишься», лей на то место, где дитёнка принесла. Пошла я в баню, обмылась, всполоснулась и тогда эту воду на печку вылила, чтоб в другой раз легче рóдить было. (Смоленская область, 151)

Бабы-то наши при родах очень выносливы, притерпеливые. И дорогой рожали. С сенокосу Наталья со свекровкой бежали. Да схватило. Наталья говорит: «Ты постой, я схожу в кусты». Свекровка стоит да стоит, спрашивает: «Ещё долго-то?» А та ей: «Иди, делай коробку, у нас прибыль есть!» Свекровка сплела из прутьев коробку. В платок коробку завили, ребёночка туда поклали и понесли домой за семь вёрст. Вот как мы рожали-то!

(Архангельская область, 60)

У нас одна под стогом родила. Шла к своей сестре в гости, тут её роды взяли. Она под стог легла и там родила. Потом взяла девочку в фартук у колени и пошла. А там рядышком хатка стояла в рову́. Она пришла да говорит: «Бабушка, я девочку нашла в рову́». А тая спрашивает: «Какую девочку?» — «Да вот принесла в коленях». — «Ах, Боже мой! Пуп-то отрезай!» Ну и давай её эта бабушка бабить: пуп отрезала и перевязала. Девку скорей на печку сволокла. Богу перекрестилась и ребёночка в холщёвую пелёночку закатала. (Смоленская область, 149)

Сейчас кто в родах, дают там год, ти два года не работать да дитё воспитывать, да декретные всё. А раньше как вот было. Раньше работали и на бричках рожали, и в степи под подводами. Схватит, легла и кто там есть около неё, поможет ей родить. Бабки-повитухи — те раньше были. Ну, это если дома, то этих бабок вызывали. А если в степи рожали, так друг у дружки принимали роды, какие уж там бабки.

(Краснодарский край, 116)

Данилиха копала в огороде картошку. Прихватило её. На грядке она и разрешилась — девочку принесла. В подол её положила. Увидала за плетнём соседову бабку и кричит: «Баба Нюра, сходи к божатке, позови! Я девку родила, пускай-ка посидит. А мне уж картошку докопать надоть!»

(Нижегородская область, 134)

Работали брюхатые до последних дней. Мама меня родила — ходила ягель и мох драла. В лесу драли и вывозили скот кормить этим ягелем. Так вот мама меня там во мху родила. А завернуть-то и не в чего. В сарафан в подол завернула и в подоле домой принесла.

(Архангельская область, 47)

Раньше все на работе были, это сейчас дают отдых по два месяца. А раньше же работали до последних дней. На поле на пожне родишь, и ребёнка в подоле домой тащишь. Два дня дома побудешь и опять на пожни.

(Архангельская область, 55)

У меня пятнадцать было ребятёнков, и всех бабки принимали дома. Зимой в бане рódят, в тёплой бане рожать-то лучше. А летом рожали в хлеву. Изба-то одна, ребятишки везде бегают. Вот бабка примет ребёночка, а я сразу касаюсь своей пяткой его рта и слова говорю: «Сама носила, сама приносила, починовала» — это чтоб не крикливый он был. После этого бабка отрезает пуповину и начинает заговаривать грыжу. Потом

обмоет ребёнка, спеленает: «Ну, и будь здоров! Раста большой!» И кладёт в качечку.

После в баню идёшь. Бабка-то всё пособляет и баню сама растопляет, когда нет других женщин в доме. И знахарит, всё знахарит. Травки заваривает и поит, к животу смазанную брожённым толокном бересту прикладывает. У меня родильные пятна на коже были, так она свежее молоко с водкой и внутренним салом смешала и втирала в пятна, и сошло всё, чистая вся кожа стала. Вот всё так и было. Потом этой бабке платок дарили и на юбку материал. *(Коми, 109)*

Когда роженице трудно давались роды и она не могла долго распротасться с детским местом, то ей давали принять спорыньи или солоду, или квасной гущи. А чтобы не было кровотечения, «золотник не ходил» после родов, давали пить настой корня глубокой травы или подборной травы — ещё он хмелёк называется; для этого же делали и смесь из куколицы, зверобоя и церковного ладана, настаивали на воде и давали пить после родов. *(Ярославская область, 184)*

В бане рожала, чтоб не знал никто, в доме-то дети. Трудно. Бабка-повитуха, что ребёнка принимала, приговаривала: «Ну-ну, голубушка, не реви! Всё забудется, всё заживёт! Крута́ гора да вздымчива, больна дыра — забывчива! Всё забудется, опять будешь жить!» *(Нижегородская область, 131)*

КАК ИЗ КАМЁНКИ ЖАР

Как только повитуха брала на руки ребёнка, для подкрепления родившей она просила принести хлеб с солью и водки. И велела рожохе выпить рюмку водки и съесть хлеб с солью, говорила: «Это нужно для «золотников», чтобы матка сокращалась скорее». И прищёптывала: «Как хлеб с солью ешь, так сходили бы боли здесь!» *(Вологодская область, 97)*

После родов женщина ослабна, болезна, по старым приметкам говорят: «После родов десять дней одной ногой в гробу стоит». И желают ей: «Дай Бог кому дитёнка родить, тому его и вскормить». Родившую мать жалели и всячески её оберегали и обхаживали. Приносили и кормили отдельно, старались почаще и послаже. Раз роженица, организм ослаб, и чтоб молоко было для ребёнка. Вот и старались.

(Бурятия, семейские Забайкалья, 83)

После родов бабка-повитуха оставалась с родильницей до окончания крестьбин. Она тютёшкалась с ребёнком, обмывала и пеленала его. Ходила за родильницей: парила в бане, правила, растирая деревянным маслом опустившийся после родов живот, поила целебными травами. Для подъёма живота она давала пить настой водки на калгане, а чтобы из груди свободнее шло молоко — анис и богородскую травку; ромашку и душицу давала, чтобы вызвать «краски». Кислого и солёного есть запрещала.

(Курская область, 121)

После родов шесть бань истопить надо. Бабушка ночевала у родильницы. Вставала утром и на заре баню топила. Перед баней бабушка тёрла родильнице солью лоб и наговаривала:

*Как эта соль не боится
Ни жару, ни вару, ни пару,
Ни опризорищей, ни оговорищей,
Так бы раба Божья Марья не боялась
Ни опризорищей, ни оговорищей
И никакие скорбищи!*

И бабушка бросала потом эту соль через левое плечо в сторону.

(Архангельская область, 46)

После родов обязательно роженицу вели в баню:

*В баньке парим,
В баньке жарим!
В баню на дровнях,
А из бани на ногах!*

А в бане там уже размывали её, разглаживали всё тело. Сначала от пяток начнут, и вот так и ноги, и руки, а потом и всё остальное растирали. Так в баньке напарят, что всю боль снимет.

(Архангельская область, 47)

Как только бабка обмывала ребёнка и закручивала в пелёнки, она бралась ухаживать за роженичкой. Правила живот, сдавливала её груди — сливала первое худое молоко. Парила и мыла роженичку в бане, заговаривала сильные боли и родовицы, растирала живот.

(Бурятия, семейские Забайкалья, 83)

Когда женщина рóдит, её обязательно ведут в баню, и по местному обычаю роженице нужно «тратца». В бане её начинают «трать». И несколько баен «трут» эту роженичку, чтоб всё растереть, чтоб выздороветь смогла быстрее. Начинают женщину с ног «трать», потом руки, спину, поясницу; потом живот начинают — нужно ещё правильно «трать» живот, чтобы не сдвинуть, как говорят эти бабки, золотники. Обращались всегда к бабкам, которые умели «трать», правильно на место всё ставить: матку, там всё чтоб правильно было расположено. Они говорят: «Золотники чтоб не сдвинуть по-старому». Назывались эти бабушки, которые умели правильно «трать», «тратиницы» и «траиницы». Умели трать по всем жилам, по всему телу. А когда болели ноги, они крапиву заваривали и натирали ноги.

(Коми, 109)

Когда ребёнок родится, его тёплой водой обмывали. А мать становили в «перерёз». Это специально были для

купания большие деревянные кадушки, «перерез» называются. Грели воды туда, лечебных трав туда кидали. Сено косили, и вот это сено на дно ложили туда в этот «перерез», и потом заливали горячей водой. И вот роженицу, когда она родит, и сажали туда. Если вода подостывала и была тёплая, кидали в воду гретые в печи камни, чтоб пропарить её хорошо. Потом она вылазила. Что было из пищи, ей давали поесть и наливали сто грамм водки. Водку давали для укрепления организма. Было принято так. Вот она покушает и ложится в постель или на печку. А на другой день уже встаёт и — в поле... (Краснодарский край, 116)

После бани родильнице готовят тёплую брагу и пироги. В избе ей отгораживают один угол и от сглазу завешивают его занавесью. Покормив, бабка кладёт родильницу на кровать. (Московская область, 130)

Управившись с родами, бабка несла новорождённого в баню. В воду, в которой она собиралась его обмывать, бросала три уголька. Один уголёк — из избы, другой — с кострища, третий — из бани. Над водой она наговаривала:

*Во имя Отца и Сына и Святого Духа!
Как эти уголёчки стят и молчат,
Никогда не ревут, не кричат,
И ничего они не знают:
Ни уроков, ни призору,
Ни озёву, ни оговору
И никакой скорби.
Так бы и у меня, рабы Божьей,
Младенец спал бы и молчал,
Никогда не ревел, не кричал,
И ничего бы не знал:
Ни уроков, ни призору,
Ни озёву, ни оговору
И никакой скорби.*

*Будьте мои слова
Плотно-на́плотно,
Крепко-на́крепко!
К моим словам —
Ключ и замок
И булатна печать!*

Потом бабка эту воду плескала на каменку и три раза повторяла:

*Мою я младенца в жару да в пару!
Как идёт из каменки жар,
Из дымника пар,
А из сеней дым,
Так бы сходили с младенца
Всякие скорби и болезни!*

После этих слов бабка начинала ребёнка обмывать.

(Архангельская область, 56)

В первую очередь после родов в бане моешься. Старухи велели ребёнка с локтя мыть. Повернишь на коленях его вниз лицом, из тазика горстьюхватишь воду и руку согнёшь, и чтобы с локтя на него бежала водичка. И три раза нужно сказать:

*Как с этого локтя
Вода не держится,
Так бы никакая худоба
На ребёнке не держалась!*

Это так после родов в первую очередь — для его здоровья и от всякого опризёрья.

(Архангельская область, 62)

Когда первый раз обмывают новорожденного, считают, только тот ребёнок будет жить счастливо и богато, которого искупают в корыте, наполненном пробежной водой. И в этой

воде должны плавать зёрна ржи, овса или гречи. На дно корыта кладут несколько серебряных монеток.

(Смоленская область, 158)

Отец рождённого в умывальное корыто должен положить серебряную монету и янтарь. Бабка же в эту воду кладёт кусочек сала и наливает чуть-чуть водки. Как говорят, это делается для чистоты и чтобы младеничок был здоров и богат.

(Смоленская область, 161)

Первый раз обмывая новорожденного, мальчику клали в воду яйцо, а девочке — пуговицу. Обмывала бабка первый раз только с локтя и говорила:

Вдоль да ты расти, поперёк толсти!

Чтоб в роток — говорунок,

А в головку — разумок!

Чтоб ручки хватали, а ножки бежали!

Будь здоров! Будь здоров! Будь здоров

(Волгоградская область, 92)

Родится — и сразу приготавливают баню. Ребёночка моет повитушка-бабушка, а не мать; кто принимает роды, тот и моет, для покою. Да и если рожоха здоровая, что ей будет, её бабушка не моет. А вот ребёночка моет. Моет и наговоры наговаривает: «Будь, дитяtko, счастливое, будь и талантливое! Добры мысли в разумок!»

(Архангельская область, 60)

Родишь и в баню повитуху позовёшь. Она в бане-то, повитуха, ребёнка и моет и меня моет. И наговоры говорит, и от сглазу оберёгу делает. Молоденчика повитуха обмывает тёплым молоком, говорит: «Будет нежная, белая кожа». И смотрит, что у него не так, вывихнуто ли что, то она выправляет. И головку так вот в руках сжимает — округленькой делает.

(Архангельская область, 51)

Бабка новорождённенького ложила в пелёнке на шесток и обмывала с мылом, а ежели его нет, то щёлоком, и слегка парила берёзовым веничком. Потом водила ножом по воде кресты, нащёптывала со словами:

*Вода-водица,
Морская царица,
Мыла, полоскала
Пенья, коренья,
Жёлты пески,
Травы шёлковы,
Луга зелены.
А с моего младенца
С белого тела,
С ретивого сердца
Все скорби, болезни
Смой, сполощи!*

И этой водой обмывала его, да так, что на родившегося дитёнка сглаз не действовал. (Архангельская область, 7)

После родов в первой бане ребёнка моют. И чтобы не было помхи, не помшило его, то сразу заговаривают. Моешь и пуповину, там где завязана ниточка, слегка так губами закусываешь: если парень, то через мужскую рубаху — через ворот, а если девка, то через свою рубаху — тоже через ворот. Вот возьмёшь пуповину в рот и три раза повторяешь проговор:

*Кусаю, закусываю
Помху и грыжу,
И дикой родимец!*

Три раза так проговоришь, и пуповину не грызёт у ребёнка, не помшит маленького. Это помха называется.

(Архангельская область, 59)

Я своё скажу, как я рожала. Вечером рожу. В баню мужик дров наносит, баню вытоплю. Подстынет — и мыть дитёнка своего пойду. Мыть надо на грязной рубахе робят, на своей, в той, которой рожала. Грязный низ, вороточки кверху, и дитёнка положить на эти вороточки. Это чтоб других дитёнков легче рожать было.

(Архангельская область, 62)

РОДИЛСЯ В РУБАШКЕ

Если ребёнок у рожонки появляется на белый свет лицом вниз и в одну сторону плачет — значит, он не жилец, этот ребёнок умрёт.

(Вологодская область, 97)

Когда в день родов в доме какая-нибудь потеря, убыток, или когда вместе с крестинами в церкви отпевают покойника, то этому ребёнку не жить.

(Архангельская область, 1)

Ежели родившийся ребёнок не по летам умён, удивляет всех своей смышлёностью или очень резв, то считают, что ему суждено умереть.

(Смоленская область, 144)

Если у новорождённого головка необыкновенно раздвоенная, или он слабо и вяло кричит, то по старой приметке он скоро умрёт. Если же головка маленькая и крепкая и он кричит громко, то будет жить.

(Брянская область, 82)

Широкое темя у родившегося ребёнка означает, что он живуч, а острое, что его ждёт недолгая жизнь. Когда у рожённого большая голова, то говорят, что вырастет и будет человек большого ума, хотя и замечают, что большие головы не всегда умны: «Лоб широк, да в голове-то мох».

(Архангельская область, 61)

Ежели у новорожденного ребёнка в ушах хрящ твёрдый, то будет долго жить, ежели мягкий — скоро умрёт.

(Курская область, 129)

Смотрят, коли сын на мать походит, а дочь на отца — к счастью, а коли наоборот — то к несчастью.

(Брянская область, 78)

Если в день родов в доме случается какая-то там прибыль или ребёнок родился с волосами, то он будет счастлив всю жизнь.

(Архангельская область, 5)

Говорят: «Родился в рубашке». Это значит, родился ребёнок в пузыре (как в следяной плёнке). Плёнку эту хранят как память. Плёнка, как рубашка, снималась, и ребёночек здоровый.

(Архангельская область, 55)

А я в пузыре Ваньку родила. И испугалась. А он оттуда зашевелился, разорвал плёнку-то, и ребёночек нормальный. Стары бабки всё баили: «В сорочке родился, будет счастлив в жизни». «Сорочку» эту у нас высушивали и берегли детям до венца. Жених и невеста брали её с собой на свадьбу, чтобы избежать дурного чего.

(Архангельская область, 60)

Ребёнок считается счастливый, когда рождается в пузыре; он там с головы до пят, как в яйце. Баба эту плёнку сразу снимает. К счастью, это то, что он в этом пузыре остаётся неповреждённый, в совершенной целостности. Плёнка эта очень бережётся, её кладут в мешочек и зарывают у переднего угла избы или зашивают в ладанку и носят вместе со крестом на шнуре. Верят, что это даёт рождённому в ней счастье на всю жизнь.

(Смоленская область, 170)

После родов повитуха гадала о судьбе новорождённого. Это зависит: в какой день он родился, в счастливый ли нет; какой по

счёту ребёнок в семье, и как он родился. Первым делом смотрели на день, в который родился ребёнок. Счастливыми для его жизни считаются дни: воскресенье, вторник, четверг, суббота; а понедельник, среда и пятница вещают новорождённому плохую участь, бедноту, болезни.

(Архангельская область, 63)

У нас, когда у кого родится ребёнок, всегда обращали внимание на время рождения. Считали, что если дитя родится утром, то будет здоровым и счастливым; если родится в полдень, то будет богатым, но вместе с тем задирой и буйном; если вечером, то часто будет хворать, проживёт недолго и будет пьяницей; если ночью, то ладно будет жить в семействе, будет человеком хитрым и ловким.

(Волгоградская область, 90)

Что да какво рождённого в жизни ожидает, у нас спознавали по небу. Вот кто родится в полнолуние, у того будет долгая хорошая жизнь, а под исход светла месяца, тот будет хворый и болезный.

(Курская область, 120)

«Нет зарождённого, не дашь положённого» — это он родился, значит, без какого-то таланта к чему-то, то уж и не научишь. Ребёнок рождается с определёнными способностями и с определённой судьбой. Что из ребёнка станет, каков он будет, угадывали так. Вот если он родился, когда на небе была ясная звёздная россыпь, по старинной примете значит, у него будут зоркие глаза и ясный ум. А родился в яркую игру звёзд — к богатству. Если родился во время буйного ветра, будет смел и удал. Если ребёнка приняли, когда месяц народился на́полдень вниз рогами, то он будет спокойный, покладистый; а если ребёнок появился на свет, когда молодой месяц был на́полночь вверх рогами, то ребёнок будет беспокойный и упрямый. Крутые месяцевы рога в родильный день — ребёнок вырастет

норовистым и злым; а пологие месяцевы рога — то будет добрым и проживёт счастливую жизнь.

(Нижегородская область, 134)

ПРИНЯЛЯ-ТКА Я НА СВЕТ

Бабка-повитуха обмывала ребёнка, пеленала. Потом подносила его к матери и отцу и говорила, кто родился — мальчик или девочка. Если мальчик, то бабка пела:

*Приняла-тка я на свет
Мальчика красён-цвет!
Расти — весёлый,
Расти — здоровый,
Расти — учён,
Будь богачом!
Ты живи и расти
Счастлив каждым днём!*

Девочке бабка пела другое:

*Ай-яй, девочку приняла,
В добрый час взяла!
Она всем дорога!
Будь здорова, как вода,
Будь богата, как земля,
Будь красна, как весна!
Чтоб отныне и вовеки веков
Хорошо было тебе и легко!*

(Смоленская область, 153)

Родился, намоют. И сразу отцу на колени ложут, чтоб отец любил. А бывало, и сразу свекровке давали на руки дитя, чтоб свекровка лучше водилась с ним.

(Архангельская область, 3)

Новорожденного младенца принимали в решето или в отцовскую рубаху, чтоб отец любил. Клали на косматый тулуп, чтоб был богат.

(Смоленская область, 172)

Когда мать рóдит, серебряный полтинник в руке зажимает и велит тем, кто с ней рядом, молчать. И пока этот полтинник у неё хранится, ребёнок здоров и счастлив.

Ребёнка обмоют, спеленают и ложут под порог, чтобы завсегда спокойный был. А потом несут и кладут поперёк кровати.

(Вологодская область, 97)

Как только примут, чтоб не реви́л, отцовы штаны возьмут и в штанину его просунут. Прямо новорождённенького и продевают в штанину, чтоб он не ревил, спокойный был.

(Нижегородская область, 131)

Родится, и тут же ребёнка специально заворачивали в мужскую рубаху, которая уже нестиранная и поношенная, чтоб отец лучше любил. И клали его в угол под веник, и говорили:

*Как веник на одном месте лежит
Да спокойно, не слышно его, не видно.
Так и младенец наш ро́жденный
Спит хорошо и здоровый растёт,
Смирно спит и не реви́т по ночам!*

Всё для здоровья ребёнка делали, всё для покою его.

(Архангельская область, 41)

Когда бабка приносит спорожденного дитю из бани в избу, она передаёт его на руки отцу и велит перекрестить. Отец делает это и кладёт его в зыбку, и этим признаёт своим дитём.

(Ярославская область, 181)

Родится ребёнок, так наряжут его в мужскую рубаху и под лавку. Сунут под лавку на секунду какую-то, чтобы отец его

любил и жалел и чтобы малёшенький-груднёшенький спокойный в люльке лежал. А чтобы у матери второй ребёнок родился, так говорили, что надо сорвать листочки с берёзового веничка, которым, обмывая, похлывывали этого ребёнка, и эти листочки матери за пазуху накласть. (Архангельская область, 24)

Когда молоденичка обмоют, то кладут на постельку лицом к западной или северной стороне. Считают, что так он будет спокойней лежать. На этой постельке он два-три денёчка лежит, потом люльку вешают. (Нижегородская область, 134)

Родят, который дитёнок ревун, так сразу в люльку клали, а который не ревун, так чего его в люльку класть, перевернут в пелёночку да к матери на постелю.

(Тверская область, 175)

Коли спокойный ребёнок, то неделю-другую не вешали люльки. Завернут, запеленают и на кровать. И лежит он там.

(Архангельская область, 49)

Родившегося дитю как обмоют, так сразу клали к груди матери, чтобы ребёнок привыкал сразу и чтобы матери легче было, — грудь сразу спрягал. Особенно недоношенного дитю сразу после родов клали на печку, чтобы и не сыро ему, и не холодно. Положат, так на печке и вырастят.

(Архангельская область, 47)

Родится и сразу в люльку, не приучали с собой класть.

(Архангельская область, 60)

Рождённого ребятёнка клали на подушечку на печку. Какая погода бывает: холодная, так чтобы воздух на него не дунул такой, — в хату ж, бывает, открывают двери. А там уже не пы́хне на него. А потом сколо печки и люльку клали — где тёпленько.

(Курская область, 118)

После родов дитёночка клали в полотуху. Полотуха — это такая как корзина, плетёна из бересты. Когда жито вымолотят и солому уберут, то жито понемногу кладут в эту полотуху и трясут, и вылетает-отходит мякина и сорёц. Полотуха-то удобна, легка. И вот в эту полотуху дитёнка ложут и тащат в баню. Там намоют дитёнка и принесут домой. После бани в полотухе ребёнка на печи клали на доски. И в полотухе он шесть недель лежит. Мать накормит, завернёт да опять в полотушку. А в зыбку класть, так и качай его, не отойдёшь, а так он привыкает к полотухе. И чтобы никто не знал, что дитёнок там, чтоб не оприкосили, чтоб не ревивый был, спокоен.

(Архангельская область, 9)

До шести недель родившегося ребятёнка никому не показывали. И шесть недель роженицу держали под занавеской, чтобы не сглазили. Ребёнка и роженицу берегли. И всё говорили: «Не бойся родов, а бойся отрёдок» — это значит, ты после родов должна сберечься. Роженица одевалась тепло, не студилась, тяжёлое не работала. Раньше шесть недель не давали ей тяжёлое работать. Потому и были сильные, здоровые бабы, их ничего не брало. Шесть недель — она уже окрепнет.

(Бурятия, семейские Забайкалья, 83)

Ангел приносит душу ребёнку и находится при его рождении. Нечистая сила очень опасна для матери и новорождённого. Поэтому их одних не оставляли в избе до очистительной молитвы и «сороковой». Родильницу старались не показывать посторонним, пока она не оправится, боялись оговора и дурного глаза.

(Архангельская область, 11)

Чтобы не опризорили родившегося младенца, мать шесть недель оберегает его от чужого глаза, не подпускает к нему никого, кроме ближних родных. А то придёт какой гость, глянет

на дитя и начнёт его выхвалять, а потом он не спит, всю ночь кричит, мается.

Только через через шесть недель у батюшки в церкви берут молитву для младенца, и только тогда мать очищается, а до этого она даже не может в церковь заходить — она не очищена. Если младенец в эти дни умирает, то мать всё равно берёт на него молитву, а без молитвы она не может очиститься.

(Курская область, 124)

С родов роженицу с дитём сначала не показывали, чтоб не сглазили. До получения очистительной молитвы от духовного отца роженица не выходила из дома и не ела вместе с другими. А работать уже начинала через неделю после родов.

(Архангельская область, 57)

Роженичке до шести недель, до принятия очистительной молитвы, много непозволительного было. И песня такая есть:

*А в горнице,
А в горнице
Кроватка стоит.
А в кроватке
Родишка лежит.
А в головах
Сам Бог стоит.
А в ножечках
Муж стоит.
Позволь, Боже,
К родишке ступить.
Не позволю
К родишке ступить:
Шесть недель выйдет,
Сама к тебе придёт.*

(Смоленская область, 171)

Иногда взглянуть на новорождённого, кроме близких родных, допускались и посторонние. Тогда делали предохранения от сглаза: ребёночку сажей чертили за ушками и на лбу крестики. А тому, кто на него пришёл смотреть, в рот вкладывали соломинку, опущенную до того в святую воду.

(Архангельская область, 19)

Родильница вставала с постели, как только духом оправлялась, и, просидев два-три дня в бане, уже становилась с другими бабами на работы. А старые говорили: «Вылежи от утренней до утренней зари неподвижно на спине, так на другой день уж можешь вставать».

(Курская область, 127)

Обычно после родов женщина уже на третий день вставала и принималась за хозяйство. А вот в зажиточных, богатых семьях родиха не принималась за тяжёлые работы до сорока дней.

(Белгородская область, 68)

БАБИЙ ДЕНЬ

На другой день после родов, когда о рождении ребёнка узнаёт вся деревня, родственники, знакомые и ближайшие соседи пекут пироги. Пироги пекут и с капустой, и с грибами, и с картошкой — с льняным маслом. И роженице приносят эти пироги — на зубок. Пирогов, бывало, наносят столько, что на весь месяц остаются. Не пекут и не несут пироги только беременные женщины, им не полагается. А гости приносят пироги и поздравляют, бывает, приносят на зубок и деньги. Роженица, по обычаю, от каждого кушанья понемножку попотчует или просто прикоснётся к ним губами и: «Спасибо, дорогие гости!» — отдаёт всё хозяину. А уж ребёночку чего гости не пожелают, скажут: «Будь хороший, будь пригожий, счастливый, талантливый!»

(Рязанская область, 139)

Как родит, в этот же день варили житную кашу. Ячменного жита на жерновке намелешь и в печь, наваришь с молоком. И всех детей в деревне собираешь на кашу. По деревне бежишь и кричишь: «Ой, у меня Александра родила! Бяжи кашу исть!» Кашу дети съели: «О, хорошая каша! Тёплая, с маслом! Спасибо!» — сказали и побежали. Это такой старый обычай был: как родит — детей на кашу звать.

(Смоленская область, 175)

У нас не так было! Вот когда, к примеру, родила у меня невестка (это сынова жена). Как родила, ей с улицы кричат: «Эй, Егоровна! Что там у тебя?» Мужик говорит: «Сын!» — «Так давай-ка обмывать!» Ну, сейчас складаются все бабы. Приходят, приносят свежего хлеба — круглого, свойского (свой пекли). Приходят и поздравляют, если мальчик — обязательно желали быть богатым. Говорят: «Пусть будет здоров, велико растёт, будет умным, хорошим!» А матери уж своё: «Поздравляем тебя! Дай бог тебе всего хорошего! Пусть растёт мальчик хороший, большой, здоровый, богатый!» И тут мы ещё за уши потягаем бабку, чтоб внук её рос большой. Вот эта бабка, которую тягали за уши, ставит на стол водку. И пили — обмывали ноги пацана этого, что родился. Называлось: «обмывать ножки», чтоб ходили по дорожке.

(Смоленская область, 167)

Родится ребёнок, и соседи идут в ответки. Покушать, что сготовят, несут, отведывать пироги несут. И приносили блины обязательно. Так и называлось «идти в ответки». Кто соберётся: «Пойду, — говорит, — в ответки, родила Манька». Ну и идёт, несёт узелок, и обязательно блины были. Блины свойские, со сметаной. Ответки и коллективные делают, а то и так было: сегодня одна придёт, завтра другая придёт, через неделю третья придёт. Вот так по одиночке ходили (чаще уж христьбины делали коллективные). Приходят, говорят: «Здравствуйте!» Поцелуются с этой родихой. Ну и желают всего хорошего: «Ну, будь здорова! Чтоб дитёночек твой крепок был, здоров, да рос большой,

умный-разумный!» Ну и тады посидят, поговорят, блинами этими поугощаются да и пожелают того же:

*Чтоб рос твой сынок,
Как пшеничный колосок!
Чтоб его отец берёг,
Чтобы мамка берегла,
Каждый день блины пекла!*

(Смоленская область, 159)

После родов к рожонке с банниками приходят — это значит с подарками. Каравай приносят, полеваху приносят (полеваха — это пшеничник, вроде сметанника). И на завтра придут, и на третий день... Чай согреем, за стол садимся — как праздник сделаем. И говорим ребёнку: «Здоровье вот тебе, жить тебе хорошо, расти хорошо, ума да разума, счастье тебе в жизни, радости!»

(Архангельская область, 40)

Когда рóдится, на родины приходили с кулебяками все. Бабий день назывался. В бабий день с кулебякой придут проведать, а хозяйева, взаимно, краяны засушат. Это если есть ржаной хлеб, то ржаных сухарей засушат маленькими кусочками — краяны называются. Белого-то хлеба не всегда было. Гости с кулебякой, а их попотчут уж краянами.

(Архангельская область, 51)

С родящим сразу же приходили поздравлять. Приходила родня, близкие соседи. Напекут пирогов, шанег и в зубёнке несут (зубенька — это как корзинка у нас небольшая такая). К роженице идти — это у нас называлось «гостинцы несть». Мне-то, как родила, тринадцать зубенек нанесли. Идут, кто когда, кому свободно. Носили и хлеб, и повкуснее напекут — что настряпают. В гостинцах были: и полотенчики приносили

небольшие, рубашечки приносили, пелёночки, у кого есть хорошие, и из худого что принесут, чтобы ребёнка заворачивать.

(Архангельская область, 43)

Когда родит, в первую очередь, если она дома родит, чтобы пришёл отец, принял вроде ребёнка, а тогда уже придут и сёстры там его, бабушки, какие есть, придут, тётки. Если родилась девочка, то говорили: «Родилась девка — на радость соседке» — это значит, вырастет и отдадут людям. А если родился мальчик, то говорили: «Казак родился!» Отец радовался: «Кровинушка родительская». И мальчику желали:

*Расти, казак,
Пригож, богат,
Силён, смышлён,
Красою наделён!*

(Краснодарский край, 117)

Особенно, если бабёнка первого рожает, то вся родня собирается — обмывать ребёнка. Как мать чуть окрепнет, сразу тогда приходят, отмечают. Тогда говорят: «Обмыть надо ребёнка». И подарки дарят. Идёшь, когда первыша-то посмотреть, обязательно несёшь любой подарок, хоть вот кусочек мыла, но чтобы был подарок. Без подарка ребёнка глядеть нельзя. Такое суеверие было. Вот придёшь, положишь там или пелёнку, или свивальник какой, тогда только покажут маленького, а так не покажут.

(Коми, 109)

У нас заведено до сих пор: если роженица рóдит, то все близкие идут на родины. Вот родственники идут на родины и несут кушанья настряпанные. И идут, кому как удобно. Вот я сегодня, например, спекла там пирог, и я понесла сегодня, а кто принесёт и завтра, и в другой день. Нёкогда собираются и по шесть-семь человек. На родины миску всего наготовят и на стол

становят, чаем угощают. Что-то там гости попоют, отведают, посидят. А ни к ребёнку, ни к роженице не пускают.

(Бурятия, семейские Забайкалья, 83)

НА РОДИ́НАХ

Пели это всё, у кого дитёнок рóдится. В Починках это не пели, а это было у Княжном Починковского района в деревне Светлово, там я жила. Там у нас эти песни пели каждый раз, кто б только не родился. Теперь там в деревне никого нет, а рядом это не пели; это у нас только таки заветы были.

У кого дитёнок рóдится, тот идёт за бабушкой, которая бабила раньше. И поёт, вот слушай:

*Ой, стучить-грючить, ой, стучить-грючить
на улицы.*

*Это Ванечка, это Ванечка ды зы бабушкой
идёт,*

Да молоденькай ды зы бабушкой идёт.

А ты, бабушка, а ты, бабушка

Марья Ивановна,

А ты, бабушка Марья Ивановна,

Перебабь майго, перебабь майго новорождёныва.

Перебабь майго новорождёныва,

Новорождёныва, новорождёныва,

несмышлёныва.

Ванечка — отец, роженицы этой муж, он и шёл за бабушкой. Он и поёт, и кто есть в доме. Вот она сейчас рóдит, и эта бабушка ребёнка мыла и приговаривала всякое ему: «Чтоб рос большой, счастливый был, хороший, рукодельный был, не болел никогда...» Коли мальчик: «И пахал, и сеял, и скородил, и плотничал — всё делал». А девочка: «Чтоб была хороша вышивальница, тонко пряла, часто ткала, рукодельничала» (смотри, какие рубашки вышивали раньше).

Потом приходили гости. Женщины драчёны попринесут. Драчёны — блин такой большой пекли и сальца туда, яиченка и сметанки сделают. Чтоб вкусный был блинок, чтоб роженица съела. Каждый приносил по блину, и где она на кровати лежит, рядышком ложили ей. А она уж угощала. Гости за стол садились, поздравляли и эту песню пели:

Ты ль кума й моя, ты кума моя,
ты душа ль моя,
Ты кума моя, ты ль душа моя.
Между нас, кума, между нас, кума,
протекла й речка,
Протекла речка, речка быстрая.
Речка быстрая, речка быстрая, выда чистая,
Речка быстрая, выда чистая.
А на той речке, а на той речке сиязень
плавёт,
А на той речке сиязень плавёт.
Сиязень плавёт, сиязень плавёт, серая
утица,
Сиязень плавёт, серая утица.
А за утицей, а за утицей — утюняточки.
Сиязенюшка, сиязенюшка — это Ванечка,
Сиязенюшка — это Ванечка.
Серая утица, серая утица — это Манечка,
Серая утица — это Манечка.
Утюняточки, утюняточки — ихные детычки,
Утюняточки — ихные детычки. ***^{*}

Пели песни не любые, а которые только подходят. «Вутица» — это ж женщина-роженица, а «сиязенюшка» — её муж, а «утюняточки» — это их деточки.

Раньше гнали самогоночку. И эту водку отец подавал в стаканчики и гостям. Иван-отец разносил водку и пел только:

^{*} Исполняется на напев песни «Ой, стучить, грючить».

Тройку ко́ней запрягём,
 Куму домой отвязём.
 Погуляй, моя кумушка, у мяне́,
 Погуляй, ма́ло́дя, у мяне!
 А у Вани мылы́дца есть бочоночек винца.
 Погуляй, моя бабушка, у мяне,
 Погуляй, ма́ло́дя, у мяне!
 Тройку коней запрягу,
 Бабу домой отвязу.
 Погуляй, моя бабушка, у мяне,
 Погуляй, моя милья, у мяне!

Пел и угощал. Вот такие-то родины у нас справлялись.

(Смоленская область, 165)

Брюхатой говорят: «Родить тебе молодца́, такого, как отца». Родиху ко времени прихватит, а мужик уж её торопится-спешит за бабкой, бабиль зовёт. И в песнях про то ж:

А што по мысту́, пы калинывому,
 А што по мысту, пы калинывому.
 Там стучить-грючить дай колясычка,
 Там стучить-грючить дай серебряная.
 В э́тый колясычке да Гришачка,
 В той колясычке да Иванывич.
 Ай Гришачка — ён пы бабушку идётъ,
 Ай Гришачка — ён пы бабушку идётъ:
 А ты, бабушка да Лаврентьевна,
 А ты, бабушка да Лаврентьевна,
 Перебабъ ты майго дитя малыва,
 Перебабъ ты майго дай малёшенькыва!

Уж ты, бабушка моя,
 Повивалушка моя,
 Приди ж тыя ка мине́
 И к маей жане!

*У маей да жаны
Животок болит —
Перебабить вялит!*

Вот привёл мужик к жене бабку — по́йвынька у нас звалась. Бабка эта бабит родиху и с дитёнком управляется, и всё говорит: «Чтобы был здоров, великий рос, счастье принёс...»

Горьки роди́ны, да забывчивы. По старому порядку эта бабка даёт мужу родихи родильную ложку каши, круто посоленную и наперчённую. Мужик ест, а бабка прибубенькивает: «Солоно и горько рожать, да не всем испытать».

К родихе родственники, соседки приходят — у провídки. Драчёны пекли: это яички были, ну, кой-как пшеничной муки раздобудут, чтоб драчёну хорошую испечь — этой уж лучше нет. А ежли какая справная хозяйка, та может и ловчей чего принесть: гостинец какой и конфет. У провидки отведать придёт кто и говорит: «Пришла к тебе, Ивановна, драчёны отведать. Дай Бог, чтобы ты была здорова! Чтоб твой дитёночек был здоровый, был счастливый и крепкий!»

Всех гостей за родильный стол садили. Приготовляли особое пиво, угощали водкой. За родильным столом и песни особые пели:

*Через гору тро́пынька,
А ишла бабка-по́йвынька.
Спросил её Господь Бог:
— А иде була, бабка-пойвынька?
— На роди́нах, Боженька.
— Што й приняла, бабка-пойвынька?
— А у Марьи сыночка,
Как ясного соколочка.
Отцу — на утешенье,
Добрым людям — на веселье!*

*Весело, ясно красныё солнышко на небях,
Да веселей, ясней бабке*

с перебаблённым дитём в руках.
А, ярык, ярык колоколен звон ды ва храму́,
Ешио звончей бабулин голыс ды ва дому́:
Всей Господа молитвы да кажучи,
Рожённого дитя и благослывяючи,
Ва пелёнки да й повиваючи,
Ва колышку да й укладаючи.

Ай, бабушка гордыя,
Рука твоя лёгкыя.
Я дам тебе, бабушка,
Семь мер гречухи.
Вызволи мяне, бабушка,
От вяликой му́ки!

Ай, бабушка гордыя,
Рука твоя лёгкыя.
Я дам тебе, бабушка,
Горох и мацо́к.
Ты прямися, бабушка,
За мой животок!

Ай, бабушка гордыя,
Рука твоя лёгкыя.
Я дам тебе, бабушка,
Просяной п(ы)шонки.
Повей маё дитятко
В белые пелёнки!

Ай, бабушка гордыя,
Рука твоя лёгкыя.
Я дам тебе, бабушка,
Ячень и кынапель.
Положи маё дитятко
В наву́ колыбель!

Ай, бабушка гордыя,
Рука твоя лёгкыя.
Я дам тебе, бабушка,

*Овёс и пшаницу.
Вяди мяне, бабушка,
К гостям в светлицу!*

До крестьбин родиха должна принимать гостей, праздновать. Но о дитёнке на родинах ничего не говорят и не видят его. Рядом с ним всё бабка тёлюкается, оберегает от дурного глаза. А гости за родильным столом напразднуются, напоятся, наугощаются и разойдутся. А где были родины, там будут и крестьбины.

(Смоленская область, 167)

Укачивает внука Нижегородская сказительница Л.А. Кочеткова (1915 г.р.) из села Красный Бор Шатковского района, 1986 год

КРЕСТИНЫ

В БЛИЖНЕЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Ночью родится, а утром уж несут крестить. На некрещённого сглаз и напуск легче находит, вот и старались скорей покрестить. Крестили, пока младенец вперво́й ма́терину грудь не сосал, не-кормленный был, так считалось сподобней для него. В тот же день, как родится, и крестили. *(Курская область, 123)*

Раньше родился ребёнок, три дня пройдёт, обязательно надо уже покрестить. А если чувствуешь, что слабенький родился, что он ненадёжный, стараешься скорей. Называлось "погружение". А так не делали, как сейчас, что не крестят, — это был грех. *(Бурятия, семейские Забайкалья, 84)*

Крестили не сразу, а когда у ребёнка пуповинка отпадает, пупок засохнет, только тогда можно было мочить, опускать в купелю. Немножко окрепнет ребёнок, мать окрепнет — и крестили. *(Коми, 113)*

Бывало так: родился у меня ребёнок пятого декабря, а шестого, в воскресенье, в Миколин день, его уже повезли крестить в дённую. А то вдруг помрёт некрещённый. Как родится, этой же неделей в ближнее воскресенье спешили крестить. А как какой праздник, так крестить обязательно повезут. Так вот и крестили. Об этом и в песне слова:

*Да в пятницу меня матушка родила,
О-о, люли-лёли, да ляли-лёли-лё.
А в субботу меня бабушка пови́ла.
Во светлый день воскресенья крестили,
Да в воскресный день крестили.
В бумажные пелёночки свивали,
Пуховыми одеяльцами одевали.
Пахучею мятою меня матушка купала,
Пахучею мяту в головашечки кладала.*

Пахучая мята в головашечках расцветала.

От того-то я, Настасьюшка, хороша,

Да от того-то я, Михайловна, пригожа́,

О-о, люли-лёли, да ляли-лёли-лё.

(Курская область, 125)

Раньше у нас на второй день крестили. Спешили, думали, что умрёт ребёнок некрещённый. А ежели ребёнок больной и видели, что не будет жить, кого-нибудь просили по соседству быть кумом и кумой и везли в церковь, чтобы успеть покрестить. Помереть ребёнку некрещённому считалось грешно. Уже на кладбище батюшка хоронить не разрешал. Некрещённому на кладбище нету места.

(Смоленская область, 167)

До кстин младенчика одного в комнате не оставляли. У него-то, некрещённого, нет ангела-хранителя ещё, и надобно было оборонить его незащищённую душеньку от злых духов — ти иконой, крестом. И до кстин чужим его никому не показывали, некрещённого-то легче сглазить. А так кстили младенца — кто на какой день, кто как сумеет. Ну, а как хилявенький, слабенький, болезный у кого родится, то его прямо, как обмоют, и кстить, чтоб он не умер. Некрещённому нельзя умирать.

(Курская область, 118)

Пока некрещённый, боялись оставлять ребёнка одного в доме. Во двор пойдёшь или ещё куда, а ребёнок лежит некрещённый. Тогда опасались, чтобы домовый его не переменял в зыбке, боялись, чтобы никакая болезнь не пристала. И дьяволов тогда боялись, чтобы нечистая сила никакая не взяла ребёнка. А когда ребёнок крещённый, тогда были смелее. На крестины в голову клали иконочку, чтоб ребёнок лучше спал и никакой бес к нему не приходил. Крестить выбирали день, а вот молитву для очищения матери брали через шесть недель.

(Архангельская область, 51)

Только рóдит раньше, сразу, мать ещё лежит, а дитяtku уже берут и в церковь несут крестить. Спешили. А было, что и на седьмой день идёшь крестить. По пути молитву берёшь себе. Если молитву не взяла, то в церковь тебя не пустят. Вот придёшь и молитву возьмёшь. (Вологодская область, 95)

Крестить удобный день выбирали. Раньше крестили маленьких обязательно до шести недель. Старались покрестить до этого времени. Нельзя было позже крестить, надо было раньше, потому что ребёнка носили увади́ца*. Так это и называли: «надо сходить увадица». Сначала матка должна увадица, а потом и ребёнка этого повезут увадица, но только крещённого. Матка это делает так: как ребёнку выйдет шесть недель, она принимает в церкви молитву и причащается, тады она уж становится как свободная, очищенная, и может со своим мужиком жить. Только после этого в церковь ребёнка несут увадица (а как он не крещён, его в церковь туда нельзя водить, потому и старались покрестить до шести недель). Приносили увадица: батюшка ребёнка носит, молитвы читает. Если мальчик, то носит в алтарь туда — в Царские Ворота. А когда оттуда выносит, положит около дверей на пол и мать должна взять его. А девочку нельзя в алтарь носить, её батюшка перед Царскими Воротами крестом прикладает и положит. (Смоленская область, 159)

ЗВАТЬ В КУМОВЬЯ

Когда родила, мужик мой пошёл к соседу Ивану звать его в кумовья. Пришёл в хату и говорит:

*Я пришёл просить Бога и вас
На крестбины до нас!*

Ну, тот не отказался, добрый мужик был.

(Курская область, 119)

* «Воцерковить»

Родила. А на завтра пошла и кумов позвала. Кумом и кумой выбирали таких, которые мне ближе: хоть родных, хоть чужих — лишь бы хорошие до меня были. Вот кого-то наняли, сели они в повозку и поехали крестить. (Смоленская область, 146)

У нас крестили ребёнка купельщики, или восприёмщики назывались. Они из купели дитёнка принимали, потому так и прозывались. А вот крещённый ими дитёнок потом своего купельщика крёстным батюшком, а купельщицу крёстной матушкой называл, и они уж как ему близкими родными делались.

(Архангельская область, 10)

Примать дитя от купели мы ближайших родственников приглашали. Выбирали человека с лёгкой рукой. А то есть же и люди с тяжёлой рукой. У первого-то, что ни сделает, всё споро и ладно получается, а у другого — за что ни возьмётся, за что ни примется, всё плохо, всё нехорошо выходит. У нас считается, что дитя, принятый из купели человеком с лёгкой руки, долго живёт, с тяжёлой — умирает, потому и подбирали в кумовья не всякого, а подходящего человека: лёгкого, неглазливового, доброго.

(Свердловская область, 183)

Раньше было: как это ещё нас мама родила. У нас в деревне было двенадцать дворов, то были все кумовья. Все кто кому. И у меня они крестили, и у этого, и у того крестили детей, у всех было по многу крестников. Тады были обязательно соседи, вся деревня были кумовья. И даже не сродственники, не крайня кумовья.

(Смоленская область, 159)

Беременной жонке нельзя крестить ребёнка, брать его из купели, иначе её собственный ребёнок умрёт, или она его не доносит, а и доносит, то всё равно, он не будет жить. Беременные в божатки не шли. И незамужних женщин не брали крестить.

(Владимирская область, 85)

К крещению крёстный своему крестнику покупает и дарит крестик, а крёстная приготавливает рубашечку (рубашечка чтоб новая обязательно была). Когда крестят, на ребёнка одевают всё новое. *(Коми, 113)*

На крестины кума приносила на ризки ситец или холст, на эти ризки из купели ребёнка принимали. А также она дарила крестильную рубашку и платок, давала полотенце для батюшки (он вытирает им руки после опускания ребёнка в купель). Кум на крестины приносил ребёнку крестик, а родильнице дарил ситцевый платок, платил священнику за крестины и одаривал деньгами бабку-повитуху. *(Владимирская область, 86)*

До крестин рубашку младенцу не одевали. Крестильную рубашку ему делали из хорошего ситчика. И делали её у ворота неподрубленную, неподшитую, чтоб не задушился. *(Курская область, 118)*

На крестины всё должно быть новенькое. Крестинную рубашку сами шили. Рубашечка длинная, с воротком, и кто вяжет, тот вышьет этот вороток. Я этот вороточек увязала розовыми ниточками, руками обвязала покрасивше. В этой же рубашечке и других своих детей крестила. *(Тверская область, 176)*

Крестильную рубашечку сошьют у нас просто беленькую, с крестиками на ней. Горловинка у рубашечки просто собиралась на ниточку, на ниточку реденько, чтобы не съезжала с плеч. Бочка только сошьют на живую нитку, тогда он в ней крепко спать будет. До крестин рубашку не одевают. *(Архангельская область, 55)*

Когда идёшь крестить, пелёнки подготавливаешь новые, такие уж нежные. Одеяла старинные бывали, сами шили их. *(Белгородская область, 72)*

Пелёнка для крещения была торговая, из покупной нитки, нередко и сами ткали клетками красными и синими. Эту пелёнку вышивали, прошву-кружева пришивали. До крестьбин на ребёнка одевали распашонку несшивную, мы её не сшивали, а как в конверт складывали. Крестьбинную же распашонку сшивали и горло красиво узором обделывали. Крестили всех детей в семье одной распашонкой. Одеяло было праздничное, церковное. Праздничное одеяло и для крестьбин. Стегали его руками, середина была атласная, одеяло с длинными по краям брызгами из дымки и лентами — красиво.

(Курская область, 123)

Было так: крестить младенца в церковь несла бабка, что в родах споможала, а из церкви несла кума-восприемница. При крещении родители часто не бывают.

(Тверская область, 178)

Когда приходят в дом кумовья, перед тем, как ехать в церковь крестить, бабка-повитуха у кровати родильницы завёртывает дитятку в рубаху отца и подносит его к матери. Мать целует его и, перекрестив, отдаёт обратно бабке. Тут бабка уже передаёт маленького куме, а та куму. И кумовья везут его в церковь. Мать и отец крестить не ходили, крестили кум и кума.

(Курская область, 123)

В день крещения, собираясь в церковь, бабка выносила младенца, передавала его куму и говорила: «Бери некрещённого, привези посвящённого!» Потом она брала три ломтя посолённого хлеба и подносила их ко рту ребёнка, матери и отца. После крещения два ломтя оставляли у священника в церкви, а третий привозили домой и прятали за икону.

(Нижегородская область, 133)

Перед крещением ребёнка «сряжали» — купали в проточной, пробежной воде. Бабка-повивалиха обмывала его и прищёптывала:

*Как с гуся вода,
С тебя, младенец,
Сойди вся худоба,
Все скверные слова!
Подите, уйдите
В чистые поля,
В тёмные борá,
На буйные ветра!*

После эта бабка давала ребёнка на руки матери, выламывала из веника вилочку и обводила три раза вокруг его головки со словами: «Как этому венику тихохонько в углу стоять, так этому младенцу тихохонько-спокохонько купелю сприймáть!» Тут она брала из рук матери ребёнка и с молитвой отдавала его везти в церкву кумам. (Смоленская область, 152)

Когда везти кстить время подходит и ребёнка за порог выносят, молитву прочитывают. А после, кто в доме остаётся поджидать вечерю, в догон песню запекает, такую вот:

*— А куда ты идёшь, кумок,
А куда ты спешишь, голубок?
— На крестьбины, Господь Бог,
В кумови́ны, Дух Святой!
— А что несёшь, кумок,
А что несёшь, голубок?
— Несу деточку, Господь Бог,
Во купёлочку, Дух Святой!*

(Смоленская область, 162)

ПОГРУЖЕНИЕ В КУПЕЛЬ

Крестить принято так: посреди церкви ставят купелище, туда воду наливают, крест серебряный опускают. Батюшка читает молитвы. Держит ребёнка кума обязательно на левой руке, чтоб правой креститься. Сколько-то кума подержит, тогда и кум подержит. Батюшка берёт ребёнка и окунает его в купелище три раза. Потом отдаёт куму на руку, а кум уже куме. Кума от своего ребёнка даёт батюшке новое, чистое полотенце — руки вытирать, и оно уже остаётся в церкви. Дальше батюшка молитвы читает, кругом купелища всех водит и мажет ребёночка миром — такие вот крестики ставит; и на лысинке волосики выстригает. Эти волосики он закатывает, скручивает с воском и бросает в купелище. И тогда люди следят: у другого, бывает, тонет, значит, померёт ребёнок, а у другого плавает поверху, то будет жив. Потом батюшка опять читает молитву и миром мажет тут вот пяточки, ручки, головку, на грудях. И ребёночка убирают во всё чистое, свежее чтоб было (в грязное и поношенное нельзя). Кума надевает рубашку, а кум вешает прямо на вороток крестик. И крестины все. Домой ребёнка несут кум с кумой, не родители.

(Смоленская область, 159)

По воду для крещения ходят без коромысла, чтоб крестник не был горбат.

(Белгородская область, 74)

Я староверческой веры. У нас крестят так. Есть специально куполь* в церкви. Кум и кума носят воды, прям из колодца. Бабушка в церковь младенца несёт. Родители не ходят. Нету своей бабушки, соседку берут, лишь бы бабушка была. Батюшка тогда подходит, младенца берёт, носик и ушки рукой зажимает и в куполь окунает раз, два, три. А потом ребёнка передаёт крёстному отцу. А крёстный отец передаёт крёстной матери. Крёстный отец держит тряпку-пелёночку, а крёстная мать держит ребёночка и

* Купель

тогда уже заворачивает, запеленоывает его. Становятся, батюшка молитву читает. Как покрестят, тогда уж домой несут кум и кума. Приходят домой, поздравляют. Подарки несут: кто рубашечку купил, кто пелёнки принёс, кто деньгами бросил.

(Краснодарский край, 116)

Когда ребёнка крестят в церкви, крёстная мать держит в руках метра два ситца — крýжму, и когда священник окрестит ребёнка, кладёт его на эту крýжму. Крýжму эту свято берегут для этого ребёнка и, как только он подрастёт, из крýжмы шьют платице или рубашонку.

(Белгородская область, 72)

Первого ребёнка при крещении из купели обязательно принимали на подножье. Подножье — это аршин белого коленкору (коленкор этот был чистым, необшитым, рубца никакого), или это был белый миткалевый кусок. Когда венчались молодые, крёстная невесты, называлась она тогда божатка, должна была подарить невесте подножье. И когда венчаются, священник жениха и невесту кругом аналою водит, так эта божатка должна постелить как половичок перед аналоем подножье, чтобы жених и невеста встали на него. Такую вот и частушку пели девушки: «Милый в церковь, я за ним, на подножье встала с ним. Венчай, батюшка, со мной, клянусь небом и землёй.» Это подножье идёт в приданое и находится уже не у крёстной матушки, а у невесты, называли у «молоди́цы». И когда рождается первый ребёнок, крёстная матушка принимала этого ребёнка на крещении из купели в подножье. Заворачивали в него только первого ребёнка.

(Архангельская область, 49)

Некоторые крестили дома. Приходил священник на́ дом. Обычно это было, когда ребёночек народился слабый или больной. Приходили кумы, особо они не тратились: там крест, пояс да рубашку принесут, а уж риза — кусок холста, там кусок какой материалу, чаще бывали домашние. Крестили обязательно в другой комнате, не где был рождён ребёнок, потому что она счи-

талась осквернённой. Ребёночка из купели кумы принимали на ризу и говорили ему разные слова: «Пусть тебя Бог благословит и выведет тебя на христианскую веру! Дай Боже, чтоб рос большой, счастливый был!» Здесь давали имя ребёночку и очистительную молитву матери. А после, как уж покрестят, отец угощал батюшку и кумов, устраивал праздничный стол.

(Архангельская область, 51)

Если младенец, когда крёстная мать принимает его от купели на ризки, громко плачет или чихнёт, то, значит, жить новорождённому счастливо и хорошо.

(Коми, 100)

Крестить, считается, чем раньше от рождения, тем лучше. У нас бабушки крестят, церкви-то нет. Если мальчик рóдится, у него должен быть крёстный и крёстная — двое, а если девочка — одна крёстная. Вот купель тащат домой. Воду из колодца или ключа приносят заранее, чтобы она отстоялась и была комнатной температуры, её греть нельзя. Вот старушка-крестильница приходит. Заливают эту воду в купель. Если ещё и другого ребёнка крестить, то воду заливают другую, в одной воде двоих не крестят. Потом эта старушка с кадилом начинает обходить весь дом и кадить все комнаты, потом начинает кадить люльку, где ребёнок спит, потом отца, если мать кормящая, то и грудь матери обкадит, в купели воду кадит. Приходит крёстная мать, приносит рубашечку и полотенце. Тут у купели мать сама стоит, крёстная мать стоит и бабушка. У матери и крёстной должны обязательно быть по кисти рук такие закрытые рукава, голова обязательно чтоб платком покрытая была. Старушка молитвы читает. Потом молится мать, а крёстная более. Крёстная чтобы была непьющая и некурящая. Также если и крёстный отец будет, когда мальчика крестят, тоже должен быть непьющий, некурящий. Потом старушка-крестильница с материных рук берёт ребёнка и очень долго читает молитву, а крёстная должна за ней все слова повторять. Читает молитву и сама мать, и общее там есть чтение молитв. После ребёнка крестят. Старушка берёт его ручки и нож-

ки в одну руку, второй рукой берёт головку, так удобно, закрывает ему нос, уши, чтоб вода не попадала. С молитвой она три раза окунает его в купель, как комочком опускает туда и как стоя получается, он ножками вниз туда, а головкой вверх. В воду обязательно опускают с головкой и при этом: «Господи, благослови, Христос!» — и так три раза. После крёстная берёт ребёнка на полотенце и должна обсушить, вытереть. Старушка, которая его крестит, одевает на шею ему крестик. Крёстная одевает ребёночка, рубашечку надевает, если девочка, повязывает платок и опоясывает пояском. Всегда на теле должен быть крест и пояс. Раньше говорили: «О, это уж не человек, его нельзя на общем кладбище ложить без креста и пояса». Без пояса считался грех. Если мальчика крестят, то двое крёстные держат его и двое одевают, а девочку одна крёстная.

Вода после крещения из купели должна вылиться так, чтобы на неё не могла ступить ни собака, ни кошка, ни тем более нельзя её в помой вылить, куда попало. Найти нужно укромное место. По преданию, если эта вода попадёт в грязь, помой, то судьба этого ребёнка будет замарана, не сложится.

После крещения матери два часа ребёнка нельзя кормить.

(Коми, 113)

Когда крестят, состригают с головки ребёнка несколько волосков, скатывают их с воском, бросают в купель и смотрят, как они станут плавать. Если кружатся — к житью, а идут ко дну — не к житью. Смотрят также, входит ли в тело ребёнка елей, которым его мажет священник, если входит — будет жить. Купальную воду со стриженными волосами выносят кум и кума и выливают под часовню или в такое место, где не ходят люди и скот.

(Курская область, 125)

Раньше крестили так: приносили из ключа воду холодную и не грели её. Специальная купель была, в которой крестили. Бабушка приходила. Раньше эти бабушки крестили, «крещальницами» прозывались, благословлены были на это

дело. А теперь-то в город ездят, везут ребёнка крестить к уставщикам. Вот бабушка примается крестить. Если мальчика крестят, то у купели должен быть крёстный, если девочка, то может одна матушка крёстная. Бабушка берёт ребёнка, закрывает ему рот, нос, уши и погружает три раза в купель, если ребёнок крепкий — выжил, закалился. Все детки крещённые в холодной воде. Бабка, была она на веру крепкая, она всё говорила: «Не бойся! Ничего не сделается с ребёнком-то, выживет! Всё от Бога!» И не заболели, и не умирали. Как из купели вынают, обязательно одевают крестик и поясок. Поясок тканый был, а сейчас просто кромка от ткани или тесёмочка, лишь бы опоясан был. Поясок положено всё время носить, всю жизнь. Распоясанному грех ходить. Теперь-то не соблюдают. Как покрестят, воду из купели сливают в место, где никто не ходит: ни люди, ни скот. У нас выливали под тын или банный углушóк, чтоб по этой воде никто не ходил. Потом этой бабушке, которая пришла и окрестила ребёнка, платили. Ей дарили материал на запан (фартук так называется) или на юбку. Дарили и платок, и обязательно лепёшку стяпану, по-вашему — пирог спечённый.

(Бурятия, семейские Забайкалья, 84)

Кум и кума, как покрестят новорождённого, сразу не садятся, а ходят — это чтоб их крестник скорее на ножки встал и заходил. А сядут, он будет седун.

(Брянская область, 79)

Летом, в первое воскресенье, кумовья везли ребёночка в церковь крестить, а зимой — так уж дома крестили. Я сейчас как вижу: моя мать купель тащит. Купель притащила, священника привела. А мы на печке сидели, караулили, как крестил батюшка-то выглядали. Крёстная матушка обязательно должна присутствовать, а крёстный не обязательно. Крёстная должна знать молитву «Верую» и прочитать её. В купель воду подавала моя мать священнику, а моя бабушка держала ребёнка на руках. Священник потрогал воду — нормально, — и ребёнка с молитвой окунул в купель три раза, и передал его крёстной, потому что крёстная —

вторая мать. Она ходит вокруг купели, полотенце на руках вот так вот развёрнуто, на нём ребёночек лежит. И ходят все вокруг купели, а батюшка поёт молитву хорошо: «Господи, благослови...», и с кадилом он. После они желали крещённому что-то: «Расти, ребёночек, большой, без болезни, без ущерба, здоровый расти, счастливый». Потом за стол садились. Это уж самый большой праздник был. Помню, как крестили-то.

(Архангельская область, 49)

КРЕСТИННЫЙ СТОЛ

Было такое поверие, что как из-под креста, из церкви придет крёстная matka с дитём, то уж matka рóдная этого дитёнка должна брать в шубу. В шубе на руках поддержать, чтоб он был богатый такой, тороватый, чтоб у него было всякого добра не счесть.

(Смоленская область, 159)

Когда кумовья возвращаются из церкви домой, их встречает с хлебом, с солью бабка-повитуха. Ребёнка кладут на кровать, на расстеленную шерстью вверх шубу — для богатства. А кумовья и родня поздравляют мать с отцом — с новопросвещённым.

(Смоленская область, 145)

Из церкви возвращаются обычно уже вечером. Только кумы с новокрещённым входят в дверь, как их спрашивают: «Какое имя получил младенец?» Кумы называют имя и входят в дом. Младенца отдают матери со словами: «Пусть Бог бережёт и счастливую долю даёт!»

(Смоленская область, 158)

После крещения кум и кума приносят ребёнка домой и поздравляют родителей таким приговором: «Как видели мы его под крестом, дай Бог нам с вами видеть его и под венцом!» Коли новорождённая дочь, то ещё говорят: «Дай Бог вспоить, вскормить, богато запоручить!»

(Вологодская область, 96)

Семья и гости поджидают из церкви с крещённым младенцем кумовьёв. Как только они показываются, встречают их песней:

Ой, через бор сосна повалилася,
А кума с кумом побранилися —
Не за яблочко наливное, садовое,
А за то дитё за рожёное.
Побранилися, пожури́лися,
Кому кстить-крестить, сговорилися.
Промеж тех кумов текла реченька,
Да речка быстрая, бережистая.
Как по той реке плывёт уточка
С утинятами, да с селезеничком.
Селезеничка — то Иванушка,
Сера уточка — то Аннушка,
Утиняточки — то их деточки,
Их деточки-малолеточки! ***

Кумовья кладут младенца на печку, на овчинную шубу, вывороченную наизнанку, и желают ему счастья, богатства, здоровья. Чтобы ребёнок не был пугливым-страшливым, рядом с ним кладут три уголька и веник. (Смоленская область, 156)

Крестили, потом стол собирали. Свои только родственники должны быть. Гости несли подарки: льняные рубашки, пелёнку какую принесут, ежели вышиванная какая салфеточка у кого-то — это уже хорошо дать; ну, хлеба булку несли, сало, яички, как шли на кстины. Мальчику и деньги дарили, а вот крещённой девочке деньгами не давали. (Смоленская область, 147)

После крестин у родителей бывает крестинный стол. На угощение приходят свои. Кто-нибудь с кулебякой придёт. Кум и кума для ребёнка что-то на платье купят. А так не собирали, чтобы большой стол был. (Архангельская область, 51)

Стол делали, когда крестили. Собирались родные и близкие знакомые. Приносили что-то съедобное: ломоть хлеба, горшок гречной каши, молоко, яичницу. Дарили, у кого есть что. Есть же не все богатые, были и бедные. Приносили, у кого коленкорчик есть кусочек, подстилать под маленького, ну, две-три пелёночки. Если девочка, то детское несут платице, если мальчик, рубашечку несут. Ещё богатый не наряжал, сколько бедные.

(Смоленская область, 165)

Когда после крещения придешь из церкви с мальцом, тут уж в доме гостей полно. Чего есть, всё на стол ставят. Чтоб всем было свободно. Родильница примаёт подарки и раскладывает вокруг себя на кровати. Она лежит. А уж покрещённому мальцу говорили: «Миленький, расти большой! Счастливый будь! Не болей никогда, докторов не знай, здоров бывай!»

(Смоленская область, 159)

На крестины собирались. Крестины — это «на зубок» идти. Пекут пирог, только не рыбный, нужно пирог сладкий спечь, можно и сладкую ватрушку. Несли соседи, подруги. Идут «на зубок», говорят: «Хозяйке доброго здоровья! Дитю дай Бог, чтобы зубки росли!»

(Нижегородская область, 131)

Когда ребёнок родится, крёстная с крёстным сходят его ок-
сят. А с церкви приехали, тут же — кстины. Хозяин идёт по де-
ревне приглашать на кстины из своих родных и знакомых:
«Пожалуйте, — говорит, — на кстины к новокрестничку на соль,
на хлеб, на званый обед, кашу покушать, песни поиграть!» На
кстины с подарками собирались. Хозяин каждому пришедшему в
дом гостю наливает водки и подносит. Выпивают и говорят:
«Пусть Бог даёт отцу и матери счастливую долю, а дитю и боле
— себе на утеху и людям на славу!»

(Смоленская область, 169)

На крестьбины кто что приготовит, старались ловчей. Число кушаний, поданное на стол, должно быть нечётное: пять или семь. А последнее кушанье обязательно должна быть ячная или гречишная каша. (Смоленская область, 167)

На крестинный стол ставили водочку, каши наварят; капусты, картошки наготовят, пироги — главное. (Смоленская область, 168)

На крестинах ели блины, пироги с красной рыбой, чёрную икру. (Тверская область, 178)

Кстины справляли. Сделают самогончики, каши наварят, только грецкая, на кстины надо только грецкая каша. И угощают. И собираются деньги: роженице «в кашу» и бабке «на зубок». (Смоленская область, 166)

На крестинный обед пекут особые пирожки с овсяной муки, они намазываются сверху маслом и называются «кстѣнчики». Все кушанья готовятся на стол, как на большой праздник. Если пост, то ставят сельди и квас с кислой капустой. А если нет поста, готовят студень и квас с яйцами и мясом, также щи или картофельный суп с грибами, на второе — лапша с курятиной или свининой. Главное, к концу — гречняя каша. И последнее кушанье — пироги. (Архангельская область, 34)

С крестинами справлялись. Привозили из церкви домой ребятёнка, потом садились за стол, все гости там: кум, кума, бабушка-повитушка, родители. Выпивали за здоровье младенца, говорили: чтоб рос большой, чтоб сильный был, чтоб хозяином хорошим был. От гостей были поздравления. Главное блюдо была пшённая каша. Приносили на стол кашу, а бабка подавала всем по рюмке водки и получала от всех деньги, обычай такой, «класть в кашу». (Краснодарский край, 115)

На крестьбинный стол ставили: блины, студень, мясо и обязательно водку. Приносили угощение и родственники. За столом, на почётном месте, в переднем углу усаживали кума и куму. Рядом с кумом садился отец роженицы, подле него свёкр, рядом с кумой усаживались мать роженицы и бабка. Гости пели:

*Коло месяца,
Коло ясного —
Всё частые звёзды.
Коло Ванюшки,
Коло душечки —
Всё дорогие гости.
А то бабушка
Да повива́лушка,
А вот кум и кума,
Ходи, чарочка моя!* *******

Кум и кума сидят на куте и делают друг другу подарки. Кум дарит куме платок хороший или ситец на платье, а кума одаривает кума шёлковой материей на рубашку. И крестнику своему они что-то там подарят детское, они же кумовьё. Как отдарятся, сначала куму поют:

*А кто у нас
Занял куто́к?
Молодой кумок
Занял куток.
А сидит на покуте́,
Как соколи́к во гнезде.
Он за этот за куток —
Мёду льёт за вороток!*

Потом куме запевают:

*Кума на куте села,
Три песенки спела:
Одну — родинную,*

*Другую — крестинную,
Третью — именинную.
Дай же нам Бог этого дитяти
Крестьбинки справляти.
Судил Боже его видеть
Под крестом.
Суди, Боже, его видеть
И под венцом!*

К концу крестьбинного обеда вносили младенца и бабка ставила на стол две тарелки. На одну тарелку клали деньги бабке, на другую — деньги новокрещённому. Это называлось «класть на зубок». Тады пели и плясали, и всё.

(Смоленская область, 162)

После хрестьбин обед. Первые за стол садятся кумовья. Хозяин приглашает: «Вы, кумушки, позаждалися! Садитесь в кутнее место!» Кумовья садятся первый раз за стол под образами. А гости поют:

*Кум с кумой на покутё сидят,
На покуте сидят, мёд пьют.
Пей, кумок, пей, кумка!
Коли мёду не будет,
Хоть коровку сбуду, а мёду добуду.
Можно, хозяин, и без мёду гулять,
Худо, хозяин, без коровки дитя годова́ть!*

Кутнее место принадлежит кумовьям. За ними хозяин приглашает сесть за стол и остальных гостей. На столе ломти хлеба, блины. Хозяин потчует гостей водкой и начинает с кумовей. Первый выпивает за здоровье ребёнка кум и говорит: «Как видели мы крестничка под крестом, дай Бог увидеть его и под венцом!» Потом все, кто за столом, встают и поют:

*А в неделечку пораненичку
На небе да развиднело,*

*То кумочек ходит
И дитяtko носит.
У Бога доли просит:
Дай, Бог, этой дитяти
Всякой доли имáти:
И богатой, и тороватой,
А третьей — здоровейкой!*

(Смоленская область, 141)

За крестинным столом на почётном месте священник, крёстный и крёстная. За обедом подают праздничную еду: овсяные и гороховые блины, кисель, студень, щи, ватрушки, крендели. Бабка несёт родильнице стакан водки. Она чуть отпив, подносит куме, кума, отпив, отдаёт куму и он выпивает за здоровье крестника, все за столом запевают:

*У нашего Ивана виноград на дворе,
Виноград на дворе, крестины в избе.
Посадил он кумовьёв да на самом на куте,
Величает, угощает, наливает и себе!*

(Вологодская область, 96)

БАБИНА КАША

На кстинах хозяйничает бабка-повитуха. Она всем распоряжается, растапливает печь, готовит еду на стол, кличет гостей и всех угощает. К концу обеда бабка выносит горшок с гречишной кашей и ей поют:

*Ой, бабушка ходит.
Кашу-ти носит —
На счастье, на радость,
На Божию милость,
На высокие хлебы,
На толстые снопы.*

*Кашу-ти на ложке
Берите понемножку,
Дитяти на ножки
Бегать по дорожке!* ❀❀❀

Бабка ставит на стол горшок с кашей и припевает:

*Гости, ой, дорогие,
Гости мои любящие!
К вам бабушка подходит,
Вам кашку подносит.
Бабушка добренька,
Кашка-ти сладенька,
Да помасленькая!
Мне не барыши иметь,
А народ приучать:
Чтоб бабушку знали,
В гости к себе звали!*

Тут бабка подаёт отцу крещённого младенца ложку каши наполовину с солью и говорит: «Как тебе солоно брать, так жонке твоей солоно было рожать!» Ну, делать нечего, мужик-то ест, морщится, ругается, а ест. За отцом бабка угощает и кумов: «Кушайте, кумочки, не раз, с крестничком поздравляю вас! Как вы видели его под Христом, так бы видеть вам его и под венцом!» После кумов бабка и всех гостей за столом угощает кашей. Когда остаётся последняя ложка, бабка бросает её вверх под потолок и говорит: «Дай-то Бог повелось, чтобы деткам нашим весело жилось! Также они высоко скакали и горя не знали!»

(Смоленская область, 164)

Был обычай после крещения ребёнка в церкви всех родных угощать. Звали на кашу. Сначала гости угощались, песни пели. Потом бабка выносила в шапке горшок с пшённой кашей и говорила нараспев:

*Бабушка идёт,
Кашку несёт.
Ты родильница,
Ты счастливица!
Ты, отец-родитель,
Будь пожеланней
К своему дитяти!*

Прежде чем подать на стол кашу, бабка на дно ложки сыпала соль и черпала кашу. Она просила съесть мужа родильницы и говорила: «Терпеть, трудиться жёнушку заставлял, теперь самка понудься, съешь!» Муж этот через силу съедал. Так нужно было, иначе он «суровостен будет», окажет нелюбовь к жене и дитю. Бабка ему и вторую ложку посолённой каши подавала. Ну, тут уж он откупался деньгами, так можно было, так полагалось. Потом бабка ставила кашу на стол гостям и говорила: «Меня, старую, послушайте! Кашку мою покушайте! Да труды вознаградите, дитё вспомните!» Её одаривали деньгами и ели кашу. После благодарили хозяев и расходились.

(Смоленская область, 151)

За крестьбинным обедом, пока гостям не подадут водки, никто за еду не принимался. Хозяин угощает, а потом говорит: «Принимайтесь, дорогие гостеньки, за что Бог послал!» После основного угощения бабка ставит на стол в горшке кашу. Эта каша должна обязательно быть обёрнута в холстину. Бабка подносит кашу крёстным и говорит: «Выкупите, крестеньки, а потом кушайте!» Крёстные кладут бабке деньги в подол, кто сколько сможет. Часть денег идёт бабке, часть родильнице. Тогда кашу едят все, кто за столом, и бабку выхваляют: «Ах ты, бабушка-повивалушка, хороша стряпушка! Вкусна твоя каша, благодарность наша!» Покушав каши, берут небольшой круглый каравай и кладут его посреди стола. Крёстные втыкают в него деньгу ребром и желают своему крестнику: «Стоять ему и бодриться, как деньга торчмя торчит!» После бабка с обеих сторон обрезает

этот каравай по горбушке, так что в середине остаётся толстый ломоть. Горбушки она разрезает на кусочки, солит их и раздаёт всем гостям, срединный ломоть даёт съесть родильнице. Так принято было, чтобы показать, что все с ней заодно, сочувствуют ей.

(Смоленская область, 157)

На христьбинах готовит кашу бабка, мать не готовит. Бабка каждому гостю подносит по ложке каши. А гости её обругивают: «Ой, каша-то и горька, и кисла, не солона». А бабка в ответ: «А ты положи в солонку язычок, вот и будет каша солоничок!» Или вот: «Целуй жонку почаще в уста, будет каша не горька!» Бабкину кашу съедают полностью, а последнюю ложку каши бросают на потолок и говорят: «Так бы наш Ванька подпрыгивал!» Бабка берёт пустой горшок и обносит гостей, и все туда кладут деньги, называется «класть деньги родильнице на мыло».

(Смоленская область, 146)

На кстинах кашу бабка разносила. Тады бабе этой деньги давали за эту кашу. Она вот в фартуке холщёвом идёт, вышиванные тады были ещё. «Ну, — говорит, — гостики! Кашу купляйтя! Всё даром у мяне перяели! Кашку купляйтя!» Так и купляют эту всю кашу. Вот кашку кто возьмёт ложечку, покушает и ей денежку кидает сюда в фартук. Ну, а кады баба эта деньги соберёт — эти деньги уже крестнику идут. А другая уже баба «на мыло» собирает. Она мыть будет этого крестника: «Моему ж внуку, — говорит, — надобе на мыло, шоб он был чистенький, беленький!» Каждый даст: кто рублик, кто пятёрку, кто там сколько — это «на мыло». Когда кашу докушивали, пустой горшок бухали об пол, разбивали на счастье.

(Смоленская область, 159)

На крестинах бабка гостям подавала кашу с приговором: «Это моё! Выкупайте! Будете исты!» Её за кашу одаривали. Каждый свою ложку выкупал. Считалось, что коли гости на крестинах не доедят своей каши, то покрещённый младенец будет рябой.

(Нижегородская область, 137)

На хрястьбины приходят только женатые, холостые парни и девки не допускаются. Когда бабка ставит на гостевой стол гречнюю кашу, она отцу и дитю хорошие слова баит: «Дай же вам Бог, каб в этом доме много было деток на годú! Сколько в лесу плечов да пеньков, столько вам парничков, сколько в поле ям и кочек, столько вам дочек! И добра всякого во дворе, и животинки много во хлеву». Гости кашу съедают. Кумы последнюю ложку каши кладут на полку и бают: «Чтобы крестник такой же большой вырос!» (Архангельская область, 9)

Крещут. Дети собираются кругом хаты и палки берут. Вот хату палками скрябуют и поют:

*Нам на кстинчики
Дайтя гостинчики:
Грудочку каши
В золотые чашки.
А каши нету,
Дайтя конфету!*

*

*Бабка, бабка,
Дай нам каши!
Кто каши даси,
Тот хороший князь,
А кто не даси —
Подпорожняя грязь!*

Скрябали, чтоб каши вынесли. Скрябают палками стяну́ несколько ребят, один не скрябает. Когда не дасти им каши, страша́ют:

*Не даси каши горшок,
Я хозяина в мешок,
Хату обярну,
Внучка задавлю!*

*

Если кашу не даси́,
Хату завалим,
Тебе внука задавим!

(Смоленская область, 167)

Я, бывало, ходила, скрябала эту стену. Бывало, дети, по-дойдём, тама хату палками поскребём. Хозяйка выйдет: «Што, дети? А, молодцы, што на кстины пришли! Хадитя! Кашки дадим!» За стол сядем, кашки подадут. А что мы дети знаем, то и запеваем:

Бабусечка,
Голубусечка,
Поворачивайся!
Застилай столы,
Клади пироги,
Каши горшок,
Хлеба ворошок.
Каши нам мало,
Дай кусок сала,
Чтоб с кашей лежало!

*

Бабушка идёт,
Стряпушка идёт,
Кашку несёт.
Поставила на столе,
Сама села на столбе.
Полный вам терем
Сыновей, дочерей.
Их кстить-крястить,
За собой водить!

(Смоленская область, 165)

Со всей деревни сбежимся, где крестбины справляют. И под окошком заводим:

*Родимица наша,
Дай нам каши!
Кто даст каши,
Тому сына родить
И на коника садить,
На молоденькова,
На вороненькова,
На подушечку,
На пуховенькую!* ❀❀❀

Ну, а не выносят кашки, то уж хозяйку божим:

*У ворот тебе стоять,
Лихорадкою дрожать!
Как в избу взойти,
Подкоростой изойти!
Какова в море пучина,
Такова тебе кручина!
Какова в полу доска,
Такова тебе тоска!
Сколько огородов,
Столько вам уродов!*

Ну и вынесут, дают крутой каши прямо в горсть. Хозяйка-то подаёт и всё просит: «Уж вы, мальцы, мово внучечка не обяжай-тя, кады подрастёт, не трогай-те ево!»

(Нижегородская область, 138)

На хрястины «на кашу» дети прибегут, поздороваются, что-то там запоют. Ну, и посадим за стол маленьким карагодом. Они скрётычками (черепками) этими черпали кашу и ели так-то, чтобы росли у покрещённого дитёнка зубы. И как покушают кашу, тарелочку били, чтобы у дитёнка зубы не болели.

(Брянская область, 81)

КРЕСТИННЫЕ ПЕСНИ

Окрестишь ребёнка и сразу куму, кума позовёшь и делаешь крестины. Собираешь всю свою родню и делаешь вечер этому малышу. Сходятся гости, кумовья садятся за стол и начинают беседу. На вечеру надо повеличать кумовьёв. Песня специальная старинная есть: «А у нас нынче понедельник, праздничек». В ней: «Кто ж его дитятку сперва, спросят, будет кстить-крястить? Сперва ранняя сваха звалася, а потом уж по своей душе нашли кумовьёв и перекстили». Гости выпили, закусили, песню поют за столом, поднимаются и ногами вот так вот выстукивают. Мы вот что тот хоровод за столом, как на свадьбе играем. Кто хорошо запеваёт, заводит на беседе эту песню, её только на крестинах поют:

*А у нас нынче понедельник, праздничек,
Ой, ляли, а лилёй, лёли, праздничек.
А у нас нынче да молодушки не прядутъ.
Ой, ляли, а лилёй, лёли, не прядутъ.
А всё ж они да на мычинки не мычутъ,
Ой, ляли, а лилёй, лёли, да не мычутъ.
А всё ж они в зияном саду гуляют,
Ой, ляли, а лилёй, лёли, да гуляют.
А всё ж они да горелочку спивают,
Ой, ляли, а лилёй, лёли, да спивают.
Нашли они ж малого ребёнка в пелёнках,
Ой, ляли, а лилёй, лёли, в пелёнках.
А в шёлковых-полушёлковых свивальни́х,
Ой, ляли, а лилёй, лёли, свивальних.
А кто ж того малого рябёнка кстить будя,
Ой, ляли, а лилёй, лёли, кстить будя.
Вот кстить будя, вот кстить будя,
кстить-крястить.
Ой, ляли, а лилёй, лёли, кстить-крястить.
А вызва́лась вот Марьюшка кумою,*

Ой, ляли, а лилёй, лёли, кумою.
А привбирала Васильюшку с собою,
Ой, ляли, а лилёй, лёли, с собою.
Ой, кто там у нас и всё милые кумовья,
Ой, ляли, а лилёй, лёли, кумовья.
Ой, то́та у нас да весёлая да биседа,
Ой, ляли, а лилёй, лёли, да биседа.
Вот биседа, вот биседа да виселья! ***
(Белгородская область, 71-74)

В деревне Шаталово я росла. Раньше детей на печку сгоняли, а взрослые на крестьбинах за столом гуляли. Сидишь на печке за трубой и смотришь, и слушаешь. Мне было десять лет, я научилась эти песни петь. В песне звали кумов перекрестить дитя:

А спо-по́ мосту, пы калиновому,
А што по мосту, пы калиновому
Там стучит-грючит дай колясычка,
Там стучит-грючит дай серебряныя.
В той колясычке да Гришечка,
В той серебряной да Иванович.
А и Гришечка сам пы куму идёть,
А и Иванович ён пы куму идёть.
Ты, кумочек мой да Иванович,
Ты, кумочек мой да Иванович,
Перяксти ж ты майво дитя малого,
Перяксти ж ты майво да малёшенькыва!
А што по мосту, пы калиновому,
А што по мосту, пы калиновому
Там стучит-грючит дай колясычка,
Там стучит-грючит дай серебряныя.
В той колясычке да Гришечка,
В той серебряной да Иванович.
Ай Гришечка да пы кумушку идёть,

Ай Иванович да пы кумушку идѣть.
А ты, Надечка да Ягорывна,
А ты, Надечка да Ягорывна,
Перяксти ж ты майво дитя малыва,
Перяксти ж ты майво дай малёшенькыва.
Штоб да мой сыночек дай вяликой рос!
Штоб да мой сыночек дай щасливой был!

За столом угощались. Хозяин всех гостей обносил наливочкой. И тут пели:

А у Гришки молодойца́
Есть бочоночек винца.
Погуляй, мой кумочек, у мяне́,
Погуляй, Иванович, у мяне!
Пару ко́ней запрягу,
Ку́ма с двора отвязу.
Погуляй, мой кумочек, у мяне,
Погуляй, Иванович, у мяне!
А у Гришки молодойца
Есть бочоночек винца.
Погуляй, моя кумушка, у мяне,
Погуляй, Ягоровна, у мяне!
Пару коней запрягу,
Куму с двора отвязу.
Погуляй, моя кумушка, у мяне,
Погуляй, Ягоровна, у мяне!
А у Гришки молодойца
Есть бочоночек винца.
Погуляй, моя бабуся, у мяне,
Погуляй, Лаврентьевна, у мяне!

(Смоленская область, 167)

Песня эта исполнялась на крестьябинах. Сидят за столом и кумовья и родня. Пьём, гуляем. Музыка-то в ногах, поём и приплясываем:

Да за речкою й за рекою, да чатыре двора,
Ой, лёли, ай лей ляли, чатыре двора.
Чатыре двора, чатыре двора, да все кумовья,
Ой, лёли, ай лей ляли, да все кумовья.
Да кумитесь, да любитесь, да любитья миня,
Ой, лёли, ай лей ляли, да любитья миня.
Пойдётся да во зялёный сад, возьмится миня,
Ой, лёли, ай лей ляли, возьмится миня.
Сорвится по яблочку, сорвится и мне,
Ой, лёли, ай лей ляли, сорвится и мне.
А положите на тарелочку, поло́жся в мою,
Ой, лёли, ай лей ляли, положся в мою.
А разрежете по скибочке, разрежся моё,
Ой, лёли, ай лей ляли, разрежся моё.
Чествуйте вы своих гостей, чествуйте моих.
Ой, лёли, ай лей ляли, чествуйте моих.
Славите кумовьёв, славьте и роднова дитя,
Ой, лёли, ай лей ляли,
крещёныва дитя!
(Курская область, 124, 127-129)

Пели за столом на крестинах. Как гости подопьют и
запевают:

Спородила молода дивчина
Дай хоро... хорошего сына, ой.
Спородила да молода дивчина
Дай хоро... хорошего сына, ой.
Спородила да молода дивчина
Да хоро... хорошего сына.
Спородила, дай щёй сположила
В зелё... зелёной дубраве, ой.
Да не дала ж тому казаку ли да
Ни сча... ни счастья, ни доли, ой.
Дай не дала ж тому казаку ли да

Ни сча... ни счастья, ни доли.
Ни сча... ни счастья, ни доли, ой.
Только ж дала да тому казаку ли да
Личко... личко, чѣрны брови, ой.
Только ж дала да тому казаку ли да
Личко... личко, чѣрны брови.
Личко... личко, чѣрны брови, ой.
Было бы тебе, моя рідна мати, да
Ци брив... ци брив не давати, ой.
Было бы тебе, моя рідна мати, да
Щастя... щастя-долю дати!

(Краснодарский край, 114-117)

Поют на кстинах. Садятся за стол, праздничают, песни запевают. В конце крестильного обеда чествуют повитуху, одаривают её кто чем, а когда прощаются с ней, то поют:

Как вчера бабулька
На родинках была,
А сегодня бабулька
На кстинки пришла.
Запрягайте, закладывайте
Двенадцать волов,
Отправдайте, отвезите
Бабульку домой.
Наша бабулечка,
Наша голубочка
Подводаньку любит.
Она нам молоденьким,
Она нам хорошеньким
Медовочку купит.
Не то купит, не то купит,
Да подсолодит.
Нам молоденьким,
Да нам хорошеньким

*Весьма нам угодит.
Вот запала, вот запала
Дорожка снежком,
Пойдёт наша бабулечка
До дому пешком.
Вот запала, вот запала
Дорожка росю,
Пойдёт наша бабулечка
И вся беседа гульбою!*

(Смоленская область, 152)

РАЗМЫВАНИЕ РУК

Крестины бывают три дня. Первый день — крестины, второй день — хмелины, и третий день — муровины. В первый день крестинные песни поют, на хмелинах — любые песни запевают, а на муровинах «размывание рук» происходит.

(Смоленская область, 148)

И на второй день крестьбины продолжают. Утром к родильнице опять собираются гости. Бабка выносит угощение и ей поют:

*Вчера бабка, вчера куля́бка
На крестьбинах была,
Сегодня бабка, сегодня кулябка
На хмелинки пришла!*

После обеда бабушку обёртывают, обвивают в холст или ситец и поют:

*Ти хороша бабка,
Ти хороша стря́пка
Приходила к внучке своей!
Ходила-то часто,
Приносила сладко
На хмелины внучке своей!*

*У Ивана, у Ивана
Ворон коник на дворе.
У Ивана, у Ивана
Сидит бабка на куте.
Запрягайте, зануздайте
Ворона коня уздой.
Отвезите, отвезите
Бабку-стряпку домой.
Нечем запрягати,
Нечем зануздати.
Лучше тут ей ночевати,
На хмелинах погуляти!* ***

Бабку благодарят, что она умело перебабила родиху, дарят ей подарки. (Смоленская область, 172)

В третий день крестьбин — муровины. В этот день приходят только кум, кума и повитуха. Был обычай «размывать руки» — это значит, кончить дело. Бабка вытягивала из нового веника три прутка и ложила их крестом на пол. На эти прутки становилась родильница. Бабка брала ковш с родниковой водой и сыпала туда овёс. Ещё одним прутком мешала овёс с водой и миром. И начинала мыть родильнице руки. А та ей: «Прости меня грешную!» А бабка в ответ: «Бог простит!» И так до трёх раз. После этого бабка брала с пола прутки и кропила этой водой новорожденного, отца и его родню и в конец кумовьёв. Потом мыла и свои руки, утирала их фартуком. Бабке дарили полотно или платок. И всё. (Смоленская область, 154)

На крестинах был старинный обычай «размывание рук». Делалось это перед уходом бабки-повивалки из дома, где она бабила. Начинали размывание рук: зажигали перед иконами свечу и молились. Потом бабка брала из трёх родниковых ключей или колодцев воду и в ковш с этой водой ложила яйцо, хмель и овёс. Сначала бабка умывала ребёнка и приговаривала: «Расти с брус

вышины да с печь толщины, будь крепок, как дубок!» За ним бабка уже умывала мать и наговаривала: «Как яичко полное, так и ты полней. Как хмель лёгок да крепок, так и ты будь такая же. Как овёс бел, так и ты будь бела». И сама бабка умывалась этой же водой. Так-то очищались они. *(Ярославская область, 182)*

После крещения младенца повитуха оставалась в доме на три дня. Только через три дня после крещения можно было купать ребёнка, чтобы не смыть помазанную священником при крещении миро. Считалось, что это подаренье Святого Духа. Бабка сама приносила воду, выливала в чистый горшок и грела её в печи. Потом подогретую воду сливала в купальное корыто и бросала туды горсть овса. Кум и кума бросали в воду серебряные деньги. Бабка опускала в купальное корыто ребёнка и с молитвами омывала его. Омытого отдавала на руки матери. А воду сливала обратно в горшок и этой же водой омывала руки всем в доме. После этого бабка выливала эту воду в ручей или реку.

(Архангельская область, 64)

На сороковой день от рождения ребёнка бабка, которая перебабливала мать, снова приходила в дом. Она прощалась с младенчиком и подпоясывала его. Подпоясывала и говорила: «Как шнур длинён, так жить тебе долго! И как шнур белой, так быть и тебе, рая видать и в горестях не бывать!» Закончив, бабка прощалась со всеми в доме и уходила.

(Бурятия, семейские Забайкалья, 84)

ИМЕНИНЫ

ДУХОВНОЕ РОЖДЕНИЕ

Раньше имя новорождённому давали в церкви, когда крестили. Старались так, чтобы именины справлялись недалеко от дня рождения. *(Коми, 113)*

За нашу бытность батюшка в день крещения давал дитёнку имя. Было так: имя святого или ангела там записано в Святцах, на каждый день три имени там написано в книге. Ну, и выбираешь из трёх имён, кого хошь, какое тебе имя понравится, более подходящее будет. *(Смоленская область, 159)*

Имя ребёнку чаще называл священник при крещении, выбирал имя святого, который праздновался в этот день. Обычно он называл имена святых, а родственники ребёнка выбирали имя, которое покрасивше. Считалось, что если взять имя преподобного, это будет к счастью младенца, а имя мученика — к несчастью. *(Архангельская область, 10)*

Имя давали. Вот у нас в семье Купрюшка был, и Гаврил был, и Микит был, и разные-разные имена были. Имена давали по праздникам. Вот ожидался праздник. Когда крестят, у кого дети рождённые к празднику, обязательно открывают церковную книжку, где все праздники, и смотрят, какого числа их ребёнок родился. И вот бывает в этот день праздник, а бывает в эту неделю, или чуть раньше, в течение недели. Смотрят по числам вперёд или назад и какие там встречаются имена. И выбирают имя святого, записанное в книжке, какое попадёт. Вот у меня старший брат, он рождён тринадцатого июня, это как раз к Иванову дню, Иваном его и прозвали. Ежели тройня на Троицу у кого рождалась, то старались им давать имена Вера, Надежда, Любовь. *(Краснодарский край, 115)*

Давали имя на крестины. Брали имя того святого, в какой день ребёнок родился или поблизости к этому дню. Родился в

Егорьев день — значит, Егор, а в Петров день — Пётр. А часто было и так, что своему ребёнку давали имя любимого или особенно счастливого родственника, чтобы их дитя таким же богатым и счастливым был. Давали имя и в память деда или бабки, называлось это: «по обычаю имя давать».

(Воронежская область, 99)

Имя даёт отец, мать или же повитуха. Вот я родился под Михайлов день, меня и называли Михаилом. На это взор был, ведь псалмы читаем, а там всё сказано.

(Грузия, духовборы, 105)

Раньше имя по церковной книге давали, как батюшка-священник скажет. А теперь дают, кому как вздумается. Был ещё такой порядок: первый сын должен был носить непременно имя деда с отцовской стороны, второй ребёнок — имя деда с материнской стороны, а третий — имя отца. А если девочка, то тот же порядок, только имена бабушек берут.

(Волгоградская область, 93)

Был особый обычай, как давать новорождённому имя. Бежали за ворота и спрашивали первого встречного, какое у него имя. Его имя и давали дитю. Считали, что от этого имени ему будет всю жизнь счастье и удача.

(Архангельская область, 21)

Чтобы не было оговору, имя ребёнка первое время чужим людям не называли, заменяли его другим именем.

(Нижегородская область, 136)

Раньше детей в духовном духе растили. Вот рождение-то духовное и считалось святее и поболее своего рождения из материной утробы. Поэтому-то день рождения и вовсе не справляли, а вот именины праздновались всю жизнь.

(Архангельская область, 36)

ИМЕНИННЫЙ ПИРОГ

Имя давали на крестинах, значит, и именины справляли. Устраивали в этот день пиршество. На именины ребёнка одевали во всё новое, лучшее. Носили его в церковь к литургии и брали у батюшки благословение. В этот день приходили родные и гости. Крёстные приносили житные и крупчатые пироги, главные же пироги были растягаи, приносили также калачи и крендели.

(Архангельская область, 25)

У нас говорят: добрые именины до трёх дней бывают. В первый день именинника в церковь несут, причащаются. На второй день на стол расстилают шубу и сажают его на шубу. И подстригают ему, обрезают ноготочки. Девочке дают в руки иголку с ниткой и ножницами, а мальчику молоток и гвоздь, инструмент мужской дают, чтобы он уже начал привыкать. Это когда год исполняется, на шубу деток сажают, чтобы они были богатые и к работе привычные, охотливые. А вот на третий день — именинный обед и угощение устраивают, гости с подарками приходят.

(Грузия, духоборы, 105)

На первые именины, когда дитёнку годик становится, делают пострижки — постригают «щюточки» — височки, чтобы у него волосики лучше росли и сам чтобы быстрее вырастал. В именинный день приходят кум и кума, подарок своему крестнику приносят. Посидят, пообедают, а после постригают имениннику крестиком «щюточки», всё по старому обычаю делают. А некоторые на годик и всю головку маленькому стригут.

(Белгородская область, 74)

Мама, когда ребёнку именинный годок исполнялся, пекла пирог. Сначала ставила этот пирожок над головкой ребёночка на ребро и приговаривала: «Вот расти такой высоты!» Потом поворачивала его наоборот, становила плашмя и говорила: «И вот такой ширины!»

(Архангельская область, 64)

Годок младенцу или больше исполняется, испекут ему пирожок с «заспиной». Его из ячменной крупы пекут. Вот на простокваше забьют его, ночь он взбухнет, а утром возьмут сочень из другой, ржаной муки, и вот его нальют, и испекут. Пирожок на именины подают. Так по старинке, на годок — из «заспины» пирожок. Этот пирожок концом имениннику легко колотят в головку и говорят:

*Как этот пирожок большой,
Так же и ты вырасти таковой!*
(Архангельская область, 14)

На именины именинника усаживали за стол. И начинали именинничать. А говорят-то за столом: «Без пирога именинника под стол сажают! Где пирог-то?» Вот хозяйка именинный пирог тащит: «Кто именинник — тому и пирог!» И запоём:

*Как на Ванькины именины
Испякли пирог из глины:
Вот такой вышины,
Вот такой нижины,
Вот такой ширины,
Вот такой ужины!
Нам пирог-то подавай,
Кого хочешь выбирай!
Я, признаться, люблю всех,
Но вот Ваньку больше всех!*

Споём, сыграем. И разламывали потом этот пирог с кашей над его головкой. Чем на него больше сыпалось каши, тем считалось, жизнь его счастливее весь год будет.

(Курская область, 122)

Когда именины, крёстная обязательно что-то испечёт, принесёт и одарит, а крёстный уж деньгами даст. Для именинника готовят именинный стол, ну и угощение там всякое. И дети на

эти именины приходят, за стол садятся, угощаются. А что дети знают, то и запевают «На Фектины кстины пякли каравай»:

*Как на Фектины именины
Испекли мы каравай:
Вот такой вышины,
Вот такой нижины,
Вот такой ширины,
Вот такой долины.
Каравай, каравай,
Кого хочешь, выбирай!
Я, признаться, люблю всех,
А Фектинью лучше всех!*

Как споют «Каравай»-то, хозяйка и впрямь на стол каравай несёт, такой-то румяной, высокой, пышной. И говорят имениннику: «Расти ты-ко, как пшеничное тесто на опаре!»

(Нижегородская область, 137)

Именины и тогда отмечали, и сейчас отмечают. В этот день беседу собирают, за именинным столом гуляют. Кто идёт на беседу, кто приходит — подарки приносит; кто чего: кто — рубашку, кто — игрушку какую. Вот посадут за стол, именинничка крёстна матушка и крёстный батюшка вокруг стола на руках носят, а все, кто есть, припевают:

*Имениннику песенка,
А гостям обеденка —
За столом столовать,
За пирами пировать.
Эту песню поём,
Ему честь воздаём,
Его величаем,
По имени называем,
С днём ангела поздравляем!
Он как белый сыр на блюде,*

Как оладышек в сосуде,
 В саду вишенья садовое,
 Сладко яблочко медовое.
 Умел хорошо родитесь,
 Хорошо снарядитесь,
 Умей веселитесь!

Споют и за кушанья принимаются, беседу продолжают.

(Воронежская область, 98)

Гости приносили имениннику подарки, более всего одаривал крёстный отец и крёстная мать. Гости садились за именинный стол. Духовник благословлял именинника образом, пели «Многолетье». Когда подносили подарки, то запевали:

Да ещё что это за праздничек?
 Да это кто у нас именинничек?
 Да не Васечка ли молодёничек?
 В люличке он не качается,
 Во пелёночки не пеленается,
 Носит батюшка его на белых руках
 В миткалиновой рубашечке,
 В полишелковой опоясочке.
 Это что у нас за гости сидят?
 По терему они не идут,
 Имяниннику дары не несут.
 Вот по городу звоны пошли,
 По терему дары понесли.
 Не прогневайтесь, примите дары,
 Дары наши не малы, не велики:
 Тёплые рукавишки — на белые ручишки,
 Новые сапожки — на резвые ножки,
 Красная шапчонка — на буйную головёнку,
 Ещё армячишко — на Васины плечишки. ❀❀❀

Потом все принимались за угощение, за именинный пирог.

(Смоленская область, 173)

Сиротство и СМЕРТЬ

О ДВОРА ВО ДВОР

Было и так, что мать с отцом умирали и дети их, мал-маламеньше, сиротами оставались. Так этих сирот ростили родственники: братья ли, дядьки ли, или ещё кто из родни другой. А нет родственников, так сирот сторонние забирали. Обычно брали муж с женой, у которых не было детей.

(Грузия, духоборы, 102)

Сирот брали свои, там у кого брат, у кого сестра. Детей не бросали. И чужие даже брали. Как на войну шли мужики, то договаривались: вот ежели я приду с войны живой, а ты нет, то я буду твоих детей растить, а ежели ты вернёшься, то ты моих будешь. Так вот и случилось: один пришёл с войны, другой не пришёл. Так этот мужик, что живой остался, детей его растил.

(Смоленская область, 169)

К сиротам в селе относились жалостливо, с большим участием. Их забирали к себе ближайшие родственники. Если у родственника сирота жил, то другой его родственник помогал ему чем мог: и едой, и одеждой для ребёнка, или деньги давал; и соседи помогали. Ну, а если уж у сироты никого не было, тогда брали в приюты, увозили.

(Архангельская область, 49)

С родов мать умерла. Остался ребёнок да в шесть недель помёр. А у ней уж было шесть деток. Одни в доме остались. Тётки к ним приходят и принесут кто что: капустку, картошечку, хлебушек. Сидят эти детки голые на печке и дожидаются, в окно поглядывают — не идёт ли кто, не несёт ли что.

(Смоленская область, 157)

В деревне сироты жили дома с роднёй, с какой-нибудь бабушкой. И растит она их. А крёстные приглядывают. Они после отца с матерью для сироты самые родные.

(Смоленская область, 150)

Если ребёнок осиротел, родные брали и чужие люди брали. У нас со двора во двор отдавали. Вот одни взяли сироту, кормили-кормили. Как чувствуют, что нужда начинается в своей хате, отдают соседям. Приходят к ним и договариваются: «Не можете ли вы взять Лавруху на неделю? Покормить!» — «Давайте!». Эти уже соседи кормят-кормят. Как этим уже есть нечего, другую семью спрашивают. Так и говорили: «со двора во двор». Кто сироту в казённый дом сдавал. А кто говорил: «Детей не отдадим! В сиротстве жить — слёзы лить». И не отдавали, к себе детей забирали. Вот мой муж, у нас семь своих душ ребят было, да ещё моя сестра и две племянницы-сироты, всего вместе десять ребятёшков. И всех растили и кормили, и муж не отдавал их никуда, говорил: «Не строй семь церквей, пристрой семь детей».

(Краснодарский край, 117)

Для сирот приют был. А так у кого в семье детей не было, приходили — «в недочки» взять. Один мужик раза четыре к нам в хату приходил меня в недочки взять. У них детей нетути, а я сирота, пришла бы к ним — это уж я недочка ихняя была бы. Хотели взять, да дед не отдал, сам меня выкармливал.

(Смоленская область, 159)

Бывало, что какая непутёвая девка родит тайком и подбрасывает ребёнка кому-то на порог под дверь. Тогда подкидыша обязательно в семью брали, считалось это делом добрым, хорошим — для спасения души.

(Свердловская область, 177)

У нас говорили: «для душеньки взять» — это значит, сироту взять и как родного дитёнка воспитать. И брали, как узнавали, где сирота какой объявлялся. Чаще эти приёмышы в бедных семьях жили, чем в богатых.

(Архангельская область, 65)

У нас в селе сиротский дом был. Сироты, которым негде деться было, их и определяли в этот сиротский дом. Издавна,

ещё в 1841 году было, у нас атаман был в селе, как старший, он порядок делал. Атаман приходил в этот дом посмотреть, как сироты там находятся, хорошо-плохо там им. Для сирот держали хозяйство: были лошади, были овцы, были коровы, молоко всегда было для сирот. И отведён был луг для этого скота, обрабатывали его обществом, всем селом. Самых маленьких сироток по домам родственники растили, а после, как дети подрастали, в сиротский дом отдавали. Воспитатели в этом доме были, и молебен был.

(Грузия, духоборы, 105)

НА ТОТ СВЕТ

На смерть есть свои приметки. Если родившийся ребёнок развивается очень быстро, не ко времени смышлён и пристально смотрит на всё окружающее, — значит, он скоро умрёт. Если тяжело двигает ручками и ножками и на пяточках сальная кожа, ему долго не жить.

(Грузия, духоборы, 103)

Если дятел избу долбит — это предвещает смерть ребёнку.

(Ярославская область, 183)

Тогда раньше много детей умирало. У моей мамы шестнадцать ребёнков было. Который и умрёт, она и не убивалась по нему, говорила: «Бог души не вынет, сама душа не выйдет. Кто вложил душу, тот её и взял».

(Белгородская область, 69)

Детки мёрли и от болезней, от напастий-несчастий, да ещё Бог знает от чего. Ведь на жизнь, на смерть поруки нет. Все мы растём под красным солнышком, на Божьей росе. У нас в семье была полна горница ребятишков. Какой родится и не поживши умрёт, а бабушка не вслух, а скажет: «Слава Богу! Господь убавил!». Бабушка ростила этих ребятишков, сядет, люлечку покачивает и поёт:

Бай, бай, бай,
 Скорее умирай.
 Заутро мороз,
 А тебя на погост.
 Дедушка придёт,
 Гробок принесёт.
 Бабушка придёт,
 Холстинки принесёт.
 Матушка придёт,
 Голосочек проведёт.
 Батюшка придёт,
 На погост отнесёт.

Спрашиваю её: «Што ж ты живому-то дитю смерти желаешь, про погост припеваешь?». А она: «Так ведь я Смерть от него отвожу. Курносая-то к тем прихрамывает, кто шибко её боится да отгоняется, а кто её к себе прикликивает, того она обходит».

(Архангельская область, 17)

Если младеничек рождался болезненький и примирал, то зыбку с ним становили на пол под иконы. В зыбке, висящей на очепу, умирать маленькому тяжельше считалось, тогда его не могёт притягать к себе мать-сыра земля. Когда он долго мучается перед его смертью, говорят: «Это он трудится за родительские грехи». И дают ему благословение на тот свет. Пока младеничек не умрёт, никто не должен по нему плакать: от этого он уйдёт глубже, а если не плакать, то вознесётся. Как умрёт, у изголовья сразу ставят чистую воду, чтобы душенька летела и крылышки свои обмыла.

(Архангельская область, 22)

Пока ребёнок не умрёт, никто в семье не смеет реветь и причитывать. Плакать об ребёнке грех, потому что, который и умрёт, то это, значит, Богу свечка ушла. Ребёнок до семи лет обязательно в рай попадёт, а двух или трёх лет может даже стать ангелом.

(Брянская область, 80)

Матери на своего дитя кричать: «Пропади ты пропадом!» — нельзя. От этого проклятья может погибнуть ангельская душа ребенка, и он умрёт не своей смертью.

(Курская область, 128)

Очень много дитёнков маленькими мёрли. Здоровенькие-крепенькие, те возрастали себе, а слабенькие-хилывенькие, те не выживали. Потому-то раньше и старались родившегося дитёнка скорее покстить. Плохо, что он некрещённый помрёт. Дитёнок-то, что ангел — безгрешный, он ни в каких грехах не виноват, негрешливый он по своему маленькому возрасту. Потому-то и хоронили его на общем кладбище, хоть бы и был он некрещённый.

Которая мать родила мёртвого дитёнка, или он умер некрещённый, она должна была купить коленкору на сорок детских рубашек и сорок крестиков и раздать их сорока беременным матерям. Это ей нужно для того, чтобы её дитёнку на том Божьем светушке было полегче и простительнее.

(Смоленская область, 159)

У нас считалось так, что коли у матери умирает некрещённый ребёнок, то после своей смерти он не разлучается с местом, где его похоронили, целых семь лет. Только после этого срока его многострадальная душенька отлетает к небу. И такой ребёнок в полночь, перед тем как покинуть землю, громко вопит, плачет и просит себе имени. Тогда кто из его родных услышит вопли и плач ребёнка, должен прочитать молитву и произнести его имя: «Младенца малоего, запиши его, Господи, во книги во церковные у престола-славушки, во царствии во небесном, во раю во пресветлом; сотвори ему, Господи, имя... на вечную память!»

(Смоленская область, 143)

Убить дитя, загубить ангельскую душеньку, считается страшным грехом. Только Бог может дитя прибрать, а человек

невинного, беззащитного не может тронуть. А коли возьмёт на себя этот грех, то уж ему не отмолиться.

Случалось и так, что мать «засыпала» до смерти своего дитя. Придёт с поля уставшая, уработавшаяся, ляжет с дитём, чтобы его грудью покормить, уснёт, неловко повернётся и ненароком придавит его своим телом. Он и задохнётся. Это было для матери большим грехом, страшным горем и бедой, теперь её дитя после этого уже не наследовал небесного царствия. Чтобы искупить свой грех и вину, мать, заспавшая своего дитя, становилась в церкви на три ночи на покаяние. Священник вокруг неё очерчивал круг, из которого она не должна была выходить, пока утром он не возвращался. И так молилась три ночи.

(Архангельская область, 38)

У меня мать «приспала» ребёнка. Теперь ребёночек в люльке лежит, а тогда он коло бóку лежал рядом с матерью. Куда ж его положить? Тогда ж не было кроватий, а полы в хате крыли льняными такими покрытьями, как ковры они. Ну, и она его приспала, мать. Ребёнок коло груди, она заснула сама, а на него руку положила или сбоку где-то прижала. После она всё говорила: «Помру и это всё буду помнить. Так бы он жил, это я виновата». Тогда часто присыпали, а присыпанье — это грех матери.

У нас бабка одна обмирала, трое суток лежала мёртвая. Сердце работает, человек живой, вот и дожидались, когда бабка Варька помрёт. Она взяла да и оживилась. Когда она проснулась, у ней спрашивают: «Что ты очулась, во сне видела?» — «Много чего видела! Я где токмо не побывала». — «Ну, а где ж ты была?» — «Мне кладбище показывали: вот кто этот приспанный ребёнок, у того цвет чёрный в руках, а кто своей смертью помёр, то розовый цвет. И сказали мне: «Пойди и расскажи всем, чтоб матери не спали крепко с ребёночком, детей не присыпали, а то грешно».

Это хорошо, ежли она до смерти его покрестила, а ежли он некрещённый да ещё и приспанный, — это будет дважды грех.

С ребёночком-то ничего не будет, а мать вопит по нём и сохнет, греху боялись. (Смоленская область, 169)

ПРОВОДИ́НЫ

Помрёт ребёнок, гробик сделают, чтобы он некрашенный был. На дно гробика стружки насыпают и кладут листья берёзы. Сверху постилают полость: белую тряпичку или миткалёк. Кладут подушечку, она набивается берёзовыми листьями, и туда же «для духа» кладут чебрец. Сверху ребёночка накрывают покрывалом. Гробик ложится на лавку так, чтобы покойный ребёнок в нём был головкою к иконам на восток.

(Московская область, 130)

Когда умершего ребёнка обряжали в гроб, говорили: «готовим на новое житье». Его обмывали тёплой водой, надевали на него всё чистое. Девочку хоронили в платьице с пояском, в чулочках и тапочках; мальчика — в длинной рубашонке и в тапочках. На шею надевали крестик, а на лоб клали венок, называли «венец». Летом старались похоронить в течение дня, а если не успевали, то умершего ребёнка уносили в погреб.

(Московская область, 130)

Мыло, которым обмывали мёртвого ребёнка, сохраняли. Этим мылом мыли маленьких детей, чтобы они были спокойные.

(Волгоградская область, 90)

В гроб ребёнка укладывают во всём новом, ручки складывают крест-накрест, правая на левую. Из пальчиков правой руки делают изображение креста. На грудь кладут маленькую иконку. Гроб ставят в передний угол так, чтобы ребёнок в нём лежал ногами к дверям. До его похорон на переднее окно кладут чашку с водой: на обмывку души. Приходит обязательно повитуха, принимавшая его при родах. Она замыкает замок и кладёт его в гроб под спинку ребёнка, а ключ бросает в колодец, чтобы дру-

гие рождающиеся дети не умирали, называется это «смерть замкнуть». Близкие родственники, чтобы не тосковать по умершему ребёночку, отрезают прядочку волос с его головки и закладывают в ладанку и вешают на шею с крестом.

(Курская область, 120)

Каждый у гроба с дитём своё вычитывает. Кто что надумает. У кого что наболело, тот своё и высказывает. Каждая мать своего ребёнка будет миленьким называть. Кады он умирает, она жалеет, своё причитает:

Детка ж моя милая,
 Детка ж моя дорогая,
 Детка моя жалкая,
 А ты ж мне теперь
 Загадочку загадала,
 Я ж и не разгадаю:
 А как же мне теперь забыть тебя,
 А на кого же-то мне да теперь
 глядеть...

Когда мать этого дитятка одевает и в гробок укладает, начинает слезить-речить:

Ай же ты, моя детонька,
Ай же ты, моя пташенька,
Куда же я тебя это наряжаю?
Куда же я тебя это отправляю?
А не в люлочку, не в положочек,
А в могилку, в серенький песочек.
Кто же будет в старости меня утешати?
А и зачем же тебе младеничком умирати?

(Смоленская область, 149)

Всякая мать своего дитёночка жалеет и оплакивает. Когда она его обмывает и уряжает, то приплакивает:

Уж и поплачу и пореву-ко,
Уж и горючи слёзы да пророню-ко.
Уж последний разок тебя да омываю,
Уж последний разок я тебя да соряжаю,
И последний раз я тебя да одеваю.
Жил ты, маленький мой, красовался,
Как сыр в масле да купался.
Уж как жемчужинка по блюдечку да катался.
А теперь нету со мной ясного да соколочка,
Нету сизенького да голубочка,
Нету родименького да сыночка.

А как приносят в избу гробик, мать причитывает уж другое:

Не убойся ты, мой маленький,
Тебе сделали да дом-хоромину
Без дверей и без оконушек,
И без скрипучей-то полаточки,
И без тесовой-то кроваточки,
И без кирпичной жаркой печеньки.
Тебе трудно будет, труднёхонько,
Тяжелым да тяжёлёхонько.
Не убойся ты, мой маленький.

(Архангельская область, 52)

Пока младенец дома в гробочке лежал, приставляли к нему читальника, и он читал над ним молитвы. Нанимались плакальщицы, они голосили, оплакивали покойного. Больше всего убивалась по своему дитю мать. Она склонялась над ним и причитала:

Сердешно да моё дитяtko,
Уж и желанный мой да сыночек,
Уж я из рук тебя да упустила,
Уж я из рук тебя да уронила,
Уж я из глаз тебя да опустила.

Уж не могла я на тебя да наглядеться,
 Уж не могла я на тебя да насмотреться.
 Уж и я тогда на тебя да насмотрелась,
 Уж и я тогда, верно, да нагляделась,
 Уж и когда я в пелены тебя да пеленала,
 Уж в шелковы пояса да завивала,
 В колыбелечках да качала,
 В белых руках да держала,
 Белой грудью да кормила.
 Я тогда, верно, на тебя насмотрелась,
 Уж я тогда, верно, на тебя нагляделась,
 Сердешно да моё дитяtko.
 Уж и как мы да будем жить-то без тебя.
 Видно, не в тот день я тебя да рожала
 Не в тот день я тебя да крестила,
 Уж не в пятницу я тебя да снарядила.
 (Курская область, 121)

Когда малютка помирает, то мать подходит ко гробику, стоит коло него и, если это девочка, поёт долго:

Ой, дочушка моя милья,
 Дочушка моя маленькая.
 Недозрелыя ягыдка!
 А я ж думыла, ты вырастешь,
 Будешь к мяне в старости приледа́ти.
 А теперь же моя надежда вся пропала.
 А чем же я, мой дитёнычек,
 Богу пригрязила,
 Што ты рано от мяне отлятаишь?
 А я ж, наверно, виновата -
 Зы табой не доглядела.
 А я с табой, мой дитёнычек,
 Ой, ночки невдосыпа́ла,
 Всё табе жалела.

*Теперь же, моя милья крошечка,
Всё во сыру земельку мыё пропало.
Прилятай-ка, мой дитёнычек,
Прилятай-ка ко мне почаще.
А я тебе буду сострюча́ти,
В любое времечко дожидати.*

(Смоленская область, 169)

Умершего младенца отпевают в церкви, священник отслуживает панихиду. Родные и крёстные стоят с зажжёнными свечами. По окончании прикладываются к мёртвому, они целуют его ручку или в головку. В последний день, перед похоронами, был обычай устраивать в доме проводины — приходят прощаться родные и знакомые.

(Нижегородская область, 135)

ПРИ ПОХОРОНАХ

Хоронили ребёнка через два-три дня после смерти. Выносили из дома в гробу с незакрытой крышкой. Когда несли через дверь и ворота, старались гробом не прикоснуться к косяку, чтобы не прикрепить покойника к дому.

(Ярославская область, 183)

Пока идут на кладбище, в доме кто-нибудь должен оставаться, иначе в доме будут продолжать умирать дети.

(Архангельская область, 40)

После, как выносили гроб за порог, дверь комнаты на минуту закрывали, чтобы дом снова не посетила смерть. А на окне оставляли в ковше воду и вешали полотенце, чтобы душа младенца могла омыться и утереться.

(Смоленская область, 174)

Перед опусканием в могилу гроб открывали, все с младеничком прощались, а мать жалко припевала:

Как сегодняшним денёчком
Не пекёт солнце по-летнему,
Не гревет всё по-вешнему.
Потеряла я потеряшечку,
Обронила я оброночку -
Своё милое рожёное,
Славно дитяtko сердечное.
Как сегодняшним денёчком
Подхожу, бедна горющица,
Ко рожёному жадобному:
-Ты скажи, моё рожёное,
На кого да припокинуло
Меня, мать-то несчастную?
Как сегодняшним денёчком
У меня, да у горющицы,
Сердце клубышком катается,
Оно червышком свивается.
От тебя, рожёна дитяtka,
Не могу я отказаться,
Не могу с тобой расстаться.

(Архангельская область, 23)

Когда гробик с дитём приносили на кладбище, над раскрытой могилой начинала выть и вопить причитальница:

Ты прощай, мой дитёночек,
Уж как на все да веки долгие,
Веки долгие, нерушимые.
Больше век тебя да не увидети,
Мне слыхом да не услышати.
Нет ни выходцей, ни выездней
Из глубокой-то могилочки.

После этого домашние клали в могилку яйцо и святую воду в бутылке. Опускали в могилку гроб с дитёнком и кидали туда

замкнутый замок, чтобы дети в семье больше не умирали. Моги-
лу зарывали, а причитальница запевала:

*Ох-ти мнечушки тошнѣхонько!
Закатилось красно солнышко
За леса да за дремучие,
Как за горы за высокие,
За ручьи да за бегучие,
За дубы да за дыбучие,
За болота за топучие.
Так же не бывать со мной дитёночку,
Моего да, ой, малёшенького —
Больше век уж не увидети.*

(Архангельская область, 45)

Гробик сделают, на колёса его и везут на кладбище. Каждый, кто пришёл на погребение, должен бросить в могилу на крышку гроба горсть земли. А чтобы не тосковать по ребёночку, берут с собой с могилы немного земли. Когда могилу зарывают, то причитывают:

*Ой ты, сизый мой голубочек,
Ясный мой да соколочек.
Уж отпало от меня да право крылышко,
Отлетело у меня да лево пёрышко.
Отстало от меня да моё дитятко.
Закрывается да гробова доска,
Зарывается да мать-сыра земля.*

(Нижегородская область, 138)

После того, как в могилу опускали гроб с ребёнком, её закапывали. На могильный холм насыпали ячмень, клали венки, а поверх расстилали полотенце. На полотенце ставили хлеб, блины и обязательно кутью; ели, а оставшуюся еду разбрасывали по могиле. Потом родители этого умершего ребёночка приглашали всех на помины, на обед. Помины были три раза: на третий

день — когда в гробу изменялся образ ребёнка, на девятый — когда распадалось тело, и на сороковой — когда истлевало сердце.

По уходу с помин гостей растапливали баню. Мать и отец мылись и окачивали друг друга водой, в которую всыпалась земля, принесённая с могилы; мылись, чтобы смыть с себя тоску-печаль и много не скорбеть. После бани повитуха, что перебаб-ливала при родах эту мать, прищёптывала ей отходные загово-ры, называлось — «унять тоску». *(Грузия, духоборы, 106)*

У нас при похоронах первого ребёнка, чтобы устранить смерть своих будущих детей, мать не ходила на кладбище, оста-валась дома. *(Смоленская область, 148)*

В первую ночь после похорон ставили на стол яйца, ломоть хлеба и в тарелке воду. Считали, что душа малютки ночью при-летит в дом и будет есть и пить.

(Смоленская область, 161)

Похоронив ребёнка, дома устраиваются поминки, как у взрослых. Они бывают три раза: в третий день, девятый и соро-ковой. В третий день ангел Господень приводит душу на покло-нение к Богу; на девятый день душа слетает к дому, где жила; на сороковой день ангел приводит её снова к Богу, и тогда назнача-ется место, где ей быть; ребёнку — всегда в раю. На поминки готовят поминальный стол. Перед тем, как за него сесть, стоя читают молитвы. Потом садятся за стол. Сначала каждому пода-ётся круглый выпеченный хлеб — поминник, на него кладётся блин. Поминник едят первым, и поедание его называется — «поминание добром». Потом едят щи, кашу и блины. Обедают тихо. Стол заканчивается поминальной молитвой.

(Тверская область, 176)

Возвращаются с кладбища и сразу моют руки, чтобы у похо-роненного была чистая душа. И говорят: «Вечная ему память!

Пусть со святыми в раюшке почивает и нас долго дожидает! Дай Бог ему Царствие небесное, пресветлое небо, а нам доброе здоровье!». На то место, где спал ребёнок, кладут белую подстилку. Считают, что душа младенца возвратится в дом в течение сорока дней. На сороковой день эту тряпичку закапывают под могильный крест. На поминки обязательно пекут блины. Кто их печёт, тот печётся о насыщении души покойного. И был обычай: за поминальным столом всем гостям давать по новой маленькой деревянной ложке, на память об умершем ребёнке.

(Архангельская область, 61)

В сороковины на поминальный стол ставят отдельно ложечку, миску, чашечку — для душеньки младенца. Выпекают из ржаного теста лесенки, чтобы потом этой душеньке легче было взбираться на небо. Мать на сороковины вспоминает своего дитя, тоскует и плачет по нему:

*Вы слетитесь, птицы-пташицы,
Со ракитовых со кустышков,
Со малиновых со прутьиков,
Вы из теплых своих гнёздышков.
Прилетите, птицы-пташицы,
Ко глубокой ко могилочке,
Ко желанному детиночке.
Вы воспойте, птицы-пташицы,
Разбудите непробудного.
Не могла, бедна, докликаться,
Не могла да довопитесь
До желанного малюточки,
Разбудить его от сна тяжёлого,
От сна крепкого, от мёртвого.*

(Архангельская область, 52)

На сороковой день устраиваются третьи по́мины. Идут на могилу, кладут цветы. Опять родные плачут по нему, жалеют умершего ребёночка:

*Я скажу-скажу, победнушка,
Уж у меня, несчастной матушки,
Дак у меня горюшка — два морюшка,
Слёз горючих — три озёрушка.
Уж не могу тебя повыкликать,
Да не могу тебя повыплакать.
Уж верно век тоё не водится,
Да живой с мёртвого не ро́дится,
Да с погоста не воротится.*

(Архангельская область, 18)

Колыбель

ПОД МАТИЦЕЙ НА ОЧЕПУ́

Люлька висела на очепу. О́чеп — это такая длинная, крепкая и гибкая жердь. Очеп только берёзовый был, сосновый не брали — он ломается, а еловый — так не выгибается хорошо, как берёза. Молодая берёза больше гнётся, не даёт тряску, качает лучше. В матицу железное кольцо вбивали и очеп вдёргивали в это кольцо, и тянулся он в избе от воронца к потолочному матню. К свободному качающемуся концу очепа и привязывали люльку. Вот так эта жердина качалась, и люлька качалась.

Люльку заказывали у хорошего мастера, красивую. Он её украшал, делал вырезы разные. На верхней доске изголовья вырезал какой-нибудь венок или цветок, а у подножья обязательно крест. Делалась люлька из досок, из ёлки, не очень большая, не широкая. Она как ящичек, только люлька вся резная. По углам четыре колечка, через них тянутся верёвки, за них за подцепку и подвешивали люльку к концу очепа.

Перинки в люлке не было, на дно клали ячменную солому, а под головку мелкую стружечку и пелёнкой покрывали. Так было до годика, а когда годик ребёнку исполнялся, из матрасовки шили матрасик и набивали ватой. На матрасик клеёночку стелили, чтобы не промокало, и делали перьевую подушечку.

Люльку покрывали ситцевым или холщёвым пологом. А то и просто сарафаном покрывали — холщёвым, самотканым, конечно, не новым, а поношенным. Полог-то для того, чтобы ребёнка от постороннего глаза охранить, от испуга, от призора, да чтобы свет в глаза не проникал, мухи не залетали.

(Архангельская область, 49)

Ходили в лес. Принесём из леса вересóвый кол такой, по-нашему — вересина. Он тонкий и очень лёгкий, зыбает очень хорошо. Если другой раз короткий возьмёшь, он только трясёт ребёнка в люлке, а этот длинный — очень гибкий и потихонечку качает. Вересина одним концом прикрепляется к потолку, свободный конец легко гнётся, на этом конце и качается люлька

вверх-вниз, вверх-вниз. Люльку не только к вересине привешивали, но и за торчащее с потолка кольцо цепляли.

Как ребёночек родится, сразу наделаешь вот четыре такие палочки, две длинные и две покороче. Их сколотишь гвоздём или свяжешь, рамочкой такой. Потом берёшь обыкновенный мешок и палочки в мешок сунешь, и дно такое с углублением сделаешь, и обошьёшь. К уголкам привяжешь четыре верёвочки. Вот тебе и люлька. И привешиваешь. В кольцо на потолке воткнёшь ухватом за крючочек, она и качается где-нибудь в уголку, чтобы скорее к ребёнку подбежать.

Набьёшь холщёвый мешочек соломочкой — вот и матрасик готовый в люльку. А подушечка маленькая, перьевая. Положок на люльку — сарафан распорешь и повесишь.

Сначала для ребёночка делается маленькая, небольшая люлечка. А потом делается такая, где он лежит в ней и в три, и в четыре года. Ещё его качают. *(Тверская область, 176)*

Люлька деревянная, лёгонькая, сделана красиво. А мастерились так: боковины сбивались из дощечек, дощечки не толстые, тонкие, чтобы люлька полегче была, они прямые и невысокие, сантиметров 17-20. А внизу к ним гвоздиками прибивалось толстое полотно, самотканное, прочное. У нас сами пряли и ткали шерстяное полотно. На кáнтах-дощечках, в головах, вырезка есть — фигурки разные. А в ножках, там поменьше фигурок вырезалось, чтобы было различие — где головка, где ножки. По углам люльки забивались четыре колечка, к ним были кожаные ремни. Кожу сами выделывали, ремни были мягкие, а чтобы попрочнее, вдвое складывали. Кольцо кверху было забито к потолку, на том кольце крючок вешался. А уж к нему за ремни люлька крепилась. И сидишь рядом, дитя качаешь.

На дно люльки ложили шерстяной матрасик. Красиво вышивали подголовник — подушечку и прóстенку, то есть округ подушечки кружева. Или к подголовнику нашивали пальцы, чтобы красиво с люльки свисали. Подушечка пуховая.

Полог покрывал эту всю люльку. Полог сшитый, ситцевый или миткаль, и с брыжами; брыжи — это оборочка кругом краёв полога, пришивалась отдельно такая внизу, сантиметров двенадцать. Это кто хотел украсить полог, эти небольшие кружавчики пришивал. Его так красиво сошьёшь поклáтый — в складочку кругом полога, он богатый, нарядный тогда. Верх полога сходиллся в одну точку и на верёвочку сбирался, чтобы, когда ребёночек спит, свет на него не влиял. Низ полога закрывал всю люльку. Сверху полог ещё прикрывался, подобно манишке, душегреечкой, аккуратненько сделанной. Она оборачивалась вокруг полога, материал был более нежный и тоже окантовывался брыжами — это для красоты, чтобы покрасивее эта люлька была приукрашена.

(Грузия, духоборы, 105)

В семье люльку сам хозяин делал. Из четырёх точёных палок рамочку квадратную сбивал, не более аршина в длину. Потом на рамочку навёртывал тряпку крепкую — полотно, натягивал слабо, с углублением. А уж хозяйка зашивала его кругом. На дно досточку ложили. К потолку берёзовая гибкая палка приделывалась, привязывалась верёвкой. И она гнётся, так вот колышется. Люлька на ней и висела.

В люльку сено клали и пелёночкой застилали. Подушечка из перья, маленькая такая была. Одеяльце — дерюжка, её сделают дитёнка накрывать. Шили так: вот такая рубаха, мужик носил, раздерётся, вот эту старую тряпку полоскали, драли и вновь её пряли и ткали — это дерюгой и называлось.

(Смоленская область, 169)

Возле печки, где моя постель, там люлька висела. Люлька — четыре досочки — вот так вот складены и сколочены, низ, переплетённый верёвками. Четыре кольца в углах медные, к ним верёвки. За эти четыре верёвки люлька привязывалась за ввинченное в потолок кольцо и так держалась.

Вместо матрасика в люльку клали валуй. Валуй был самотканый, его раньше пряли и ткали из пеньковых отходов — хлопьев, он был строчённый, мягкий. Сверх валуя стлали старую холстину или подстав от мужской рубахи, подходила и тканая дерюжка. Всё это крылось пелёнкой. Перьевую подушечку ребёнку не клали. Одеяльце в люльке обыденное — это тканая онучка, шерстяная, белая.

Полог был специально сшитый; кто побогаче — шил из ситчика, а кто победнее — из ставца мужской рубахи. Занавешивали люльку и настольником замашным. Это такая небольшая скатерть со стола, часто с кружевами и узором расшитая.

(Курская область, 122)

Очеп к потолку в кольцо вдёргивают. Зыбка, плетённая из сосновых дранок, как корзинка, токмо продолговатая. А к ободу, облучку, привязывают два лучка (это вица), их загнут вот так дугой и с обеих сторон привязывают, а вверху вместе сводят и верёвку там навяжут. На конце очепа гвоздь вколотят, да намотают на верёвку, чтобы зыбка не слетела. И зыбочку качаешь.

На дно зыбки мешок распорот кладут. В мешок соломку сунут, а поверх пелёнку или дерюжку стелют. И подушечка, и одеяльце там. Приберут и ребёночка ложут. Зыбку покрывают ситцевым или холщёвым пологом. Полог этот шили. А у кого сарафаны были такие с лямками, так сарафан повесят. Если ребёнок в зыбке открытый — это грех, полог задвигают с молитвой: «Господи Иисусе Христе, сыне Божий, спаси и сохрани младенца Христова!» — и закрывают пологом.

В зыбке ребёнок год и более. Вот такая песня была: «Не кукушица да скуковала во сыром бору... Мать дитя сорока недель в утробе не носила бы, полтора года белой грудью не кормила бы, ровно два годá в колыбелечке не качала бы, где родила, тут бы и забыла...» Вот, было, и до двух лет качали в зыбке, а то и до трёх лет, пока ребёнок силы не набирал.

(Архангельская область, 62)

Зыбка, кроме дна, сплошная деревянная, на верхних торцах затейный узор. Дно делали из рогожи или из кожи, кислины мягкой, невыделанной. Для тепла на дно зыбки клали по́лость из овечьей валеной шерсти. А вместо матрасика — самотканую дерюжку. Подушку набивали соломой, но чаще делали из мукалки. Это из гакана, такой у нас камыш. Гакан растёт в озёрах, раньше его жали и снопочками покрывали крыши домов. Мукалка — пух цветка этого гакана. Пух шёл в подушку. Когда этот пух сбивался, его меняли. Одеяльцем могла быть простая самотканая дерюжка, или оно сшивалось из ситцевых разноцветных лоскутков. Полог из марли шили, бывало и из ситца. Зимой не вешали, а летом всегда. Вешали полог от мух, от сквозняка, для затемнения и чтобы никто его не отвлекал там, не пугал. Когда ребёнок подрастал, он уже спал со старшими детьми, зимой — на печи, летом — на полатах.

(Волгоградская область, 91)

Старики лубочку сшивали. Со старой липы кору срезали. Широкое такое корьё. А потом загибали так вот её в маленькую лодочку и один край лыком сшивали. Брали верёвки — почёбки. Две почёбки шли насквозь лубочки и подкладывались под самое дно. На донышко лубочки клали досточку. На досточку — сенцо, на сенцо — тряпочку, на тряпочку — подушечку перьевую, вот и вся постелька собрата. Лубочка — это люлечка. Под матицу крюк вбивали или пружину и вешали эту люлечку. Её по́льником занавешивали — служила со стола запасная скатерть, ещё называли — шторочка или настольник. Ребёнка чужим до года не показывали, не должны показывать до года посторонним, ни гостям.

Мальчик у меня крикливый был, вот и брала я его в поле в этой лубочке. И другие бабы, у кого маленькие ребятёнки были, таскали. Мы жали, лён тоже дёргали-брали. И вот в поле шли с этим лубочком. Костыли — три кола конусом в пирамидку ставили, сверху их связывали. И лубочку на эти костыли, по

самому центру, на почёбки вешали. Вот жнёшь, а мальчик шести лет ребятёночка в лубочке колышет.

(Смоленская область, 147)

Когда в поле жали, делали люлечку из лык, из толстого липника плели. Называлась эта люлька — короб. Она сама как корзиночка плетёная, мягонькая и лёгонькая, у ней почёмки сделаны — за что за плечи вешать. Вот мать укладёт дитё в этот короб, за спину закинет и жнёт. Серпом жнёт, а он сзади в этой люлечке. И она его как заколыхивает, а когда он не спит, будет ему там и баить что-то:

*Ты расти-расти, дитя,
Только есть у тя добра —
Родна матушка одна.
С тобой водится она,
Беспокоится сама.
Да повырастит тебя
В удалого молодца:
В чисто поле - севца,
Во озёрышко - ловца,
Во лесочке - секарька,
На гумёшко - молотить,
Под окном дрова пилить.*

Она жнёт, и он заколыхивается. Раз она заколыхала, тады сымает, и там такой крест, из кольев сложенный, и на него короб с дитём вешает. Повесит, затянет простынкой, чтоб мухи туда не лазали, и он спит.

(Смоленская область, 169)

Я вот как девчонкой росла, помню, беднота была. И даже в люльке, что висела, постилали солому. А другой раз соломы не было, так кукурузяник пользовали. С кукурузяника с бадылок листья сухие вот так вот сламывали и в люльку ложили. А потом травкой накрывали. И чуть-чуть обмочит ребёнок там, запах, и выгребали, выбрасывали и другие листья стелили, и сверху ещё

тряпиной закрывали. А так для ребёнка больше старались матрасик ватный положить, а не было, так старенькие ватники брали. Подушки не было. Старались раньше класть головку не на подушку, а на матрасик, чтоб без подушки прямо лежал — пока маленький, пока косточки крепятся.

(Краснодарский край, 114)

В люльке раньше матрасиков не было, и шили подни́чок (из овечьей шерсти катался, как войлок). На подниках теплее спать. А сверху из тряпок сшивали одеяльце, разноцветное, лоскутное, строчёное (кто-то и подничок обшивал). И перьевая маленькая подушечка была.

(Бурятия, семейские Забайкалья, 83)

У нас зыбка на очепу висела. Сидишь, туда-сюда её покачиваешь, очепок поскрипывает, зыбка-то попрыгивает, малютка засыпает, а ты ему байшь: «У царя-то, боярина колыбель богатая: новоточенная, позолоченная, с серебряными крюками, бархатными и шёлковыми ремнями. Положки золотой парчи; в головах кúни, в ножках соболи, одеялышко чёрного бобра. А подушечка-то у царского дитя — с павлиньего пера. А у нас с тобой, детка: зыбка дубóва, очепок деревянный, колечко оловянно, катальник плетёный. А постелька — под головку подушка, рипачóк под бочок да соломки пучок. Высыпайся, дурачок!» — вот так-то набайкаешь ему.

(Архангельская область, 27)

У нас в семье детей много было. И люлька в доме старая была, красивая такая, переходила от одного к одному. Как сейчас помню эту люльку, на боках у ней размалёвано-разрисовано: и деревца райские, и птички царские, и всякие там цветочки лазоревые, а в головах-то — красно солнышко в лучах, а в ногах-то — ясен месяц в звёздах. Красивая люлька была, много лет ей было, хороший мастер делал и разукрашивал.

И положок чудный, красивый на неё навешивали. Я как своего внука положу спать, так и байкаю ему про ту люлечку:

— Где Ваня спит?
Где люлька висит?
— В высоком терему,
На гибком оцепу.
Под красным окном,
За хрустальным стеклом.
Кольца серебряные,
Пробойцы золочёные,
Подцепочки шелко́вые.
А подушка у него —
Лебединое перо,
Одеяльце-покрывальце —
Соболиное.

(Вологодская область, 96)

Старая зыбка у нас ещё сохранилась. Вон в потолочине крюк с пружиной торчит, туда её и привешивали. А как красиво про неё скажешь? Песня такая есть:

Зыбочка дубовая,
Огибочка шелко́вая.
На высоком столбу,
На точёном брусу,
На серебряном крюку.
Ремни бархатные,
Колечки витые,
Пробойцы золотые.
Под холщёвым положком
Сон Алёшеньку нашёл.
Уж ты в кáмке спи,
А в парче расти.

(Архангельская область, 26)

Зыбки держались или на пружине, или на оцепу. Очепáлка — оглобля такая берёзовая, к потолку за матицу замахивалась, и кольцо там ещё было. У нас в доме тут зыбку подвесили у куту́, она и подпрыгивала. А я вначале маленькой была очень беспокойная. Меня в зыбку эту уложили и качали. Про меня говорили: «Ты была беспокойная, качаешь, а всё равно орёшь». Так всё приспособили — и зыбку, и кроватку, только бы молчала. Из зыбки в кроватку и положили. Называлась эта кроватка — качалка и колыбалка. Была она низенькая, на высоких ножках, и на этих ножках — вот такие качалки-полозки, дугой загнутые. Ну, и в кроватке всё не сплю, ору. Только бабушка забаюкивать могла. Она сядет рядом, качалку поколыхивает и начинает без конца люлюкать. Я помню:

*Баю, баю, баючок,
Не сгибаеца лучок
И не гнёце оцепок,
Не лежит ребёночо́к.
Спи без байканья,
Спи без люльканья,
Спи без люльканья,
Без качульканья.*

Ну и засыпала я под эти люлюшки-баюшки.

(Архангельская область, 64)

Когда я приехал на Мурман в Тíвиберну, первый раз увидел качающуюся люльку в становище. Называлась — качули, похожа на деревянную кроватку, только ножки длинные и стоят на полу на закруглённых полозьях. В ней, как в лодке на волнах, перекачивается да качает. Уж с детства приучали детишков, чтоб потом в море им не укачиваться, не болеть болезнью морской.

(Архангельская область, 49)

УКАЧИВАНИЕ

У меня все дети как дети были, а вот пятый уж больно крикливый родился. Ну, впрямь как в той песне: «У молодушки две заботушки. Как и первая заботушка: муж не удалая головушка ево. А другая-то заботушка — беспокойное дитё родилось, да беспокойное, крикливое, всей семье да упокою не даёт...» Я прежде чем укачаю, от бессоницы ему скажу: «Не я качаю, качает матушка-ночная усладушка — на сон, на угомон, на Божью милость. Спи-ко по ночам, да расти по часам!» А он всё плачет, не спит. И я заприметила, когда качаешь, байкаешь, он спокойней делается и задрёмывает. И чего только ему не перепоешь: «Вы, коты, несите дремоты», «Матушки-нянюшки, приходите ночевать, мою детоньку качать». И такую вот пела:

*Баю, баю, люли,
Прилятели гули,
Сели гули у кружок,
Дали Коле пирожок.
У нас Коля маленький,
Пирожочку раденький.*

(Смоленская область, 166)

Известное дело: смирное дитя одну руку, а блажное обе отымает. От качки-то не отойдёшь, возишься с ним. Кричит он, не спит. Вот бабушка подойдет и ему:

*А, старик-домовик,
Возьми-ко от Ваньки крик,
А дай ему некрик!*

Потом пальцем в золу в печи потычет и ему на лбу три заметинки крестом делает. И уговаривает: «Спи, внучек, не плачь, я испяку тебе калач! Спи-ко, не реви, я испяку тебе три! Семячкём помажу, но тебе ево не покажу! Будь вумницей, засыпай и ня плачь! И мяне не ругай. Я тебе укачиваю,

уговариваю, а ты спи, Ванечка. Гулюшки прилетят, сядут на качульку, не дадут тебе спать. Ну-ка давай, я буду качать: а-а-а... Кыш, гули, кыш, не гулите, Ваньку не будите! А-а-а... вот вумный, глазки закрываить. А гулюшки полятели далеко-далеко. Вон там котик побяжал во лясок, потерял поясок. Птички-то разлятелися, зайчики-попрыгайчики разошлись. Будем спать и никакво не звать.» Глядишь, и Ванька умолкнет, уснёт. Бабушка-то лаской его, уговором заколыхивала, песенкой задремыхивала.

(Белгородская область, 67)

Родился плаксивый ребёнок, дедушка клал с ним рядом в зыбку полено и говорил: «Расти, детонька, спокойный, как это полено!» А на вечерней заре выносил его на крыльцо и просил: «Заря-заряница, красная девица, возьми бессоницу-безугомонницу, а дай нам сон-упокой!» Дедушка часто сам внуков укачивал и чего только им там не плёл, не набайкивал, вот: «Слушайся, детонька, дедушку! Спи, глазки закрывай. Ляг на бочок и слушай. Будешь расти не по дням, а по часам. Вырастешь и будешь таланью-участью во Илью-то Муромца, храбростью-смелостью в Алёшу Поповича, а мужеством в Святогора богатыря, а уж мудростью — в мудрого царя Владимира красно-солнышко, а в поездочку — во Ивана богатыря, во Иванушку Гонёновича. Спи, и всё сбудется, не минуется тебя».

(Архангельская область, 50)

Я стану перед сном успокоенную молитву говорить, а Ванька из качалки: «Баба, ходи меня помоли». Просит: «Бай и мене!» Так я всегда, когда ребёночка ложу спать, читаю над ним молитву: «Дитя ложу спать на Божию кровать. Божья Мать — в головах, Иисус Христос — во ногах, ангелы — по бокам. Берегите его тело, тело святое, душу крещёную с вечера до свету, отныне и до веку. Господи, помоги! Господи, забереги! Господи, пошли здоровья!» А после говорю: «Ну, а теперь спи! Я буду поколыхивать, а ты, мальчик, будешь подремыхивать! Ты будешь глазки закрывать, а я запевать:

А-а, а-а,
А дедушка Самойла
Повёл кони на стойла.
На стойле берёза,
На берёзе люлочка.
На люлочке подушечка,
На подушечке Ванечка,
На Ванечке шапочка,
На шапочке звоночек.
Ты звени-звени, звоночек,
Чтоб дедушка услышал,
Пришёл Ваню покачал.
А люлю, люлю, люлю,
А баички, спи, мой внучек.

Слушает Ванька, слушает и усыпает.

(Краснодарский край, 116)

Когда дитя в зыбке не спит, подставишь кулак к его лбу, раз — и качнёшь зыбку, и говоришь:

Спи до поры,
Не вздымай головы!
Выздонешь головку,
Получишь колотовку!

Колотовку — значит, кулак. И вот кулак как молоточек: тук, тук, тук — об его лобик. Он лежит, зазевает, боится больше головку поднимать. Да и припугнёшь чуток: «А ну-ка, не поднимай головы, а то Букарка придёт. А ну, закрой глазки-то, Букарка вон за тобой идёт. Не дадим тебе, Букарка, нашего Васю, он уж спит. Поди прочь:

Баю, баю. баю, бай,
Спать, Букарка, не мешай,
Поди прочь под сарай,

*Коням сена надавай.
Кони сена не едят,
Они житце хотят.
Они житце хотят,
Всё на Васеньку глядят.*

(Архангельская область, 37)

«Ты что ж не спишь-то?! Я тебя ласкаю-ласкаю. Я тебя притандыкиваю-притандыкиваю. Да зараз лясну хорошенько по попке и положу, и спи! У меня делов-то по горло, ждут дела. Ты чего ж не даёшь мне делать ничего? Вот я и не буду тебя притандыкивать, лясну и пойду». Соску ему в рот суну и гужу:

*А-а, а-а,
Спи без байканья,
Спи без качанья.
Мне байкать недосуг,
Боле некому качнуть.
Нет ни бабушки родной,
Ни пестуньи нанятой.
Одна мамка вóдится,
С тобой коновóдится.*

Он слушает и угомоняется, глазки прижмуряет, глядишь, и засыпает.

(Грузия, духоборы, 101)

Бывало, прядёшь, все песни за прялкой на ум найдут, а прялку бросишь — и песни позабываются. Так и тут: я малых качала и много байкальных песен певала, а бросила с ними водиться — и забыла.

Девятерых-то забайкивала. «Ах, ты спи, моя внученька, ты не кричи, спи. А проснёшься, я тебя тогда подыму. Солнышко взойдёт, мы с тобой на улицу пойдём. Пойдём со мной на двор гулять, забавляться будем. Там и овечки будут идтить. Мы их будем встречать: овечушки-матушки, идите домой, ведите за собой ягнятушек. В леску-то потеряетесь, а мы куда ж пойдём

вас искать, иль вас волки поедят. А вот хатку-то мы покинули, а туда забрались:

*А баюшки, баюшки,
Пришли воры к бабушке.
Стали бабушку пытаться:
Иде денюжки лежать.
На полатях в уголке,
В зелёненькём узьлке.*

И вот нет! Не разорили бабушку. Были денюжки прибратья там в уголке, воры-то не нашли, я от них схоронила. Ой, покамесь я присказульки бубнила, внученька-то и уснула. Ой, молодец, внученька». (Волгоградская область, 94)

Верно говорят: дитя не заплачет, мать не услышит. У печки вожусь, стряпаю, слышу — мой голосок подаёт из зыбки. Надо идти к нему. Ревёт он, я ему глазки утираю: «Спи, Коленька, засыпай. Шла лиса из Бела-города. Где лиса лизнёт — тут сухо да бело. Дитятко, спи! С Богом!» И пою ему, что в голову придёт, пока не уснёт:

*Баю-баю, надо спать,
Все придут тебя качать:
Приди, конь, успокой,
Приди, щука, убаюкай,
Приди, сом, дай нам сон,
Приди, несушка, дай подушку.
Все придут тебя качать,
Будет Коля засыпать.*

(Архангельская область, 60)

Зыбку зыбаю, а дитёнок всё не спит. Я ему: «Спи-ка, ягодка, тебе полгодка. Спи покрепче, будет мне полегче». А он всё не спит. Я опять: «Спи, не балуй, а то выну из зыбки, брошу в море рыбке. Скушай, рыбка, Петеньку — непослушненького,

баловусенького! Спи-засыпай, головы не подымай». И уговариваю:

*Спи, дорогой,
Угомон с тобой.
Угомонься-ка,
Не беспокойся-ка.
Глазки закрывай,
До утра не открывай.*

Пою, покамель-ка дитёнок не уснёт:

*Баю, баю, баю, бай,
Да наехал-от Бабай,
Налетел Растрепай,
Кричит: «Петеньку отдай!»
А мы Петю не дадим,
Петя нужен нам самим.
Баю, баю, баю, бай,
Из-под зыбки вылезай,
Не ходи-ка к нам, Бабай!*

(Архангельская область, 55)

Чтобы ребёнок спал, не капризничал, я его маленько припужаю: «Спи, Оленька, спи! Вон медведь по горке бежит. И к нам придёт». А она: «А где медведь?» — «А вон, под полом сидит». Она верит, маленькая же. И успокоится. Тады и положишь её в кроватку. Ежели всё не спит, то скажешь: «Спи, моё солнышко, давай. Будешь спать, я тебе басенку расскажу. Ну, ложися-ложися, спи.»

*Котя, серенький коток,
У тебя беленький лобок.
Пошёл котик в огород
Соломочку собирать,
Оле в люлечку стлать.
А-а, а-а, а-а...*

*Бай, бай, бай, бай,
Поскорее засыпай.
Иди, котик, на торжок,
Купи, котик, пирожок —
Да сладенький,
Да румянёный.
Надо Оленьке отдать,
Оля съест и будет спать.*

(Курская область, 128)

От очепы зыбка держалась лучками, не из верёвок, а из черёмухи — лучок и другой лучок, вместе связанные. А вот от зыбки вниз к полу висела верёвка с петёлкой. Я вдену ногу в эту петелку и качаю зыбку, а руками-то пряду пряхою или вяжу — две работы работаю. Вот очеп потрескивает, зыбка поскрипывает, я тяну голосом «Баюшки-баю». А внучик лежит, наелся, наревелся и прибубенькивает: «А-бу-бу, а-бу-бу-бу...»

(Архангельская область, 36)

Не всякий байкать умеет. Сиж у зыбки, раскачиваю её ногой, байкаю, а сама руками пряду. И вот поёшь, и ребёнок спит.

Я много этих прибаюшек знаю. Детей байкала, качала в зыбке. Вот что-нибудь и придумываешь да байкаешь: «Спи, дитятко, не беспокойся, никого во сне не бойся. Кругом ангелы стоят, тебя хранят. Бог тебя любит и мама приголубит:

*Бай, бай, бай, бай,
На мостках спит горноста́й.
Горноста́йчика убу́ём,
Па́ше шу́бочку сошьём.
Из остаточков
Сошьём шапочку.
Из обрезочков
Сошьём кепочку.*

*Будет Пашенька ходить
И обновочки носить.
Бай, бай, бай, бай...»*

Качаешь, качаешь, вот уgomонится ребёнок, успокоится и уснёт.
(Архангельская область, 45)

Чтобы ребёнок спал хорошо, спокойно, пустую зыбку, когда в ней нет ребёнка, матери качать нельзя. А ежели качать, то ребёнок заболевает, а сама мать от этого скоро родит другого ребёнка.

Нельзя качать зыбку двоим разом: иначе ребёнок не уснёт.

На качулень (очеп) пелёнок не вешают, а то ребёнок будет спать беспокойно.
(Архангельская область, 12)

Если ребёнок спит, нельзя ставить под его люльку воду, не то ребёнок будет мучиться бессоницей. Уходя из избы, мать должна класть в люльку ножницы и верстаной камень, а под люльку веник, чтобы ребёнка не унесла нечистая сила.

(Калужская область, 108)

Когда ребёнок во сне смеётся — это значит, что его тешат ангелы и он видит своего ангела-хранителя, а когда плачет — видит дьявола.
(Ярославская область, 183)

На руки ребёнка из люльки к себе спиной нельзя брать. От этого он становится непослушным и упрямым.

Передавая ребёнка из люльки кому-нибудь на руки, нельзя его, даже в шутку, шлёпать, иначе он будет расти злым и капризным.
(Свердловская область, 180)

Летом у себя дома обычно девочки нянчились с маленькими детьми. Пока старшие в поле да на огородах, они с дитём водились, как только расплачется, укачивали его в зыбке.

И к чужим людям девочки лет семи-восьми уже нанимались зыбать дитё. И такие уж славные пестуны бывали. Сидит, качает дитё и, как старая бабка, байкает. А голосок-то тоненький, а всё то ж: «Баюшки-баю, не ложися на краю».

(Архангельская область, 17)

Теперь десять месяцев ребёнку, и говорят, уж на ногах ходит. А у нас до трёх годов было, он всё ещё не ходил, то в зыбке лежит, то в стоялке стоит. С одними бабушки водились, а для других — нянюшек наймёшь. А нянюшки-то — девочки семи годов. Так ребёночек дома спит, а тая нянюшка бегаёт где-нибудь у реки. А ребёнок уже не один раз обмарался, лежит весь в кáках, обсох. Нянька и не видит. Потом прибежит, оботрёт как-нибудь маленько и свистнет на улицу. Ей в догон прикрикнешь, а она: «Матка придёт, пусть сама и замыват».

(Архангельская область, 51)

Мать-то всё на работах, в заботах, а мы, малые, с дитём у зыбки. Сами шалим ведь. Мы под окошком на-улице в другой раз «классы» чертим. А зыбка-то на повети была. Так мы через окошечко с повети верёвку протянули на улицу. Там скачем, летаем, дурачимся, а за верёвку зыбку покачиваем. И как-то раз качнули — ребёнок там из зыбки вылетел. Вот трёпка-то была нам от матери.

(Архангельская область, 38)

Если бабушка престарелая и не может идти на сенокос, так с ребёночком её и оставят. А если бабушка ещё может работать, она тоже шла в поле. А так ребёнка оставляли с подростками маленькими.

Мне было семь лет. У невестки родился ребёнок. Вот я была и оставлена с ним, и качала. До того докачаю, что по очепу пропущу на улицу от зыбки верёвку, сама там скачу, а зыбка здесь качается. Да вот один раз так качала-качала, ребёнок ревел-ревел, а потом замолчал. «Ох, — думаю, — как хорошо, замолчал». А я же сама ещё ребёнок. Убежала, побегала там с

подружками. В это время с работы сноха явилась, взглянула, а ребёнок-то мёртвый. Что с ним было, не знаю, может, родимчик хватил.

(Архангельская область, 47)

Как ребёнка отнимали от груди, только тогда из люльки его и вынимали. Как он вышел из люльки, клали его на общую кровать. Кроваток отдельных детских не было. Дети все вместе, рядышком спали.

(Архангельская область, 49)

В зыбке ребёнка держали до двух и до трёх лет. А уж когда родится второй ребёнок, то зыбку отбирали раньше. Чтобы отлучить его от зыбки, делали так: кого там из мужиков Букой обряжали. Вот вбегает он в горницу в вывороченном тулупе, с мочальной бородой, с берёзовой клюкой, хватает зыбку и уносит. А ребёнку говорили: «Гляди-ка, Ванька! Приходил Бука, унёс в лес зыбку своего дитёнка зыбать!» Ну и успокаивался он, не плакал.

(Архангельская область, 44)

Колыбельную поёт Наташа Кошебаро,
Село Верещаки Брянской области, 1988 г.

ПЕСТОВАНИЕ

ПРИ СОЛНЦЕ ТЕПЛО, А ПРИ МАТЕРИ ДОБРО

В люлечке малютка лежит. Рады, что он там бубнит, гуркует, что голубок. Подойдёшь тихохонько к нему и ласково так:

*«Гуркуй, гуркуй,
Мой сыночек!
Гуркуй, гуркуй,
Гуркуно́чек!
Будешь гурку-гурковать,
Буду кашечкой питать!»*

Кашка-то варится, молочко квасится. Буду тебя, сыночек, кашкой кормить, молочком поить. Гуркуй, гуркуй, мой хорошенький, хорошенький, пригоженький! Что же ты замолчал? Мамку свою учул?» Он тебе и улыбается. Возьмёшь тут его из люльки покормить.

(Грузия, духоборы, 101)

Потягушечки! В пелёночке положишь дитёнка. Я просто говорю: «Давай ложись, вытягивайся! Давай померяю, какой ты большой уже вырос». Он уж тогда заранее руки из пелёнки выбирает. Ну и начинаю мерить: «Потягушечки, порастушечки, чтоб был здоровенький да хорошенький, раз, два, три...» А он грохочет — щекотно ему. А мерить начинаешь с пальчика вытянутой его ручки и до пяточки. И меряешь пядью — вытягиваешь свой большой и средний палец. А бывает, меряешь и с гнутым пядем — это когда большой палец сгибаешь и ставишь его на костяшку. Померяешь и говоришь: «Сынок Витя-то уже большой вырос — пять пядев с гнутом, то есть пять с половиною».

(Белгородская область, 71)

Когда распеленаешь малышоночка, тянешь голосом: «Потягу-ушечки» — начинаешь гладить ладонью вдоль его тельца. «Подрасту-ушечки» — тельце вот этак сожмёшь комочком, распрямишь и опять проводишь по нему ладонью, всё вдоль

гладишь, вот так вот за бочка обоймёшь, за подмышечки, ему щекотно, он и смеётся.

И ножки разглаживаешь, чтоб пряменькие были:

*Потягу-ушечки,
Да расту-ушечки!
Растянитесь, ножки,
Вырастайте, ножки,
Да побегу-ушечки —
Не кривы, а прямые!*

(Грузия, духовборы, 104)

Вот он в люльке там потягивается, а ты вот так станешь его по грудке гладить. Гладишь его и припеваешь:

*Потягушеньки,
Да порастушеньки,
Мои дорогушеньки!
Рости, Ваня, большой,
Да не будь лапшой!
Когда вырастешь большой,
Будешь бегать да ходить,
Ручки в пазушке носить,
Маме да папе прянички дарить.*

Пазушки — это раньше у ребят рукавички-то не всегда были, так в мороз туда в пазухи (подмышки) запихивали руки, так и бежали. Вот припеваешь ему это, гладишь-трёшь по животу и ножкам. Ему и хорошо, приятно.

(Архангельская область, 58)

Положишь малышонка на животик, он головку вверх загибает, что-то там лепетает. Вот разглаживаешь ему спинку, ножки легонько трёшь, говоришь: «Рости большой, будь хорошбый, маму слушай, будь послушный!» Он, маленький, воркует, довольный. Его на спинку перевернёшь, он тянется, ручками, ножками бур-

тыхáется. Растираешь его всего-то и так и эдак, он же в пелёночках-то замотанный залежался, как полешко стал, его и разминаешь, кровушку разгоняешь, выговариваешь: «Потянись, детка, потянись! Подрасти-подрасти, побольше вырасти:

*Потягушечки,
Порастушечки,
Вдоль да поперёк
Толстушечки!
Ручки-хватушечки,
Ножки-ходушечки,
В роток — говорок,
А в головку — разумок!»* *******

(Белгородская область, 67)

Хороший у Марьи был сынок. Она его жалела и так вот ласкала. Всё, бывало, дивуется им, так вот подколыхивает его и ему такую вот песенку поёт:

*Хорошеньким хорошок!
Пригоженьким пригожок!
Стройненьким стройняшок!
Родненьким родняшок!*

А он улыбается, радуется. Когда мать сильно любит своего ребёнка, она уж его и приласкает, и приголубит, и родименьким назовёт.

(Смоленская область, 168)

Ласкать дитя — бабье дело. Отцу-то недосуг. Верно говорят: «При солнце тепло, а при матери добро». Она всегда своего приласкает, по головке погладит, скажет: «Ой ты, мой миленький, мой любименький, голубочек сизенький, красное солнышко, житное зёрнышко, дитяtko моё прекрасно-дорого!» И жемчужинкой его называет, и ягодиночкой, и хорошеньким-пригоженьким. Зацелует его, крохотинушку, затютю́шкает.

(Курская область, 124)

У нас так скажут: «Мать дитя у корзины накормит, отец у су-сека заморит». Если нет матери, отец плохо о ребёнке заботится. Он всё на работах, в заботах. А мать-то есть мать. У неё дитя в дому, что оладышек в меду: и напоен, и накормлен, и прибран. Я вот своего малого уж так оберегала, так холила, из зыбки возьму на руки, к сердцу прижму и заласкиваю:

*Любашечка,
Дорогашечка,
Дороганно моё,
Серебряно моё,
Золотиночка,
Дорогиночка!*

Кто ж его приласкает, если не мать. А созорничает что-то там малый, шалость-то и скроешь: и плачешь да прячешь, чтоб от отца не досталось ему. Жалко.

(Архангельская область, 16)

Бывает, что привидится во сне маленькому там что-то нехорошее, вот он проснётся и плачет. Как только закричит, что только с ним не делаешь: и в люльке качаешь, и на руках таскаешь, и ласкаешь. А всё ж больше словами успокаиваешь:

*«Тихо-тихо, не плачь,
Я куплю тебе хохлач!
Тихо-тихо, не вой,
А то дам тебе помой!»*

Ну, рёва-корова сено поела, опять заревела!» — и так кулю-каешься с ним, пока не замолчит.

(Смоленская область, 159)

Когда детка расплачется, говоришь: «Не плачь, а то цыган придёт, он тебя к себе заберёт, и не будет у тебя ни мамы, ни папы. Ну, не плакай, послушай:

*Кóкли-мо́кли,
Глазыньки промокли,
Кто будет плакать,
Лягушкой будет квакать!*

Ну, что же ты плакаешь, людям спать не даёшь. Вон котик сидит на дубу и играет во трубу. Если будешь плакать, схватит тебя котик за чубок и утащит на дубок, чтобы ты молчал и не кричал». Глядишь, он и успокаивается.

(Волгоградская область, 87)

Уговариваю: «Оленька, доченька моя, не плачь. Я буду печь калачи и тебе испеку. Будешь есть хорошие, мягкие калачики:

*Не плачь, не плачь,
Дам калач!
Не реви, не реви —
Дам все три!
Не швы́ркай, не швы́ркай —
Дам с дыркой!*

А если будешь плакать, дам худой лапоть! Вот умница, замолчала, плакать перестала. И глазыньки просохли, как солнышки засияли».

(Архангельская область, 41)

Пою, когда малец мой плачет, ревит:

*Рёва-корова,
Дай молочка!
А не дашь молочка —
Вдарю тебя под бочка́!*

И тут когда как придётся, когда из люльки и на руки возьмёшь, утешаешь: «А ну-ну, Ванечка, не плачь, испеку тебе калач. Ну-ну, не завой, испеку тебе другой. Ну-ну, не реви — испеку тебе три! Если понимаешь по-русски — не кричи! А то вон Бука

идёт, тебя в мешок посадит и унесёт. Не плачь, от Буки не спрячешься!» Ну и утешишь его, уговоришь, уgomонится он.

(Краснодарский край, 114)

Гляжу, плачет внучка — мамка отшлёпала. Я и успокаиваю:

*Я, коза-дереза,
Всему свету гроза!
Кто Олю будет бить,
Тому худо будет жить!*

Она ушки топориком сделает, глазёнками зырк-зырк на меня и замолкает, не плачет больше. (Белгородская область, 70)

Прутиком успокаивали, чтоб не плакал. И Бабой Ягой пугали: «Не реви! А то Баба Яга — старая карга придёт, тебя отнесёт в лесок и зароеет во песок. А медведи найдут, на тебя заревут. Кабаны придут, под дубок отнесут. Будешь под дубком лежать, будут птички прилетать, тебе кушать не давать. Не будешь расти и помрёшь в напасті! Ну, замолчи, не реви! Вон Бабка Яга — порота нога за дверьми стоит, на тебя глядит. Поди-поди, Бабка Яга, сюда! Алёшка-то не затихает!» А этот Алёшка уже и прислушивается, примудряется-пригадывает что-то там про себя, на дверь поглядывает. Ну, и замолчит. Положишь его в кроватку на бочок, он и уснёт. (Смоленская область, 145)

Чтобы не плакали, пугали. Были Буки-ти, Чиликуны — дети их боялись. В Игнатьев день Чиликуны в острых шапках выходили из проруби, а потом на Крещение уходили. В то время по Святкам ходили наряженными по деревне колядовщики. И вот этими пугали малышей: «Гляди, Чиликуны вышли! Вот всех-то озорников да рёв с собой в прорубь утягивают». А в бане Обдиріхи боялись, под полком тогда всё с лучиной она. Заплачет малышонок, а ему: «Обдериha-то под полком, за пяточку укусит, за чубок подерёт». Там же черняше всё в бане-то, ну и они боялись. (Архангельская область, 36)

Чтоб внучечка не озорничала, не баловала, всё козой пугаешь: «Коза рогатая идёт, рожками забодёт, ножками затопчет, хвостиком заметёт!» А испугается шибко она, то и говоришь: «Не бодай, коза, Танечку! А коза бодается-бодается, а мужик ругается-ругается. Стой, стой, коза, стой, безрогая моя! Не бодай деток! Детки ещё маленькие...» (Белгородская область, 67)

А когда малой, бегая да мудруя, кричит, и не сделаешь уже ничего, говоришь: «Замолчи! А то дед Бабай с мешком сейчас придёт и заберёт. Отнесёт за кустик и назад не пустит». Гуляешь с ним, а там лошади-ти, коровы на выпасе. А он пальцем тыча: «Баба, к коське, к коське!» Хотит к лошади подойти. А я ему:

*Кыш, кыш, ком,
Не ходи, Ваня, лужком!
Тебя кони залягают,
Коровы забодут,
Маленьки телятки
На рожках унесут!* ❀❀❀

Он и не просится уж. (Архангельская область, 10)

Я когда выведу Катьку, свою внучку, гулять, и она запрямится что-то там и далеко отбегает поиграть, тут я ей сказываю:

*Уж ты, крошка моя,
Не ходи туда одна!
Там мышки сидят,
Горностайчики сидят,
Тебя, внученька, съедят!*

Она испугается, скорей бежит ко мне и под юбку прячется. А как закуролесит, разбукусится, я ей:

*Ай цугу, цугу, цугу,
Не кружися на лугу.*

*На лугу лужица,
Голова закружится.
В лужицу ты упадёшь
И потонешь, пропадёшь!*

И она не балуется, утихомиривается.

(Нижегородская область, 132)

Ванька что-нибудь закапризничает, захнычет: «У меня тут бо-бо». А я: «Ну, давай я тебя полечу!» Ну и начинаешь. Вот, значит, он тогда ляжет, вытянется и прислушивается, а я ему причитываю: «У кошки боли́, у собачки боли́, а у Ванечки заживи! Чтоб не горело, не болело, не кололо, не пороло, зажило! Во веки веков!» И дую на больное место, и поглаживаю. Не отойду, пока он жа́лится. *(Грузия, духоборы, 104)*

Если у ребёнка какая-то боль, то ль он там пальчик прибил, или упал и ушибся, то своим указательным пальцем водишь вокруг больного места — округ-оберёг. Потом по больному месту приглаживаешь ладонью и при том три раза запеваешь:

*У кыски боли́,
У мышки боли,
У собачки боли,
У рассомачки боли.
А у Вовочки —
Никогда не боли,
Всё заживи!*

И всё заживёт.

(Коми, 110)

Ушибётся, а я его утешаю: «Ой, бо-бо! У волка боли́, у зайца боли, у медведя боли, а у Никитки поправси! Подьте, подьте, все боли, за чистое поле, за тёмный лес, там вам умереть и дня не

болеть!» Ну, тут ещё подуешь на ранку, погладишь, три раза плюнешь. И всё оправится, всё отвалится, не будет болеть.

(Архангельская область, 37)

Спать и днём сыночка уложишь. А когда проснётся, чуть-чуть отойдёт, полежит в люльке, подойдёшь к нему, качаешь и забавлянку запеваешь:

*Кóчки-вóчки,
Ехали хохлóчки
На серой собачке!
Зацепили за пянёк,
Простояли весь дянёк.
А вечером отцепили
И назад покатали.*

Он рассмешится, разулыбается. Тогда берёшь его на руки, поддержишь чуток, поносишь. Потом покормишь, положишь в зыбку, и он лежит. Когда он лежит спокойно, не тревожит, что-то по хозяйству делаешь, без дела не сидишь. Думаешь: «Ну и хорошо, пусть полежит». А когда уж он начнёт там в зыбке кряхтеть-пыхтеть, тогда всё бросаешь, подходишь к нему, вынаешь из зыбки и забавляешь.

(Волгоградская область, 94)

Придут ко мне, скажут: «Ой, Авдотья, поведись-ка с робятами-то. В поле надо идти, ведь не с кем оставить. Авдотья, поведись, дорогая». А я и не откажусь: «Ну да ладно уж, повожусь». Придётся — один малый в зыбке лежит, другой под лавкой сидит, третий на полу играет. Вот и забавляешь их:

*Чебатуха, чебатуха,
Хорошая баба,
Наварила кулешу,
Нажарила сала.
Поставила у чулан,
А кошка похватила.*

И про эту кошку чего там им ещё не наплетёшь:

*Я этой кошке
Купила сапожки,
Причесала усы,
Сшила новые трусы.
Только как их надевать —
Хвостик некуда девать.*

Весь день с ними водишься. И за это деньги не брала. Хозяева что-нибудь испекут, состряпают и угостят чем-то вкусным. Кто принесёт еды какой. Говорят так: «Дитя любит качку, пестунья подачку, дитя любит рожок, а пестунья пирожок».

(Белгородская область, 71)

Ребёнок проснётся и захныкает в качке. Вот подойдёшь и качку сильно поперёк от себя раскачиваешь: «Гойда-гойдошá, съел кобылку и лошá! Гойда-гойдошá, съел кобылку и лошá!» Или так прикачнёшь:

*Гойда-гойдошá,
Где кобылка, там лошá!
Поскакали до воды,
Объелися лебеды!*

Надо из качки его брать. Распеленаю и на подушку ложу отдохнуть от пелёнок. Ручки, ножки он расправит, вольно так ему. Это когда гулялися с ребёнком — забавляли.

(Курская область, 126)

Проснётся Катька и ревіт. Я к ней. Надо одевать, из кровати брать. И говорю: «Иду, Катьку разбужу. Уж ты скорей вставай, ножки обувай да по горенке ступай. Девонька, не ленись, поскорее шевелись». Одеваю, а сама размовляю:

*Бабка краски разводила,
Дед портреты рисовал,*

*Свинья музыку играла,
Кобель польку танцевал.*

Из кровати её возьму и приплясываю с ней на руках:

*Там-там, ти-да-ри-да,
Зарезала бабка дйда,
Положила на печи
И сказала: «Не кричи!»
Дед кричал, кричал,
У кадушку попал.
А в кадушке вода,
Замочилась борода.*

Катка смеётся.

(Белгородская область, 70)

ПЕРВЫЙ ЗУБОК

Я когда утречком умываю Ваньку, припеваю:

*Свята-Божья водичка,
Умой Ване личко:
Чтоб глазки блестели,
Чтоб щёчки краснели,
Чтоб смеялся роток,
Чтоб кусался зубок!*

Чтобы у Вани головка была кругленькая-кругленькая. Как с гуся вода, с Вани вся хужоба! Чтоб ты жил и никогда не хворал. Расти большой и будь умный!

(Волгоградская область, 88)

Раньше были корыта деревянные. Для маленьких были небольшие, чтобы таскать было не тяжело. Ребёночка туда сажали и из ковшика поливали тёплой водой, сверху поливали и говорили для здоровья:

С гоголя вода,
С гоголюшки вода,
С раба Божья младенца
Сойди вся тягота!
Уроки, прикосы,
Ломоты, щипоты,
Где были, там и подьте:
Старой старухе под пятау,
Старику в бороду,
На пенья, на каменья,
На толстыя коренья!

Водичка-то к землице, а ему кверху расти, кверху расти! Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь!» А ежели в ушко попала вода, то наклонишь малышку головку на бочок и в ушко говоришь: «Мышка, мышка, вылей воду под железную колоду, жабке напиться, вошке утопиться». Потом в пелёночку его обернешь.

(Архангельская область, 57)

«Ну, вот давай купаться, детка. Сейчас я тебя буду купать. Ну-ка давай ручки растянем, ножки вот так выпрямим. Давай водичкой тебя польём, будет тебе тепло, хорошо. Вот такая у нас будешь большая, красивая, такая румяная, щёчки как булочки — вот такая пригожая. Ну, давай, внученька, давай, Танечка. Вот умница какая, лежит послушно, всё хорошо исполняет. Бабушка будет тебя за это любить.

Какая разумница у меня, глядит глазками весело. Посидела в лоточке, а теперь мы тебя чистой водой обмоем. Вот так: «С гоголя вода, с гоголихи вода, а с рабы Божьей Танечки — вся тягота! Водичка под полóк, а Танечка на полóк. Водичка — ниже, а Танечка — выше!» Вот послушница. Помылась, давай убираться».

(Белгородская область, 67)

В байне моешь ребёночка, распаришь и на колени себе его положишь. И вот скажешь: «Ручки — грабульки! Ножки — ходуль-

ки!» — и начинаешь ручку с ножкой сводить, потом стягивать другую ручку с ножкой, разомнёшь его так. А растираешь со словами: «Моется, парится, спать собирается — на сон, на покой, на счастье, на здоровье, ему спать по ночам, расти по часам!» Когда помоешь его и берёшься из ковшика обливать, то приговор читаешь: «С гоголя вода, с лебедя вода, с тебя вся худоба. Не я парила-мыла, парила-мыла — бабка-Сулеманья. На сон, на здоровье, на велику Божью милость, на родительскую радость. Отойди, вся боль и скорбь, в тёмную ночь!»

(Архангельская область, 41)

Там в байне моют маленького и когда веничком легонько хвощут его, то говорят: «Шёлков веник, тело бумажно, хвосты на здоровье раба Божья молоденца!» А когда окатывают водой с головы до пят, наговаривают:

*С гоголя вода,
С дерева роса,
Скатись с младенца
Вся худоба,
Вся тягота
В быстрые реки,
В приглубые рұчы,
В широкое море.
Вода тякуча,
Мальчик растучий!*

После, когда одевают, говорят: «Уж я жарку баенку топила, мальчика помыла. Тёплым оболком оденется, частыми звёздами подпояшется раб Божий младеничек».

(Архангельская область, 21)

Как кто увидит у дитя первый выросший зубок, должен сказать:

*Расти-расти, зубок,
Твёрдый, как дубок!*

И обязательно должен купить какой-нибудь подарок, чтобы у малышонка зубки были крепкими.

(Волгоградская область, 93)

На первый зубок пекут пирог. Он так и называется «зубок». Что позволяет, из того и пекут. Этот пирог кушает вся семья. А кто первый увидел зубок, тот покупает материал беленький, любой — на рубашечку. Тогда и рубашечку сошьют.

(Владимирская область, 86)

Кто ощупал у ребёнка первый зубик, чаще это свекровь, тот дарит поясok для рубахи. А уж гости на «первый зубик» приносят: пряники, калачи, пироги, кто что состряпает.

(Архангельская область, 55)

Как выйдет первый зубок, на память ребятёнку крёстная мать покупает серебряную ложечку. Говорят, что у ребят с шести месяцев первые появляются. А у моего малого с трёх месяцев зубки появились. А последний внук аж с зубами родился — два зубика у него.

(Вологодская область, 95)

Подарок несёт любой, кто первый заметит зубик. Если это девочка, то ей на платье отрез принесут. А если мальчик, то деньгами бросят, чтоб богатый был, на богатство.

(Краснодарский край, 116)

Небогатые люди были, а дарили целковик, в общем — рубль серебряный. Дарили материю, чтобы хранилась для ребёнка. Дарили большинство бабушки. Придут: «Это Ванечке на зубок!» Поскольку рубль принесут, так ясно, их чаем попят, скажут: «В гости бабушка пришла, рубль принесла, надо же напоить чайком, угостить крендельком».

(Архангельская область, 47)

Ребёнок стоял там, игрался, вдруг раз — и первый раз ножками переступил. Кто увидел, что он сам переступил ножками, берёт нож и режет путы. Это, значит, ножом между ножками ребёнка по воздуху проводит, будто перерезает путы, вроде как ребёнок до этого был спутанный. Режут путы, чтобы ребёнок ходил, не падал уже.

(Краснодарский край, 116)

«Глянь! Наш Ваня ходит! Ну-ка давай первый шажок делай!» — только он шагнул, а ему между ног ножом по земле раз — крест. «Ну, всё, перерезали Ване путы. Теперь он пойдёт, будет бегать, будет крепко на ножках стоять. Ходи, Ваня!»

(Волгоградская область, 87)

Полотенце подвязываешь малышонку и концы за спину заправляешь. И вот сзади его берёшь за полотенце и ведёшь, учишь ходить. А бабка, как только он начинает делать первые шажки, впереди перед ним ножом кресты чертит. И говорит: «Разорвитесь, путы!» А когда малышонок уж сам вперво́й переступнёт ножками, то его крестят: «Пойди с Богом! Пойди с Богом! Пойди с Богом!»

Когда малец делает первые шажки, нельзя двигаться, а то он напугается и не будет долго ходить.

(Вологодская область, 95)

Вот какой ребёнок не ходит, может, годик и два, или плохо ходит. Сговоришься загодя. Хозяйка скажет: «Завяжи ему ножки, пута резать». Пута — это раньше коней путали, верёвку к передним ногам крутили, чтобы они не убегали далеко. И вот она возьмёт какую-нибудь ситцевую тряпку и ножки ребёнку завяжет, не нога к ноге, а такое между ними пространство сделает, он, маленький, стоит. А я подойду: «Господи, благослови! Дай же, Господи, чтоб пошёл Ваня, встал на ножки. Помогите ему, Господи!» Да и раз — связанные ноги тут ножом и перерезаю, от пута освобождаю: «Господи, Святые Угодники, Матерь Божья, помо-

гите Ване, чтоб его ножки встали и по земельке пошли». Это просто такая минутка бывает, чтоб дух привился. Кому помогает, а кому и не помогает. Сразу он на ножки не встанет, а только начинает.

(Смоленская область, 169)

Вот у нас парничок первóй ножками перешагнул, пошёл и боится. А мать схватила нож и попереди него ножом колотит по полу, страх засекает, и говорит: «Секу-секу, страх засеку! Секу-секу, страх засеку!» — и так три раза повторяет. Она отодвигается от него, а он к ней шарáшится, шевéлится. А мать страх засекает, чтоб он не боялся, ножками пошёл.

(Архангельская область, 60)

Страсть секли. Когда ребящёнок только начнёт ножками ступать, перед ним топором по полу посекут и скажут: «Страсть сяку, тебе волю даю! Страсть сяку, волю даю!» И станет он ходить.

(Архангельская область, 43)

«Ну-ка, Танечка, встала. Давай постоим на ножках. Ну-ка дыбкí-дыбки-дыбки! Можешь стоять дыбки. Потом ножкой переступать. Как будем ходить? Давай, пробуй, пробуй. Раз, два... Ой-ё-ёй, упала! Ну, ничего. Ну-ка, вставай! Обратно дыбочки. Ой, умница. Ну, какая умница, скоро будешь бегать у нас:

*А, дыбо́к, дыбок, дыбок,
Завтра Танечке годок!
Купим Танечке платок,
Во всю голову цветок!*

И мамка придёт, и папка придёт, все обрадуются тебе».

(Белгородская область, 67)

«Мальчик ходя, мальчик ходя! Пошёл мальчик, пошёл! Бабушка, неси ножик. Неси ножик — путы перерезать. Ходя, ходя! Ай, то́пачки-топу́шки, порезали путу́шки, затопал Ванюшка!»

(Курская область, 126)

Ребёнок ещё не ходит, только начинает. Сделает первый шаг, и тут между его ног верёвочку ножницами разрезают, называется «разрезать путы». И рвут на нём рубашечку, чтоб ходить быстрее стал. (Курская область, 120)

Как ребёнок впервые встаёт на ножки, говоришь:

*Ай, дыбочки-дыбо́к,
Скоро мальчику годок.
Вставай-ка дыбок,
Достанешь потолок.
Вставай и повыше,
Достанешь до крыши!*

И зовёшь его к себе, чтобы он пошёл: «Ну-ка дыбоньки, ходи дыбоньки! Ну-ка ножками дыбоньки! Ну, давай, миленький, хорошенький!» И целуешь его тогда, и милуешь, и ласкаешь, и вкусненькое ему даёшь. Это как он только чуть ступнёт. И обязательно купляешь обновку ему, обновку-обувку какую-то на ножки там, чтобы становился на ножки и бегал по дорожке.

(Брянская область, 78)

Мальчик когда уже станет ходить, тут ему и начинаешь при-тунды́кивать:

*Ой ли, ти-ли-ли́,
Несолёные блины!
Надо соли купить
И блины посолить!
Раз-два, раз-два,
Вот та-та! Вот та-та!*

А он стоит на ножках и потрухивает попкой. Ему же радостно, что он на ножках ходит. И быстрее, быстрее ножками начинает прискакивать, ручками примахивать. И он уже тогда разве-селится и не начнёт плакать.

(Белгородская область, 73)

Вот Алёшка в кроватке стоит, ножками топочет, а я ему: «А, пляши, пляши, пляши, купим тебе черыши!» Черыши — это у нас тапочки, сами шили из мягкой ткани, войлочные, ребёнок в них и ходил. Вот я ему в ладоши плескаю и пою:

*А, пляши, пляши, пляши,
У тя ножки хороши!
Хороши, не хороши,
Всё равно ты попляши,
Купим тебе черыши!*

Алёшка-то держится за кроватную стойку и выплясывает, ножками дергаёт, забавляется. (Тверская область, 177)

Ей только скажешь: «Оль, давай я тебе буду играть! Давай буду цимбалить тебе, а ты будешь плясать». Вот она сейчас козырем выставится, ножкой притопнет. А я ей играю:

*Эх, топни, нога,
Топни, правенькая!
Всё равно ты хороша,
Моя маленькая,
Девка бравенькая!
А тату́-тату-тату...*

Цимбалишь ей там в бамбуши (шлёпаешь в ладоши), а она рада, пляшет, руками машет, топает ножками. В другой раз и я с ней выйду, возьму за ручки и давай прикадри́ливать.

(Волгоградская область, 87)

Если переступать через ребёнка, то он не будет расти.

(Свердловская область, 183)

Когда младенец сидит на полу, около него не метут, а то он будет сиднем, долго не будет ходить. (Коми, 109)

Мать не должна перед тем, как затопить печь, сметать с за-
гнётки золу , лишь тогда её ребёнок будет опрятен и послушен.

(Белгородская область, 71)

Ребёнку до году из нового холста ничего не шьют, иначе он
будет беспокойным и по ночам плохо спать.

(Краснодарский край, 115)

Пока дитю не исполнится год, ему не дают смотреть в зерка-
ло, а то он будет во сне пугаться и начнёт поздно говорить.

(Архангельская область, 7)

Ребёнка до года нельзя целовать в уста, от этого он долго
не начинает говорить. Нельзя его обзывать «жаба», иначе он
станет сутул или горбат.

(Архангельская область, 20)

Если младенца бранить и проклинать, то он будет плохо
расти, будет глупым и робким.

(Архангельская область, 47)

Малютку не показывают спящим тому, кто до того времени
его не видел. А покажут, тогда от этого на него может найти
страх и он сделается боязливым и пугливым.

(Архангельская область, 62)

Чтобы с ребёнком во сне не случилось несчастий, мать
должна перед сном ограждать его крестным знамением.

(Коми, 113)

Когда на маленького перед сном находит зевота, надо ска-
зать:

*Первый зевочек,
Иди на потолочек.
Второй зевочек —
Под полочек.*

*А третий зевочек —
Вон за положочек!*

И зевота проходит. А если нападает икота, то говоришь:

*Икота, икота,
Перейди на ко́та,
С кота на Якова,
С Якова на всякого,
А потом на Ванюшку
И ещё на Андрюшку.*

И икота исчезает.

(Белгородская область, 71)

По старому обычаю, младенцу до году не обстригают волос и не обрезают ногтей. Если ногти отрастают, то их обгрызают. Старые бабки говорят: «Не срезай, а то стриженное попадёт в худое место, и ребёнок заболевает». *(Тверская область, 175)*

Остриженные или вычесанные волосики нельзя бросать куда зря. Если они попадут на огонь, то у ребёнка будет жар в голове. Попадут волосики мышам в нору, то будет боль и шум в ушах. Эти волосы нужно пустить на текучую речную воду или спрятать, запихнув в стенную щель.

(Волгоградская область, 88)

Чтобы у малыша лучше росли на головке волосики и чтобы курочка несла много яиц, делаешь так: когда курочка снесёт первое яичко, обводишь им три раза вокруг головки малыша и приговариваешь: «Курочка, курочка, снеси столько яичков, сколько у Юлечки на голове височков». *(Воронежская область, 98)*

Когда курочка снесёт первое яйцо, его ещё тёпленькое берут и катают по головке ребёнка. И говорят: «Пусть курочка снесёт столько яик, сколько тут есть волосок».

(Нижегородская область, 132)

Причёсываю внучку и припеваю:

*Расти, коса, до пояса,
Не вырони ни волоса.
Расти, косынька, до пят,
Красна девица до гряд,
Женихи торопят.
Коса из кореня,
Жених из города.
Коса с топорище,
А жених с голенище.*

И волосики потяну вниз: «Коса тянись вниз, а сама расти вверх!»
(Архангельская область, 49)

Под присмотром отца боронит землю четырёхлетний
Володя Кудинов. Село Верецаки Брянской области, 1988 г.

И ГРУШКИ

ОПИЛЬЩИК, ГУСИНОЕ ГОРЛЫШКО И ВЕТРЯК

Да какие тогда погремушки были! Вот возьмёшь сухую маковую головку с маковочками да пошуршишь под ушками у дитёнка. Вылупится он и, ничего, замолчит. И ещё. Люльки-то на оборках были. К оборке привесишь две ложки деревянные. Они болтаются, потарахтывают. Маленький ручками достаёт эти ложки, играет ими, они звякают одна об одну, ему и забавно.

(Белгородская область, 72)

Вешали на люльку медный колокольчик, маленький, звонкий. Или вот пустые катушечки от ниток на верёвочку проденешь и эту снисочку ребёночку на люльку вешаешь. Он ручечкой ей и гремит.

(Грузия, духоборы, 105)

Побрякушка была. А я вот, примерно, своим деткам, пока они ещё не понимали дуже, из цветных ниток на клубочке гладью вышивала. Там квадратики, уголки разные делала. Нитки яркие, разноцветные, получался как маленький мячик, а внутри нитки шерстяные. Вот этот расшивной клубочек и подвесишь за ниточку к люльке. Ну, малюточка и занимался им, ловил ручками.

(Грузия, духоборы, 104)

Кругляпушку из тряпок шьём. Она небольшая и как мячик. Из тряпок делаем и обшиваем цветастой тряпкой поярче или цветастыми лоскутками, чтоб ребёнок углядывал. И эти кругляпушки на верёвочку к зыбке привязываем. Они болтаются, ему интересно. Он ручонками болтает и имает, утешается.

(Архангельская область, 5)

Ухожу убирать скотину, а малышонка в зыбке оставляю. Вешаю на ниточку шарик из разноцветного тряпья. Ребёнок протягивает ручки к нему и не плачет, играет.

(Владимирская область, 85)

Дедушка из бересты шаркунки плёл, кубик такой, и клал туда горох или камешки. Вешали шаркунки на зыбку, и ребяёнок играл ручонками. А некоторые палочку к шаркунку закрепляли, и выходила побрякушка. В ручку ребяёнку вложишь, и он гремит-побрякивает, радуется. (Архангельская область, 3)

На зыбку клочок бумаги вешали или яркий лоскуток, чтоб ребёнок ручками доставал и забавлялся. Или вот возьмёшь пустые спичечные коробочки и соединишь одна в одну, сложишь ему поезд и едешь: «Ду-ду-ду! Поезд едет!» Он головкой-то верть-верть, глядит и за мной гудит: «У-у-у!» Вот ему и занятие, игрушка. (Волгоградская область, 87)

Когда гусей резали, оставляли горлышко. Его прочищали и насыпали внутрь сухой горошек или вишнёвые косточки. Потом горлышко сворачивали в круг, втыкали один конец в другой и эти концы обвязывали верёвочкой, и горлышко высушивали. Как только гусиное горлышко высыхало, верёвочку снимали. Несколько гусиных горлышек вешали на нитку и эту погремушку привязывали над зыбкой так, чтобы младенец до неё мог дотянуться ручкой. Повяжешь гусиные горлышки, и они гремят. Тыркает он их там ручкой, воркует что-то голоском, улыбается. (Волгоградская область, 91)

Курей режешь. У курей горлышко (зоб) оставляешь. Его берёшь и трёшь в золе. И тогда оно очищается и делается тоненькое. После этого моешь его хорошо и сушишь. Потом горлышко надуваешь, туда бросаешь горох или кукурузку и завязываешь. И вот это горлышко было маленькое, с кулачок дитю, и как погремушка. Забавляется он, тарыхтит. (Краснодарский край, 117)

Когда резали поросёнка, то отделяли мочевого пузырь. Сначала его оттирали и раскатывали в золе. Он становился большой, плотный и тонкий. И потом чуть-чуть его присаливали,

чтоб он не пах. А тогда только высушивали. Потрёшь его вот так вот, а он весь делается мягкий и светится. Тогда в середину пузыря бросали сухие горошинки или камушки с пуговицами. Потом пузырь надували и раскрашивали краской. Краски такие, что одежду красят. На нём были красный цветочек и зелёные листики. И пузырь этот шерстит-тархтит. И вот детей им утешали, детям интересно. Он им и воздушный шарик, и погремушка, и мячик. *(Брянская область, 79)*

Телячий пузырь надували большим прозрачным шаром и гороху туда сухого насыпали. Когда он высыхал, гремел, тархтел. А ещё делали детям «долгой волгонь». Он из телячьей прямой кишки. Надуют его, завяжут, а он не круглый, а как тыква продолговатый. Ребёнок его потрясывает, а он с горохом побрякивает, как мячик по земле поскакивает да по воздуху летает — этот «долгой волгонь».

(Архангельская область, 13)

Из маленьких еловых досточек две плоские лопаточки резали, с ладошку малышу. У одной лопаточки чтоб так вот по краю поперечничек выступал. На лопаточках по две дырочки вверху дырявили и верёвочкой их скрепляли. И лопаточки хлопали звонко так. И тады дети уж сами бубенькали, занятие им.

Прялки маленькие игрушечные делали, и дети игрались.

(Воронежская область, 100)

Свистушки детишкам делали из веточек ветлы. Когда уж весной деревья в соку, отрезаешь ровенькую палочку и изрезаешь её тут наискосок, чтобы отсюда дёечка — дырочка была, где дуть будешь. Потом по ней ножом постучишь, подрежешь кругом и кору потихоньку снимаешь. Тут вот вынимаешь её со ствола. А на стволе лунку вдоль прорезаешь и дырочку делаешь. И кору обратно на этот ствол наставляешь.

И вот свистушка так получалась, что свиристела громко, как свирель, играла долго. (Воронежская область, 99)

Тростниковые дудочки ребёнку делаю. Вот срезаю трубочку от стебля тростника, на передке вот так наискось. После делаю посередине этой трубочки отверстия — можно и два, и три, и пять. Но срезаю отверстия так, чтобы были не насквозь они, а изнутри оставалась тонюсенькая плёночка. Вот ребёнок эту дудочку — раз в рот и бегают по двору, гудёт песенку. На ней любую музыку можно играть.

(Белгородская область, 70)

На тростниковой дудочке играет девятилетний Роман Донченко.
Село Уразово Белгородской области, 1989 г.

Мастер в деревне был, из глины свистульку вылепливал и красиво так их изукрашивал. И кого только не лепил: и птичек райских, и петушков гребенястых, и зайчиков ушастых. Наберут их детки и бегают по деревне, свистят, как эти свиристелочки.

(Архангельская область, 49)

Камышовые пищики малышам делали, в степи растут. Со свинушки (растение такое) маленькие дудочки вырезали. Ещё из трубочки колючей косы, толстого стебля тыквы, свистульки делали, и из арбузного стебля тоже. Прорежешь три-пять отверстий на трубочке, и она играет. *(Грузия, духоборы, 105)*

Мастерили ветряк. Брали плоские дощечки сухого луба, складывали их крестом и прибивали гвоздиком к концу длинной палочки. Мальчонок с ним гулял, и ветряк от ветра крутился. Ещё делали волчки из берёзы. Дерганёт малец волчок, и он быстро-быстро так завертится. *(Волгоградская область, 91)*

Для ребят трещотки деревянные делали. Трещотка — это обыкновенная палочка-стержень, на верхнем конце идут шесть рёбер, и вставляются тонкие лучинки, они идут с той и другой стороны через стержень и закрепляются. Ребёнку два года, а ему уже делают эту трещотку. В сидюшке он сидит, вертит ей, трещит, так трещит, дай Боже как.

(Архангельская область, 49)

Каталка была для детей. Вот пойдёшь в лозы, отрежешь вот такую лозинку, согнёшь её в кружок и потоньше лозой свяжешь. И крестом две палочки в этом колесекрепишь. В середине креста пробиваешь дырку и туда такую рогатульку (она входит с двух сторон) с длинным концом прикрепляешь. И вот парничок за конец этой рогатульки — раз, ухватил и понёсся. Бегит, а впереди себя каталку катит. *(Смоленская область, 159)*

Маленьким детям птичек из дерева вырезали. И делали из бересты голубей, вешали под лампадку. И детскую маленькую игрушечную повозку делали, на колёсах, деревянную, играть — без лошадки. Я сама делала: отпилишь от круглого полена четыре колеса, да посередке у них дырки провернёшь и палочки туда прикрепишь. А уж на палочки дощечку кладёшь, вот и повозка получалась. Из ольхи уточек вырежу и на повозку ставлю. Ребёнок катает по полу повозку и уточек возит.

(Архангельская область, 49)

Раньше игрушек не было, ребёнку заняться нечем. Моему Петьке годика полтора было. Я пойду к соседу, у меня там был такой старик, лапти плёл. И буду говорить: «Дед Сидор, ты мне, знаешь, сделай коников из лыка». Взял он лыко сухое, широкое, вот тут разрезал — ноги сделал, разрезал с этого боку — и голову сделал. Голова-то выше дугой поднимается, хвост пониже трубой опускается. И получился конь. И лапчик маленький сплёл. Потом взял, из липника палочек маленьких настругал, коня этого запряг в дугу, и он тогда волочит этот лапчик маленький. Вот такая игрушка. Принесу тех коников Петьке для забавы.

(Смоленская область, 168)

Коньки деревянные, маленькие детишкам самодельничали. А отец вырезал вот такого коня большого и на колёсиках, вот тут уздечку ему сделал, тележку сделал. Коня под гнедого раскрасил. Отец, он мастер на это дело был. Маленький Ванька этого коня и катал.

(Воронежская область, 99)

Лошадок вырезали из осины. Осина мягкая для обработки, мягче, чем берёза. Хвост лошадке делали из конопли. Лошадей делали и с тележками, и с колясками. Делали коляски: от берёзового чурбака отпиливали четыре узких кругляша-колеса и у них в середине отверстия ножом прорезали. Потом делали колоды — дрожками назывались, их делали раздвижные, как настоящие — и низ, и верх, и соединялись они шóренем — кто

деревянный гвоздь вытачивал, а кто в кузнице железный ковал. И коляска собиралась. У каждого ребятёнка в селе такие лошадки с колясками были. (Архангельская область, 49)

Когда что-то шьют, остаются кусочки — лоскутки, зовут их желутки́ или ути́нки. И вот с этих разных красивых лоскуточков и шьют куклы. Лицо делают из белого материала и рисуют глазки, носик, ротик. К телу куклы руки, ноги пришивают. Потом шьют и одевают одежду, сарафаны такие же, как и мы носили. На платья разные красивые материалы остаются: цветастые, блестящие, шёлковые. Где их завяжут, где пришьют. Это девок так обряжают, а пареньков делают в брюках, рубашках. Шьют куклы и из одной тряпочки или платка. Вот так вот берёшь и перекладываешь, перегибаешь тряпочку накосую, вот сюда в серёдочку закладываешь вату или чего-нибудь и обкручиваешь нитками это тельце. Отсюда в стороны торчат два уголочка — это руки, вниз — ноги; эти уголки вот так вот берёшь и шнурочком обворачиваешь. (Коми, 113)

Из тряпок и льна подделывали ребёнку куклы. Лён-то раньше сушили, мяли, трепали. И когда ряску с него обивали, оставалось волокно. Вот из этого-то волокна и подделывали куклы. А уж поверх обряжали в наряды, в старинные старались одеть. А из тряпок, когда шили куклы, в тело и головку насыпали опилки или просто накручивали тряпки и прошивали их. На тряпки брали старые холщёвые рубашки. На головке глаза, нос и рот вышивали. (Брянская область, 79)

Куколки из тряпок были. И мужичков и жонок шили. В головку, в ноги и в руки кладёшь ото льна мочку и ткёшь. Потом обшиваешь головочку беленьким и личико раскрашиваешь — глазки, носик, губочки подводишь. Тады штаны-то не носили, вот оденешь на ножки чулочки, а на ручки кофточку повяжешь, а к платицу брыжички подошьёшь — чтоб разна, чтоб снарядна, хороша куколка была. (Воронежская область, 99)

Из соломы куклы вязали. Брали пук соломы и посередине этот пук перегибали — это получалась голова. А от туловища отделяли и разводили в стороны по несколько соломинок — это руки, а вниз — ноги, их обкручивали ниткой. И кукле делали красивый поясok. (Брянская область, 82)

Куклу из лучинок собирали. Вот берёшь одну лучинку — это туловище, да поперёк другую лучинку — это руки, и перевязываешь крест-накрест. Книзу лучинку расщёпишь — это ноги. Тогда делаешь из тряпочки головку, надеваешь на лучинку и сверху завязываешь платок — вот тебе и куколка получилась. Ещё рубашечку, сарафанчик шьёшь и юбочку оденёшь — это девушка. А парничок — его из лучинки выстругаешь и нарядишь — «попок» у нас называется. (Архангельская область, 14)

Сама делала игрушку, звали — опильщик. Брала деревянную болванку и вырезала туловище с головой и ногами. В ногах, в пятки вбивала два гвоздичка, чтобы он на этих гвоздичках, на остриях стоял. Руки отдельно делала и приделывала их к туловищу впереди. Потом выстругивала пилу — тоненькую дощечку с зубьями, длинную, сантиметров семьдесят. Пила эта прикреплялась в дырочку к рукам и тянулась вниз. К нижнему концу её подвешивала грузик: камушек или гайку. И тады, как готово, этими ножками, гвоздичками на самый край стола поставишь его и качнёшь. И он стоит на гвоздичках и качается, и пила вверх-вниз, вверх-вниз всё пилит и пилит. Может так и день целый опильщик болтаться, нескоро остановится. А малый дитёнок тады, в стойке этой сидя, всё глядит и глядит на него. (Смоленская область, 159)

Мячи у нас делали из овечьей или коровьей шерсти. Клок шерсти сначала скатывали шаром. Когда комок хорошо укатывался, его бросали в кипяток и оставляли там на полчаса. После вынимали из воды, вновь катали и только тогда

просушивали. Мяч получался лёгким и мягким, и прыгал, как резиновый.

(Архангельская область, 13)

Для ребятишек мячи плели из лыка. Резали ремешки из коры липы и плели. Внутри их делали пустые или набивали песком. Были и кожаные мячи, их набивали шерстью или конским волосом.

(Архангельская область, 14)

Дед внуку из дерева салазки вырубливал. Изукрашивал салазочки, всё там разрисовывал — такие красивые были. И санки-крядушки у нас тогда мастерили. В кузнице полозья к ним варили из железа и гнули. К полозьям три прутика деревянные приделывали, сиденье. Вот раз-два и готово, с горки катись, только не свернись.

(Волгоградская область, 93)

Лыжи ребятам сами делали. Хозяин брал две узкие и длинные доски из дуба. Концы досок он распаривал в кипятке. Потом концы связывал верёвкой и клином эти верёвки скручивал, так что концы досок у него выгибались. И так выдерживал, пока доски не высыхали. Крепления делал из кожаных ремней, а палки — из веток орешника.

И коньки у нас мужики из железа вырезали. К ним клепали плоские пластины сверху. Коньки эти привязывали верёвками к валенкам. И вот ребятня по льду речки гоняла.

(Брянская область, 77)

Заговоры

ЧЕЙ ДУХ ПРИЛЮБИТСЯ

Говорят: «Не смертная, так вынесет» — если заболевшему дитю не суждено умереть, то хоть что бы с ним там не было, а он выживет-оправится. Были бабки такие, что лечили наговорами. Есть же хворобы, что ни один врач не вылечит: огонник и озёва, исполох и призор, щетинка и оговор... А вот бабки наговорами да добрыми травами, разными обрядами лечили. И за это ничего не брали. Если совестно, то им платочек на голову, что-нибудь из материи на фартук купят. А так никогда бабки за лечение детей деньгами не брали. (Архангельская область, 55)

Есть такие старушки — заговоры знают. Одна заговаривает от сурот и сухот, другая — от грыжи и волосёня. Одна может это делать, а другая не может. От одной лекарки лучшает, а от другой не лучшает. Лишь тому дитёнку бывает от неё польза, чей дух прилюбится. Об этом и молитву читают:

*Господи, приступись,
Мой дух прилюбись.
Мой дух тихонькой,
Мой дух лягонькой.
Не сама собой хожу,
Господа Бога прошу:
Господи Боже, встань на помощь!*

(Смоленская область, 168)

Каждый заговор своё время знает: один на восходе красного солнышка говорят, другой на вечерней заре; есть что при рождении молодого месяца и при полуночнике, а есть что при его ущербе читают. И на заветные звёзды глядят, как они там тёмной ночью светят-горят. И нужный ветряк ждут со восточной ли, с западной стороны. Бабка-знахарка она всё знает: и где какую воду для наговора брать, и от какой болезни какой заговор шеп-

тать. Да не каждому дитю помогает, а только ежели ему бабкин дух прилюбится — дух духом помогает.

(Смоленская область, 169)

Случалось, что уже при родах младенцу позвоночник повредят или там ножку, ручку свихнут. Бабушки своими заговорами их вылечивали. И при рождении ему оберегу читали:

*Царь Ирод заклёл небо и землю.
Заклинаю и я, раба Божия Ольга,
Рабу Божию младенцу:
Ушиб, укус, укол,
Опорез, костоед и волосень;
Всем сыскам сыск,
Всем болезням болезнь,
Всем сибиркам сибирк,
Всем язвам язв,
Всем розам роза,
Всем ракам рак,
Гром, молния, вода и камень!*

(Волгоградская область, 88)

Чтобы ребёночка болезнь не брала, ему на шею вместе с крестиком вешали пуговицу с ртутью и уховёртку. Пуговичка, в ней внутри там ртуть, её раньше покупали; а уховёртка, как лопаточка, такая маленькая была, для ушной серки.

(Архангельская область, 55)

Лекарки могли лечить, много молитв знали, заговоров. Знали, какие лекарственные травы и цветы. Собирали в степи и лечили. Ну, а травы у нас: разнотравие, лекарственные — все есть. И бабушки лечили без лекарства этими травами очень хорошо. Лечили детей и купали в травяных отварах. У нас и чистотел растёт, и ромашка, и мята, и зверобой, и чебрец. Купали детей всегда в чистотеле: оттопишь его, потом в ванночку сольёшь и

купаешь. Была у нас такая Варвара Костромская, у ней разные травы всегда были припасены, она собирала, и у ней каждая травка пучёчками висела. Придёшь к ней, она всегда тебя выручит, найдёт нужную травку от любой хворобы.

(Грузия, духоборы, 104)

Травка толстушка (ещё её называют «партулак»). Она особенно в городах растёт и где виноградники. Толстушка жирная, аж красноватая, а листики маленькие, стелются по земле много-много. Вот её дёргали, летом — так клали в воду, а на зиму — сушили. В кипяток толстушку бросали, а как подстывала вода, в ней детей купали. Клали в воду для здоровья, чтоб здоровый ребёнок рос, полненький; она хорошо всё счищала. И от раздражительности, от нервов ребёнку эту травку давали пить.

(Краснодарский край, 114)

У меня трав и сейчас много. Травку всякую беру, купаю младенца: в зверобое и мать-мачихе, череде и подорожнике. Коренья молочая и дуропьяна собираю. Корни эти сушу на зиму, а потом на огне оттапливаю: в воду горячую кладу, и они кипят минут пять, после оставляю, и они настаиваются, и тогда уже в ванночку в воду добавляю, и купаю детей, чтобы на них ничего не было болезного.

(Волгоградская область, 93)

У нас в воду мяту бросали и шёлковую траву. Стояла кадушка, где вода была приготовлена для ополаскивания, и туда бросали. И вот когда ребёнка купали, черпаком воду зачерпывали и обмывали, чтоб запах мяты был. И в череде купали от всяких там болезней, от прыщечков на тельце.

(Краснодарский край, 115)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Старые люди говорят: болезни бывают разные — одни рождаются от земли, другие от воды, третьи рождаются от воздуха,

огня и травы; есть болезни тела, есть болезни от духа. От духа — это болезни от порчи недобрых людей. Вот взглянет на ребёнка недобрым, завистным глазом чужой человек, и захворает ребёнок. Тогда скажут: «Его верно кто оприкосил», или — «Ему с глаз пришло». И не только от лихого глаза такое бывает, бывает и от худого оговора. От слов, сказанных в сердцах или со злобою, завистью, или даже сказанных хотя и от доброго сердца, ласково, но не в добрый час, — от этого здоровый ребёнок может в миг сделаться больным, его будет ломать, и по ночам он будет кричать. От сглаза и оговора может и чирей вскочить, и опухоль внутрих выйти, и сухота — «урок», значит, случится. И тут одно спасенье — оберёга и заговор.

(Архангельская область, 23)

Очень чувствительны дети к сглазу. Ребёнка сглазить может всякий человек дурной. Глянет он на ребёнка, а тот без всякой там причины начинает во сне метаться, кричать, плакать. И оговаривать ребёнка может любой человек. Вот у меня Ваньку похвалили, что он спит спокойно по ночам, и с тех пор он стал как подменён, и день за днём кричит, плачет по ночам. А надо было, когда услышишь похвалу своему ребёнку, тут же добавлять слова: «В добрый час молвить! Ребёнок, будь здоров!» Чтобы не оговорили ребёнка, лучше маленького не показывать незнакомым людям. Чтобы избавить ребёнка от сглазу и от оговору, у нас тогда берут его на руки и держат вечером против света так, чтобы на стене отражалась его тень. Ножом рассекают эту тень два раза крестом. И так делают на трёх стенах подряд. Потом нож на ночь выбрасывают за порог.

(Архангельская область, 59)

Немочь, недомога у дитя может быть не только от болезни телесной, но и от «урока». Глядишь, полюбуется кто на дитёнка, а он и сглазится. Старые бабки говорят: «Худой дух достал». А знать, узорочен он или нет, можно так: повести надо рукой по глазам, по векам, и там всё-равно что горох будет в гла-

зах — «перелом» называется. Это значит у дитёнка урочное состояние, он как не в себе. Можно так же узнать «урок» и по-другому. Для того в ковш с наговорной водой нужно бросить несколько угольков. Ежели они шибко зашипят и перемётышком, и врозь ко дну пойдут — то дитя здоров, а ежели угольки плавают поверху грудкою — дитя болен. Чтобы избавить дитёнка от «урока», заговаривают воду и лечат ей.

(Архангельская область, 35)

Есть такой глаз — очень глазливый, глянет или подумает даже, и ребёнок заболит. От человека зависит: есть глаз лютый, есть радостный, есть мнимый, есть ненавистной. Молитвы читают от все сглаз: от красного глаза, от серого, от белого, от чёрного глаза, от заспатога глаза...

*Во имя Отца и Сына, Святому Духу!
Не я хожу, не я божу,
Ходя Пресвятая Богородица.
На лютые глаза — огонь да вода!
Поражённый — крещённый.
Господи, помилуй крещёную Анечку.
Сглазу — утренней зарёю.
Как утренняя заря истухает,
Так у рабы Божьей Анечки
Все скорби болезни-утихают.
Аминь! Аминь! Аминь!*

Ребёнка полечат, и проходит. *(Грузия, духовборы, 104)*

От сглазу бабушка несёт дитя в курятник или погрёбень, наговаривают на воду и читает: «У кого разные глаза — от чёрного глаза, от красного глаза, от разноглазого глаза, от болячего глаза. Суд-пересуд, кто судит, тому соли в нос, чемярицы в глаз!» И дитё перестаёт кричать. Есть и другой наговор, сначала читают три раза «Отче наш», а потом наговаривают:

Господи Иисусе Христе, Сыне Божий,
Помилуй нас!
Первым разом, Божьим часом
Шла Мать Пресвятая Богородица
С золотой цепочкой по золотому точёчку.
Цепочкой махнула, посошком брызгнула.
Разойдитесь, тридевять перелог с перелогами,
Тридевять недугов с недугами,
Тридевять чемеров с чемерами,
Тридевять поглазов с поглазами:
С радостными, с ненавистными, с денными,
С полудёнными, ковяными, ветряными.
От серых глаз, чёрных глаз и разных глаз.
От крещёной молитвенной младеницы Ольги
Идите на чистые воды, на тонкие болота,
Где люди не ходят, не ездят.
Там вам виться, там вам веселиться
По этот час, по этот раз.
И этому слава. Аминь!

(Волгоградская область, 94)

От сглаза почерпываешь из реки воду и в кружку наливаешь.
Помоешь иконку в этой воде и три раза читаешь молитву «Отче наш». И иконку над головкой ребёнка держишь, чтобы водичка по ней стекала, и заговариваешь:

От чёрного глаза, от белого глаза,
От девичьего, от молодичьего,
От казачьего, от ребячьего — отступи!
Матушка-река, текёшь сверху донизу,
Смываешь коренья и каменья,
Крутые берега, жёлтые пески.
Омой с раба Божьего Ванюшки
Скорбь и болезнь, тоску и испуг.
Кто подумал в худой час —
Тому соль в глаз.
Кто подумад в худой час —
Тому головёшка в глаз!

*Кто подумал в худой час —
Тому жару в глаз! Аминь!*

Когда ребёночек от сглазу болеет, нельзя переступать веник, всякую палку, пряжу.

(Волгоградская область, 89)

Вот ещё какой обычай был: на ребёнка в люльке со стороны головы смотреть запрещалось. Если человек придёт и посмотрит со стороны головы, это, значит, такой человек считался недобрым, желающим ребёнку зло. Вот посмотрел с головы и опризорил его, а ребёнок после мучается, не спит.

А то есть такой ребёнок полненький, здоровенький, а туда-сюда глянет кто-то на него чужой, посмеётся, и уже ребёнок кричит, как не свой делается. Тут говорят: «Ой, такое глазливое дитё». От призора, чтоб неглазливый ребёнок был, я делаю так: рано утром иду, чтобы никто не видел, беру с реки воду (звалась она «молчана вода», и нести её в дом — надо не разговаривать). В кружечку воды этой чистой, чтоб никто не пил, налью, «Отче наш» читаю. По две спичинки зажигаю и горящими так вот крестом проведу по воде. Потом ещё две спичинки зажигаю и провожу по воде, и так до трёх раз. Тогда этой водичкой ребёнку личико обмываю снизу вверх и головку, ножки вот так, ручки, животик. А в конце три раза брызну в лицо, в глаза, чтоб он даже испугался. И полегчает.

(Коми, 113)

Скажут: «Ах, какой хороший мальчик!» — и сглазят. Это сурота, «сурочи́ли», говорят. У маленького сразу появляются во рту под нёбом такие востренькие шишечки — «зубищи» называются. Тут у него температура, трясёт, весь он горит, красный делается. Соседка у нас дужа была на это дело, ловка. Как придёт только, что-то про мальчика скажет, так и разладит, он и свалится. Эту суроту лечат старушки заговором. Вот старушка пришла, зачерпнула воды в кружку. Подошла к печке, взяла угольки. В воду уголёчки насыпала, что-то там пошептала. И скрозь решето

лёт и скрозь ещё клямку — дверную ручку, а под низом чашка стоит, и туда вода стекает. И так три раза. И повторяет: «От чего стало, от того и пропало! От чего стало, от того и перестало!» И взялась смачивать этой водой маленькому от запястья рук до плечей, за ушками смочила, лицо помыла. Потом сделать три глоточка велела. А что осталось, вылила в угол двери. И мальчик здоровенький стал, как был раньше. И куда только что делось?
(Смоленская область, 168)

Были гости, к ребёночку подходили. Дочь говорит: «Ой, как у меня ребёнка-то оприкосили, опризорили! Да ревёт он у меня, зевает, плача. Что будем делать-то?» Я беру скорей в реке воду в ковш. Рисую на воде ножом крест и наговариваю:

*Вода-водица,
Вода-чари́ца,
Как смываешь и срываешь
Желты пески, круты берега,
Так срывай и смывай
С раба Божия Виталия
Все уроки, прикосы,
Щипоты, ломоты, приторы,
Опухольки, óтикольки.
Переполохи, родимцы и скорби,
Уйдите в чистое поле,
Там ветры раздуют;
Уйдите в синее море,
Как ключ ко дну.* ❀❀❀

Потом эту водичку ложечкой в ротик ребёнку наливаю и обязательно промываю ушки, личико мою на утренней и вечерней заре. И всё получается хорошо, не болеет.

(Архангельская область, 18)

Бабушка, умирая, мне сказала: от óзыга поставь воду из трёх колодцев. Двенадцать раз над ней прочти «Отче наш» и сделай,

только чтобы никто не видел и не мешал, так вот ножом крест по воде и скажи:

*На море на окияне стоял дуб,
Под тем дубом стоял стол.
За тем столом сидели три девицы,
Три девицы, три сестрицы.
Они шили, вышивали,
Болезнь Хфедосьину выгоняли.
Святой Увлас, спаси малу Хфедосью
От плохих глаз, от плохого часа,
От худого глаза, от дурного глаза,
От женского, от детского,
От лихого, от мужского. Тьфу!*

После сожги три спички и горелые головки в воду эту брось, и приглядывай: коли первая головка начинает туда-сюда — ти книзу, ти кверху сновать-плавать, то это значит, что поглаз женский; коли вторая головка — то поглаз девичий, а третья — то поглаз мужской. Тогда с молитвой умывай дитё этой водичкой и всё пройдёт. (Брянская область, 81)

От сглаза маленьким детям воду наговариваешь. Из кадки, когда вода в ней ещё не трогана и не пита, возьмишь её в ковшик. На шестке у русской печки этой водичкой три уголька окатишь и три раза говоришь:

*Стану, перекрещуся
И Богу помолюся.
Умоюсь росю,
Оботрись пеленою.
Из двери в двери,
Из ворота в ворота —
Под красное солнце,
Под ясные звёзды.
На море-океане,*

На острове Буяне
Там стоит православная
Пресветлая церковь.
В этой церкви стоит престол,
За престолом сидит
Пресвятая госпожа Богородица
Со всеми своими ангелами,
Архангелами, бо́гами,
Со всеми святыми апостолами.
Посылает пресвятая госпожа Богородица
Всех своих ангелов, архангелов,
Всех своих апостолов
В ключ за водой.
Вода-водица,
Чудная царица,
Как ты смываешь
С гор каменья-кременья,
Так смой с раба Божья Ванюшки
Все скорби и болезни
С лица негова, с тела белого,
С семьдесят семь костей,
С семьдесят восемь жил —
Как с единого! Аминь!

Мальчик-то от сглазу сутки как неживой был. И вот этой водой умываешь личико, лобик крестом моешь, потом ручки, колечки. И всё вторишь: «Спаси, Господи, от лихого глаза моего дитя! Чтоб никогда его не сглазили.» И попоишь немножечко этой водичкой, вспрыснёшь изо рта в него. А оставшуюся выливаешь под пята в дверь. И всё вылечивается.

(Бурятия, семейские Забайкалья, 84)

Раньше бывало так, что на Григория, тридцатого сентября, на пороге дома купали детей из решета — это от призору. А бабка-повивальница при этом заговор свой вычитывала:

Вода-водица,
Благодарница,
Смой, сполощи
С младенца Александра
Турчи и корчи,
Уроки, прикосы,
Кильи, овялки,
Синии опухоли —
С тридевяти жилах,
С тридевяти суставиц,
Из чёрных бровей,
Из ясных очей,
Из чёрной печени,
Из горячей крови,
Из пятной жилы.

(Архангельская область, 2)

Если дитя маленькое и у него беспокойство бывало, то подтапливали баню и его мыли. И знали, к какой бабке в селе надо нести мыть. Она там уж мыла дитя с приговором у себя на коленях. Воду для этого мытья брали из родника или настаивали из снега; брали и дождевую воду, и воду из реки. Когда брали из проточного места, то никогда не зачерпывали против течения. Считали, что вода, взятая по течению, убивает всю нечисть и даёт больному дитю помощь. Зачерпнув воду, наговаривали:

Матушка вода,
Обмываешь ты круты берега,
Желты пески,
Бел-горюч камень
Своей быстриной
И золотой струёй.
Обмой-ка ты моему дитю:
Все хитки, притки и призоры,
Скорби и болезни,

*Шипоты и ломоты,
Злу худобу.
Понеси-ка их, матушка-река,
Своей быстриной,
Золотой струёй —
Во чистое поле,
На синее море,
За топучие грязи,
За зыбучие болота,
За сосновый лес,
За осиновый тын.*

(Архангельская область, 55)

Когда маленького ребёнка от сглазу в байну несёшь, то говоришь:

*Уж ты, деточка,
Малолеточка,
Ходи в баенку,
Ступай в паренку.
Баенка натоплена,
Венички напарены.
Шильца-мыльца —
На окошечке,
Бела рубашечка —
На столбышке.*

Чтобы ребёнок спокойный был, моешь его с локтя. Это делаешь так: когда его намываешь, то и обкатываешь — и вот горсткой из таза черпаешь воду, руку согibaешь, и вода бежит с ладони по запястью и с локтя на ребёнка стекает. Это чтобы он не призорился. Иногда в руке какую-то тряпичку держишь и ей воду прихватываешь и с локтя поливаешь. Такая вот помывка была.

(Архангельская область, 8)

В байне младенца моют. Так вот сокращают — наденут ему чистую рубашку и придут в байну. В байне рубашку сымут и сразу её замочут в таз. Младенца вымоют, обкачивают будут. И вот этак зажмут в руку, в кулак, замочену рубашку и жмут, а младенец на колене под локтем. Вода на него по локтю и спадает. И приговаривают: «Как на этой рубашке уточки никто не мог сосчитать, так же раба Божья младенца никто бы не мог ни приисть, ни пригрызть. Тьфу! Отныне и до веку!» И ещё до трёх раз такто, чтобы не болел и его чтобы не опризорили, глаз чтобы на него никто не кинул. (Архангельская область, 14)

Вот ребёночек беспокойный лежит, мучается. Его в байну тащишь. Принесёшь в байну и обязательно первым делом пяточками прикладываешь к горячему потолку. Потом сама обмоюсь, сяду, чистую пелёночку себе на ноги постелю и ребёночка вот так на вытянутые вперёд ноги положу, молитву сотворю и начинаю трать. Парю его и аккуратненько растираю с мылом животик, грудку... (говорили: у ребёнка железа молочная увеличена, и у него всё болит). И лечишь в байне, для того надо в байне его парить и трать. Когда кончишь трать, водичкой споласкиваешь и заговор от уроков и прикосов читаешь:

*С гоголя вода,
С гоголюшки вода,
С раба Божьего Вани —
Вся его худоба,
Вся тягота!
С лесу пришла,
На́ лес ходи.
С людей пришла —
На́ люди ходи.
С ветром пришла,
С ветром уйди.
С моря пришла,
Пойди в синее море*

*Под камень, под колоду,
В холодную воду.
Уроки, прикосы,
Ветрены переполохи,
Все скатитесь,
Все с водой увалитесь,
Нигде не удержитесь!*

И ещё прискажешь: «Тем словам моим ключ и замок, крепкий заговор. Ключ — в воду, а замок — в гору!»

(Коми, 112)

Баню истопят и ребёнка заносят «на первый пар», чтоб распарился, разругманился. И берёзовым веничком или тремя прутиками из него легко так разгорячённого стебают и говорят:

*Берёзовый прут —
Самый лучший лекарёк!*

И когда все помоются, ребёнка на последний пар заносят, чтоб не болел, легко спал. А после обмывают и на воду наговаривают:

*Вода-водица,
Вода-царица,
Вода-благодарница,
Измой, испарь —
Рабицу Божью Татьяну!
На тёмную ноченьку —
Дай сну и покою!*

(Архангельская область, 28)

По-северному, слово «сглазили» не говорили, у нас говорили — «одумали», «на прикос пришло». Раньше, считалось, были колдуны, ворожеи, так могли одумать и оговорить ребёнка. Вот от этого в баньке три раза окачивали наговоренной водой и приговаривали:

Сама матери родила,
Сама от болезни исцелила.
Сокатитесь, совалитесь
Со бела тела,
С ретива сердца —
Все прикосы, ломоты.
Пойдите в чистое поле,
В широкое раздолье.
Там потешайтесь,
Там издевайтесь.
А над моим младенчиком
Не потешайтесь!

Обычно на полкѣ ребёнка наладят, развернут, распеленают и окачивают из тазика. (Архангельская область, 45)

В бане намывала ребёнка бабушка, окачивала и припевала:

Водицкя тякуча,
Младенец растучий!
Водицкя вниз да вниз,
Младенец вверх да вверх!

Это в бане каждый раз. Бани большинство были чёрные, тут каменка, тут полóк, а тут две лавочки, на них и моют. Ребѣнка на лавочку поставят и окачивают. А часть оставшейся воды выливают на столбышек и говорят:

Мою младеницкя Иванушко,
Оста́льною водиценьку вьлью на столбышек.
Как этот столбышек стоит смиренно да умно,
Не шерóхнется, не воро́хнется.
Так пусть мой младеницѣк Иванушко
Спит умнёшенько, смирёшенько
И не просыпается.

(Архангельская область, 49)

В бане перед матицей становишься, ребёнка обкачиваешь водой и говоришь:

*На матице сорок братцев,
И ни один не скорбует, не болеет.
Также и раб Божий Алексея
Чтоб не скорбел и не болел. Аминь!*

Когда заговор говоришь, проотив матицы стоишь и глазами как на икону смотришь. Потом веником ребёнка хвощешь на полкё, там повалеешь и обмываешь. А в банище у нас там камница. И вот три раза на камницу смытой с ребёнка водой кидаешь. Первый раз плескаешь, говоришь: «Для жару!» Второй раз: «Для пару!» Третий раз: «Для здоровья!»

(Архангельская область, 33)

Намоют в баенке ребятёнка, натягивают рубашку и наговор читают:

*Мыла в жарнице-парище.
Как из каменки жар,
А из дымника пар,
Так, скорбушки-болезни,
Покиньте детоньку.
Скачи, детка, конём,
Летай соколём!*

А по выходу из баенки три раза вслед читают обережь. А то найдёт такой наход, что малый в гробовые доски попадёт, вот и читали обережь:

*Чур-чур, моя дума,
Чур-чур, мои мысли,
Чур-чур, чужа дума,
Чур-чур, чужие мысли,
Чур — мужская и женская,
Чур — отцова и материна.
Никто бы не одумал*

*На рабу Божью Марью —
Ни девка-долговолоска,
Ни жонка-простоволоска,
Ни мужик еретник,
Ни старик волшебник.
Спите, дремлите!
Смола на язык,
Дресва вся бы на́земь.
Аминь! Аминь! Аминь!*

(Архангельская область, 39)

Чтобы здоровы были, не болели, «курят» детей дымом, взятым из русской печи. Говорят: «Давайте окуривать его помелом». Этим помелом, когда горят дрова в печи, распахивают, разметаю́т углы по сторонам, чисто выпаживают и на этот чистый подса́дят на лопате хлеба выпекать. И вот это помело в печи задымит жарко, дымятся корешки. Подойдут к малышонку, округ него размахивают помелом, «курят» и заговор говорят:

*Ку́рьтесь, па́рьтесь,
Су́роты, при́косы,
Щипоты, ломоты,
Скорботы, болезни.
Откатитесь, отвалитесь
С рабы Божьей Анюшки.
С леса пришли, на́ лес пойдите,
С людей пришли, на люди пойдите!*

(Архангельская область, 30)

Мать, когда видит, что её дитятка начинает в люльке маяться, выламываться, делаться беспокойным, кричать, то она его меряет, чтобы узнать, нет ли у него сглаза. Меряет суровой, мало крученной ниткой. Начинает свою мерку от плеча левой руки до пятки правой ноги, потом этой же меркой начинает мерить от плеча правой руки до пятки левой ноги. Если последняя мера не

совпадает с первой, считается, что младенец хворый, его опри- зорили, сглазили. Чтобы излечить, мать берёт эту нитку, которой меряла от плеча левой руки до пятки правой ноги, и складывает её так, чтобы получилось восемь ровных ниток. Сложенными нитками делает кресты на темени, ручках, ножках и спинке своего младенчика и говорит: «Исчезни, болеть, что напущена от чёрного глаза, от зла человека!» Тогда она складывает нитку кольцом и завязывает узел со словами: «Закрываю все дитятки- ны болести и хвори!» И в это кольцо протаскивает больного младенчика за ноги вверх спиной. Делает так три раза и говорит: «Ни колдун, ни знахарь, ни чёрный глаз — не глядел бы худо на нас! Болестям бы не прилипать, дитятке здоровым бывать!» После эту нитку мать зарывает на задворках в землю.

(Рязанская область, 139)

Спокон веков так велось: чтобы малого дитё не сглазили, где он спит, под подушечку в узелок соли щепотку положишь. А когда с дитём малым из дома идёшь на улицу, на руках несёшь, то гра- миночку, прямо вот мизерную солиночку под шапочку суёшь. И никогда никто уж не сглазит. Это мне бабушка моя говорила.

(Волгоградская область, 87)

От сглазу ребёнку клали несколько крупинок соли на лобик.

(Архангельская область, 43)

Чтобы не сколдовали и не сглазили маленького ребёнка, сы- пали ему в обувку мак или натирали маком на лбу, вот тут между глазёнок.

(Бурятия, семейские Забайкалья, 84)

От сглазов заговаривают молоко матери, чертят ножом по нему крест и дают пить младенцу. *(Свердловская область, 177)*

Есть трава урочница, её собирали и сушили. И как сглазят малого, эту траву заваривали и давали ему пить.

(Архангельская область, 57)

От сглаза младеничка обмывают крещенской водой, а в люльку кладут осиновой коры, её запах отшибает нечистую силу. Перед тем как показать младеничка чужому человеку, его обтирают полотенцем, висевшим в день Пасхи на иконах. А когда этот человек уходит, вымывают тщательно пол.

(Брянская область, 76)

Когда ребёнка сглазят, нужно взять лоскут от одежды или клочок волос того человека, который его сглазил. И этот лоскут от одежды или волосы самому старому в семье человеку сжечь на раскалённых углях.

(Нижегородская область, 133)

ИСПОЛОХ И НОЧНИЦА

Ребёнок долго не заговаривает — это бывает от испугу. Напуганный ребёнок может трястись. Может бросить этот испуг: на голову — и голову исполонёт; на руку — и руку сволонёт; на глаза — и ночью глаз не сомкнёт, будет кричать. Испуг «исполохом» прозывается. Говорят: «Ищи бабок, коли ребёнок испугался. Бабки помогают. От испугу можно вылечить, и всё пройдёт». Бабки от исполоху носили ребёнка в чужой рубахе в байну мыть. Воду брали из реки. И вот этой водой обмывали в байне от исполоху и наговаривали:

*Царь водяной,
Царица водяная,
Дайте мне-ко водички
Не для хитростей,
Не для мудростей,
А для здравия
И для здоровья
Рабы Божьей Маши!*

(Архангельская область, 55)

Если ребёнок чего-то испугался, то он каждый день в одно и то же время плачет. И надо этот переполох снять. У моего сына тоже было. Он на полу играл. А дедушка взял от гуся большое крыло, понёс по избе и так поднял его, занёсся. И вдруг малый ни с того, ни с сего так перепугался. И у него такой был рёв, каждый день, в одно и то же время, в двенадцать часов ночи он начинал реветь. И ничего не сделаешь, в люльке закрывается от меня с головой, выкручивается, кричит. Я уж обессилела. Пожилые бабки говорят: «Вези его в деревню Кубариху, там бабка одна снимает переполох». И вот я к этой бабке приехала. Бабка такая добрая, она приняла меня с ребёнком. Тут же баню испила и говорит: «Неси в баню малого, пойдём мыть». Вот мы пошли. Она мне: «Ты тут посиди и слушай, что я буду говорить». И вот бабка его взяла (ему было коло году, он ходил), завела в баню, начала мыть. Потом берёт три вички из берёзового веника. Хвóстает его этими вичками. И когда секёт — как крестит, и приговаривает:

Секу-высекаю,
Пéреполох сымаю
У раба Божья Ванюшки —
Из ясных очей,
Из чёрных бровей,
Из уст, из ушей,
Из могучих плечей,
Из белого тела,
Из ретивого сердца,
Из лёгкой печени,
Из горячей крови,
Из-под пятных жил.
Пойдите оттоле
В чистое поле,
В синее море,
Как ключ ко дну!

Первый раз она его помыла, и он первую ночь проспал. Я успокоилась и сама отдохнула, а я так устала. Мы три бани у ней мылись, оставались, и всё прошло. (Кому, 109)

Я своего дитя выхаживала. Раньше ж как жили. У нас корова отелилась. Куда бычка девать? Занесли тут же в избу. И едим, тут же и бычок у нас. А я стала дитёнка купать, посадила в корыто, а бычок меня как толкнул туда под руку, а вода горячая, я дитёнку — раз и ручку обожгла. И всё, дитё испугался. Вот кажут: «От бычка если испугался, кричит ночью». Тогда давай его вот — «испуг выливать». Испуг обязательно выливали, чтобы не случилось немоты или какой хворобы. Три раза надо каждый день на утренней заре. Берёшь свечённую воду от испуга. Маленького ребёночка садишь на порог, чашечку со свечённой водой держишь над его головкой. На края чашечки положишь две палочки — крестом. Потом берёшь воск, что с церковной свечки, разогреваешь его. И вот воск льёшь в чашечку в воду. После собираешь его обратно, снова растапливаешь и льёшь в ту же воду, и так до трёх раз. И помогало.

(Краснодарский край, 116)

От испуга лечу. На порог скатерть стелю, ребёнка сажаю и накрываю венчальным платьем. На головку кладу чашку с родниковой водой. Тогда растапливаю воск и в эту воду сливаю. За дитё мать спрашивает, а я ей отвечаю:

— Бабушка, бабушка, чего выливаешь?

— От чего раба Божья Оксана испугалась,

То и выливаю!

Выходи из ушей, из глаз,

Из рук, из ног, из белого тела,

Из ретивого сердца,

Из семидесяти семи жил,

Из семидесяти семи поджил.

Кому стих, приговор! Аминь!

Воск растапливаю и опять сливаю. Так до трёх раз. В воде от воска фигурка получается того, от кого сделался испуг. И всё проходит. А то дитё может калекой от испуга быть.

(Волгоградская область, 94)

Наговор от переполоха знаем. Надо посадить робя на порог и положить на головочку не владанный веничек. Тогда в одну руку взять чашку с топлённым жиром (лучше бараньим), в другую руку взять чашку со святой водой. В воду медленно выливать жир и читать:

*Выливаю я переполох
Из буйной головы,
Из чёрной печени,
Из жёлтых костей,
Из ногтей, подногтей.
Выливаю, выливаю
И за порог выметаю!*

Застывший жир на воде примет такой вид и образ, что покажет, отчего ребёнок испугался. И проделать так три раза. Когда он вылечится, жир отдать собачке.

(Волгоградская область, 87)

От перепугу, от исполоху — травку сполошку ребёнку дают пить. Как он затревожится, надо сейчас три уголька класть в водичку, в кружку, и через решето опыршнуть его, и всё пройдёт. Исполох не один, разный бывает. Вот гром громыхнул и испугал ребёнка — это одно; а вот собака набросилась — это другое; или вот чужой человек худо глазами зыркнул; или сам зашибся ребёнок; или ночью в чёрной темени что-то там ему привиделось-показалось. От разного разное и вылечивали. Просто — есть заговором:

*Я сама дитя носила,
Я сама дитя родила,*

*Грудью, молоком вскормила,
Во пелёнках уклала,
Сама исполох снимала —
С раба Божьего-то Вани.
Чтобы не боялся
Ни днём и ни ночью,
Ни утром, ни вечером
Ни стуку, ни грюку,
Ни рёву, ни грому.
Будьте, мои слова, крепки.
Аминь! Аминь! Аминь!*

И добавляют слова: «Утка в воду, ключ ко дну!» Или: «Замок в воду, ключ в зубах!» — это, значит, замок пал, а ключ в зубах, и ребёнок не задохнётся. (Архангельская область, 31)

От испуга у нас лечат так: вначале нарядут кудель нао́тмачь — это значит, прясть её надо в сторону от себя. И сами начинают мерить. Положат ребёночка на животик, ручку вытянут и от среднего пальчика крест-накрест с правой руки на левую ногу, с левой руки на правую ногу до большого пальчика — мерят этой кудельной ниткой. Первый раз измеряют и нитку отрывают, и мерят другой раз. Если ребёнок напуган, то одна нитка перед другой бывает коротка. Тогда связывают эту нитку в круг и три раза через неё продевают, протаскивают ребёнка. После нитку сворачивают, сжигают и ребёнку под носик дают понюхать. (Нижегородская область, 136)

Ребятёнка от испуга лечили. Становили его на порог к косяку двери и выше его головки дырочку в придверке проверчивали. Находили маленький осиновый колышек, застругивали его, давали три раза лизнуть малышу и забивали в эту дырочку на придверке. Это делали от испуга. (Краснодарский край, 116)

Вот, например, у малого испуг. Тогда в субботу, в солнечный день, в хате на пол садят этого мальчика, над головкой держат печную заслонку, молвят заговор и сеют на эту заслонку житные зёрна. И снимают испуг. (Смоленская область, 167)

От испуга ребёнка ставят перед раскалённым устьем печи. Глаза на огонь поглядывают и испуг спяляют.

(Свердловская область, 183)

Если ребёнок испугается какого-нибудь животного, то у этого животного отстригают клочок шерсти или щетины, жгут её и обкуривают ребёнка дымом. А если он испугался человека, то отрезают клочок волос, но тайно, когда этот человек спит. Волосы эти сжигают и пеплом чертят у испуганного ребёнка на темени крест.

(Вологодская область, 95)

Когда у ребёнка испуг, он сильно кричит — это криксы. Его несут в курятник под курей. Подсовывают под курей и кричат:

*Куры, куры, кочеты́,
Возьмите криксы под черты!*

Двенадцать раз надо сказать так, и получит малому, пройдёт хвороба.

(Белгородская область, 68)

Ребёнок ночью кричит, значит, — криксы. Носили под курник — криксы лечить. Носили, чтоб там куры кукарекали, и криксы уходили. Вот ребёнка под курник ложат и молитву читают:

*Куры, куры, возьмите свои криксы —
От крещёного, поражённого,
Молитвенного, рождённого Ванюшки!*

(Смоленская область, 157)

Не спит младенец, носили под курей. Понесут в двенадцать часов ночи, как куры сидят на крашесте (крашест — палочки,

жёрдочки такие, они сидят на них там). И тады этого младенчика, который кричит, под курами носят и говорят:

*Курушки-рябушки,
Шарушки, краснушки,
Рыжушки, чернушки,
Возьмита Манькину криксу,
А дайтя ей сладкий сон и покой!*

Вот так три раза приговорют, и ещё: «Крик, крик, выйди из младенца! Крик, крик, выйди из младенца!» Три раза повторяют и назад в дом. Святой водичкой помогают ручки, ножки, лысинку и спать уложут. И младеничек тады спит.

(Смоленская область, 159)

Как заболел ребёнок, волокут к бабке. Вот дитёнок не спит, кричит. Говорят: «Надо несть его к бабке Марье в Отходы, заговоры знает, она ж умеет от сурот». Принесли, а она от сурот не берёт. Тогда понесли к другой. Та умеет отговаривать от криксы — это когда дитёнок кричит. Вот бабка этого дитёнка берёт и несёт под куросадню — где куры сидят. Куры там наверху на жёрдочках, а она тут внизу отговаривает. Взяла она в одну руку хлеб-соль, в другую дитёнка, держит и отговаривает:

*Куры серы, куры рябы,
Куры черны, куры белы,
Не кричите, не цекочите,
Нашего сыночка не будите!
Ночники, ночники
Утренние, вечерние,
Ночные, полуночные,
Денные, полудённые,
Возьмите хлеб-соль,
А нашему дитю дайте покой!
Курушки-рябушки,
Возьмите хлеб-соль,*

А нашему дитю дайте покой!

Отговорила и выбросила хлеб-соль курёнку. После принесёшь домой, и спит дитёнок. (Смоленская область, 169)

Когда мальчик или девочка заболеют, плохо спят и кричат. То вечером несёшь их в курятник, когда куры на нашёсточки сели. Вот в ночь детей туда и говоришь:

*Куры-курушки,
Возьмите у Юли
Покрикушки!
Куры-курушки,
Возьмите у Вани
Покрикушки!*

Так три раза говоришь, и ребёнок выздоравливает, не кричит. (Воронежская область, 98)

У ребёнка бессонница, пяточки делаются блестящие, красные, и он сучит ножками пелёнки. Это ночница щекочет его за пяточки и не даёт спать. Тогда ему пяточки мазали сажей, а в молоко или молочную кашу добавляли мак, и ещё в люльку в головах клали чертополох. И выносили на крыльцо на три зари — две вечерних и одну утреннюю, и трижды наговаривали заговор:

*Заря-заряница,
Красная девица,
Возьми бессонницу,
Безугомонницу,
Утяни за околицу!
А дай нам сон-угомон
И доброе здоровье!*

(Волгоградская область, 94)

Вот запеленаешь сыночка на ночь в люльку, положишь, а он не спит, ворочается, кричит, и пяточки делаются розовые. Значит, у него — ночница. Тогда по-хорошему в одеяльце закутаешь и выносишь вечером на зарю. Откроешь дверь на самую улицу, становишься на порог и выговариваешь:

*Ночные ночницы,
Полуночные ночницы,
Ваши дети плачут — исть хотят!
Наши дети плачут — спать хотят!
Дайте рабу Божьему Вите сон-покой!*

Это от бессонницы. Потом заносишь мальчика в дом и опять в люльку его кладёшь, и он усypает.

(Краснодарский край, 115)

Если ночью ребёнок не спит и пятки красные, — это полуночница. От неё ходим на зарю. Вот заря стала, поднялась алая такая, бордовая. Завернула в пелёнку ребёночка и понесла на порог, носишь его округ «по солнцу» и просишь:

*Зорька-зорица,
Прекрасная девица,
Ты ревишь-плачешь,
Гулять ходишь.
А у меня дитя плачет,
Спать хочет.
Возьми бессонницу,
Дай нам сонницу!*

На полуночницу и веничком ребят в байне хвощут, и наговаривают:

*Зорька-зорица,
Зорька — красная девица,
Зорька — полуночница,
Не играй младеничкём,
Играй парным веничкём.*

*Не ходи, не чикочи́
На го́ре, одоленье младенца.
Ни по дням, ни по часам,
Ни по утренним зорям...
Во имя Отца и Сына,
И Святаго Духа. Аминь!*

(Архангельская область, 21)

Есть криксы, плаксы, ўросы — ночные и дневные. Они-то и не дают ребёнку спать. И вот каким избу метёшь веником, с угла к порогу подметёшь — и вроде как выбросишь за порог этих криксов-плаксов. А ребёнка держишь на руках и метёшь с ним. И после веником его легонько пошлёпаешь и скажешь:

*Криксы, ўросы, плаксы,
Ночные, дневные, полуденные
И радостные и завидные,
Ко мне в избу не ходите,
От раба Божья Вани отступите.
Если придёте, себе работу найдёте:
Веник берите, избу метите,
Младенца раба Христова — не будите!*

(Архангельская область, 62)

Когда мальчик мой не спит, беспокойный лежит, ревіт — «полуночница», скажут. Так помелом в печке подметёшь уголья и под качелью, где он болезный лежит, этим помелом с искрами кадишь. И три раза так повторишь:

*Пресвятая Богородица,
Ночная полуночница,
В изголовье не стой,
Ясных очей не дери,
Белого лица не щипай
У раба Божья, младенца.
На тёмну ноченьку покою дай.*

От полуночницы ещё и так говоришь:

*Ночная полуночница,
Денная полуночница,
Ходи, гуляй,
Бессонницей страдай.
А раба Божья младенца
Не май, не хватай!*

И мальчик засыпает. (Архангельская область, 18)

От полуночницы у грудничков бывают пятки красные, и ночь они не спят, плаксятся. И тогда на вечерней заре несут в баню. В чёрной бане ножки болезненького сначала трут о потолок с таким вот приговором:

*Как эта матица с потолочинами
Спит и молчит,
Никогда не реви́т, не кричит,
Так бы и сам молоденичок —
Спал бы и молчал,
Никогда не ревил, не кричал.*

От ночного крика грудничка поддержат ещё над каменкой и скажут: «Полуночница-шутиха, не тронь, не щекоти моего дитятка ни за ручки, ни за ножки, ни за белое тело». И окачивают водой. В эту воду кладут «печи́ны» — золу из трёх печей: избной, горничной и банной. Окачивают обязательно с таким вот приговором: «Полуночница-шутиха, не смейся, не гарься над моим родным дитятком. Смейся, где недобрые люди живут. Спи и не просыпайся!»

(Архангельская область, 61)

Когда младенец по ночам не спит и пяточки блестят, говорят — «ночница бьёт». От этой ночницы перед сном в чашку с водой опускают из печи три уголька и наговаривают: «Ночница-

матушка, не тронь моего дитя. Откуда пришла — туда и поди, своего хозяина ищи!» И этой водой маленького побрызжут и ладится, сон приходит.

(Архангельская область, 51)

От ночницы ножки ребёнка складывают вместе, берут из печи уголёк или сажу и вдоль и поперёк пяточек чертят кресты, и заговаривают:

*Ариды и Макариды,
Уймите и уговорите
У дитятка Вани ночницу.
Чтобы она век не была
И не щупала дитя
Век по веку,
Отныне и до веку!*

(Курская область, 126)

Вот у меня внучка Таня беспокойная, плохо спит. Я беру щётку, ложу ей в люльку под пяточки и говорю: «Полуношница, вот тебе щётка — играй! А не трогай мою внучку Татьянку. Она спит спокойно. Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь!» — и помогает. У нас бабушки говорят: «Вот ребёнок долго ревет, не усыпает, надо все четыре стекла с рамы в окне обмыть». Плещёшь так вот свежую воду на стёкла, соберёшь её потом в ковшик и умываешь дитя. А ещё стол скóблишь и обмываешь. С уголка стола воду льёшь из блюда. И ребёнка умываешь ей, а остатки через левое плечо выплескаешь.

(Вологодская область, 95)

Ребёночек не спит, ножками дёргает, и пятки красненькие у него, говорили: «Это щекотуха! Положь щётку на ночь-другую, так и пройдёт всё». Вот и ложили в ножки щётку, которой чесали лён.

А так ещё было раньше, что плаксивому ребёночку клали в зыбку полено, качали и приговаривали: «Расти, детонька, спокойный, как это полено!». От бессоницы и беспокойства всё повторяли: «Днём живи, а ночью спи! Днём живи, а ночью спи!»

(Архангельская область, 40)

Если ночница беспокоит мальчика, то делают лучок и стрелку, втыкают в люльку и присказывают:

*Щекотиха-будиха,
Вот тебе стрелка и лучок.
Играй стрелкой и лучком,
А не нашим дитём!*

А когда не спит, болеет девочка, то под матицу втыкают прялку с куделью и веретенем и кажут:

*Щекотиха-будиха,
Вот тебе прялица.
Пряди-попрядай,
А дитём не играй!*

(Владимирская область, 85)

От ночного крику, от пёреполоху, мальчику под ножки кладут топор и наговаривают:

*Ночница ночная, полуночная,
Утренняя, полуутренняя,
Денная, полуденная,
Вечерняя, полувечерняя,
Не тешься моим младенцем.
На́ тебе топор — секи и руби,
От моего младенца отойди,
Дай моему младенцу спать,
Уснуть и молчать.*

Девочке кладут под ножки прялку:

*Ночница-полуночница,
Не тешься моим младенцем.
На тебе прялку — сиди да пряди,
От моего младенца отойди,
Моего младенца не буди.*

(Брянская область, 78)

Болезнь «ношник» — бессоница. Для излечения выпекают колобан, ко́лоб на дрожжах, и дают есть ребёнку; запивать он должен квасцы.

Неугомонного, плачущего, не засыпающего ребёнка вынимают из люльки, поднимают вверх и три раза пяточками касаются потолочной матицы, и вторят:

*Ночница — Анна Ивановна,
По ночам не ходи,
Дитяtko моё не буди!
Вот тебе работа:
Днём играй пестом да ступой,
А ночью — матицей!*

(Брянская область, 76)

ГРЫЖА

Грыжи загрызали сразу, как ребёнок родится. Их сто грыж: кила-грыжа, тазоточеная, отрочная, сердечная, кровяная, пригно́йная, водяная, золотная, истовая, пуповая, паховая, мошоночная, тильеная, позвоночная, кильеная, жильная, десная, поясовая, запятная, подзапятная, костяная, сосцовая, родимая, привязная, ветряная; грыжа есть в становой кости, в пуповой жилы́, в руках и ногах; есть заноготные и чищальные, родовые и напускные...

Грыжи заговаривали. Возьмут чашку с материнным грудным молоком или масло сливочное, только свежее после коровки,

возьмут острый ножик. Двери все закроют и встанут перед иконкой здесь. Крестят ножом поверх молока или масла и говорят: «Сама мати родила, сама мати носила, сама и помогать будет. Аминь!». Покрестят ножом, а потом помажут так вот у ребёнка двенадцать грыж: здесь вот пупик, тут помажут мошоночку, тут помажут в паху, ручки помажут, ножки помажут, за ушками обязательно... И если это масло, то сюда на язычок дают; грудное молоко тоже в ротик.

Я-то вот сама двенадцать грыж знала. Со всего почти города ко мне ходили лечить. Заговаривала я и загрызала грыжу:

*Господи Боже, благослови!
Стану я благословясь,
Пойду перекрестясь
Из избы дверьми,
Из двора воротами.
Пойду в чистое поле,
Загляну за тридевять земель
И за тридевять морей.
Там на окиян-море,
В широком раздолье
Ходит щука бела,
Зубы укладны,
Хвост булатный.
Поедает-пожирает белые камни.
Приди, щука, к рабу Божьему Ване
И выгрызи у дитя грыжу
Своими золотыми, укладными зубами,
Своими булатными костями,
Своими острыми чешуями.
Испустись, грыжа, к поясу
И выйди мочью и шулями —
На дресвян камень.
Поживи три часа денных
И пойди, грыжа, на пустое место,*

Где солнце не гревает,
Где люди не ходят, не бывают,
Где птицы не летают,
Где звери не забредают.
Пойди, грыжа, за быстрые реки,
Пойди, грыжа, за гремучие ручьи!
Будьте мои слова замком замкнуты,
Ключом заперты — во веки веков!

(Архангельская область, 48)

Ребёнка грызёт грыжа, он не спит, мается, ревіт. Тут его распеленаешь и, если не знаешь, где у него болит, то прикусываешь каждое место: и пяточки загрызаешь, и пупок, и титочки, и мошонку. Прикусываешь тихонько зубами, будто загрызаешь, чтоб не больно было ему, и про себя шептаешь:

Я сама робя́ носила,
Я сама робя́ родила,
Я сама робя́ кормила,
Сама грыжу загрызала,
Сама грыжу заедала,
Заговаривала:
Не грызи, грыжа, меня,
Не грызи, грыжа, робя.
Грызи белый снег
И собачий след. Тьфу!

Плюнешь через левое плечо ребёнка.

(Архангельская область, 28)

Один мальчик, месяца три ему было, кричал день и ночь. Пулова грыжа у него, пупик висел большой, как от куриного яйца желток. Повитуха-бабка приходит к этой матери: «А вот я его вылечу». Распеленала она этого мальчика и давай лечить. Вот она взяла тёплую воду, обданную на дресве, и наговаривает:

*Бабушка Аникидушка
У Пресвятой Богородицы
Грыжу заедала
Медными щеками,
Железными зубами.
Так и я заедаю
У раба Божьего младенца.*

Наговаривает, а сама безымянным пальцем водичкой помывает против того места, где грызёт. Пупик трижды перекрестила, пелёночкой прикрыла и стала рычать, и касается пупика зубами, будто его грызет. И вот пупик после неё стал чернеть и опадать. И через десять дней совсем худое пропало, всё хорошо сделалось. (Смоленская область, 159)

У меня когда мальчик первый родился, и ревит, и ревит — помха у него, помшит его. Живот болит, он руками и ногами бьётся — пуп грызёт, дырочка там в пупе. У которого грыжа ребёнка, одна у одной учились заговаривать. Не требовался врач. Вылечивали сами. Вот плюют в пуп-то, крестят и заговаривают:

*Сама дитя носила,
Сама его родила,
Сама позыры примала,
Сама грыжу закусала.
Загрызала, закусала,
Заговаривала:
Грыжа бела,
Грыжа красна,
Грыжа чёрна,
Не грызи, грыжа, ребёнка,
А грызи щенёнка!*

Грыжу заговаривать бабушка меня учила.

(Архангельская область, 59)

Грыжа у нас сразу загрызаётся, как ребёнок родится. Хорошо, у кого не погрызёт. А то возьмётся резь да боль у маленького, в пупок погрызёт. Когда в пупок — это-то ещё сносно, а если мальчику мошонку прогрызёт, а девочке писульку — это повреднее будет. Ребёнок кричать может и до шести недель. Пеленаешь и каждый раз загрызаешь, пока у него весь пупок родовой не отпадёт. Загрызали зубами, лёгким прикусом, три раза. Вот зубами пупок прижимаешь и приговариваешь:

*Я сама дитя носила,
Я сама дитя родила,
Сама маялась, кусила,
Сама грязи проливала,
Сама грыжу загрызала,
Заговаривала:
И кильные, и жильные,
И пуповые, и паховые...
Не ешь, грыжа, не грызи у дитя
Ни пупка, ни брюшка, ни мошоночки.
Ешь, грыжа, грязи,
Свой костяной зуб.
Не тревожь дитя, не беспокой!*

И ещё такие слова в конце добавляли: «Утка во воду, ключ ко дну!» или «Замок в воду, ключ в небо».

(Архангельская область, 20)

Чтобы не болел грудничок от грыжи, говоришь заговор. Так пальцем мизинным водишь округ его пупка, перстом окрестишь и заговор проговариваешь. И три раза пупочек прикусываешь зубами легонько, чуть-чуть.

И мышкой загрызали. Примета такая старая есть. Вот кладут ребёнка навзничь и платочек чистенький на пупочек застилают. Ловят мышку и на пупочек пускают. За хвост её держат и она немножко погрызёт пупочек чуть-чуть; это с приговором:

*Грыжа. грыжа,
Съешь её мыша!
Чтоб у Тани грыжа не болела,
А у мыши чтоб заболела.*

(Волгоградская область, 87)

У малого как живот заболит, засвербит — так беспокойный делается. И его в байну несут. Там его моют, повалят к себе на колени кверху животом. Мыльцем натрут и животик гладят-потирают. И скажут: «Бабушка мыла, парила дитятку Ваню в парной байне. Заедала, загрызала и заговаривала грыжные грыжи у дитятко Вани в становой кости, в пуповой жилы, в руках и ногах — заноготные и чищальные грыжи. Не троньте и не грызите, грыжи, дитятко Ваню ни в день и ни в ночь. Пойдите, грыжи, из сеньцей воротами, из байны дверьми в чистое поле. В чистом поле есть сер камень. Грызите, грыжи, серый камень». Так в байне и намоют. Было ещё, что на грыжу — на пупик, положили старинный медный пятак и завязывали тряпочкой.

(Архангельская область, 33)

Ребёнка грыжа грыжит, грызёт. Старухи определяли грыжу по-разному. Если, к примеру, у мальчика в мошонке одно яичко больше, а другое меньше, то это уже, значит, грыжа. А так было, что когда родишь ребёнка, сразу и загрызаешь: «Мать тебя родила, мать тебя и загрызает — зубы то в роте, язык-от замók! Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь!». От грыжи маленького кормишь больше свёклой и конопляным семенем, давали и серный цвет.

(Вологодская область, 96)

От грыжи сначала надо перекрестить пупочек, а потом вокруг него водить мизинцем по кругу и три раза повторять:

*Грызъ-грызъ!
Не грызи Алёше живот,
Грызи сук-сучок!*

*Как суку лежать, не шевелиться,
Так грыже по животу не расходиться!*

Грыжу лечили и горючей серой. Берут серу с сосны, растопляют её и сырого яичка капнут, всё это разболтают и накладывают ребёнку прямо на пупок. И она оттягивает, помогает, сера всё расчищает. (Волгоградская область, 94)

Болеет сынок, грыжа грызёт. Подойдёшь к люльке:

*У кошки боли,
У собаки боли,
А у Ванюши —
Век пупочек,
Век пупочек
Заживи!*

Настой листьев крапивы на горячей воде сделаешь и дашь от грыжи пить. И ещё кормишь больного дитя серой, наплывом от сосны. Когда кормишь молоком дитя, серу в порошок сотрёшь, потом соберёшь и мажешь себе сосочек на груди, и он сосёт грудь, и вместе с молоком сера попадает.

(Грузия, духовборы, 101)

От грыжи ребёнка поили пихтовой или еловой серой. Когда на улице жарко, солнце печёт, сверху по дереву вот таким ручейком течёт сера. И вот эту серу собирали. Дома её растопляли, нагревали и с молоком давали ребёнку пить, чтобы грыжа не получилась, чтоб затянуло пупок. Всегда говорили: мальчиков грыжа грызёт больше, чем девочек. И поили от грыжи его же мочой, моча-то полезна, там соли...

(Коми, 113)

Чтобы грыжи у ребёнка не было, делали так: сразу как он родится, тёрли красную шотландку-буряк. Тёрли на тёрке, в марличку завязывали и давали ребёнку. Это первым долгом давали,

как родится. В ротик ему засунут, и он лежит, сосёт. Это для того, чтобы грыжи не было.

(Краснодарский край, 116)

У младенца грыжа, от неё помогала грыжная трава. Старушки собирали её далеко от деревни на болотах, звалась она ещё «венерены волосы». В начале июля её собирали и сушили. Вот младенца в пупик или в мошонку грыжа погрызла. Сделали настойку из грыжной травы и водки, помолились перед иконой, наговорили на эту настойку. И по чайной ложечке поили младенца, и грыжи не стало, пупик весь втянуло. От грыжи ещё была травка молодильце. Делали настой из её листьев, эта трава помогала. Собирали и траву изгон, её в лесу рвали, сушили, заваривали и поили, она от грыжи одномесячному ребёнку. От грыжи и майская травка (селезёночник ещё она называется). Цветёт эта травка в мае; её высушивали и заваривали на крепком чаю.

(Архангельская область, 55)

ПЛЕСНЯВКИ И ЩЕТИНКА

Когда только родится ребёнок, первая болезнь — это плеснявки. Весь язычок у него покрывается белым налётом, и сосать грудь он не может, и слюночка изо рта всё вытекает. Бабушка говорит: «Вытирай слюньки ему своим волосом». Вот своим волосом и наматывала. Косой наматываешь — хорошо вытирать. Вытру утром и вечером, по два раза в день, и проходит.

(Краснодарский край, 116)

Плачет малёночек, слюнишки у него текут, он в неудовольстве. Значит, берёшь и делаешь так: сначала мнёшь-разминаешь руками шейку ему, после выносишь его наружу со двора, смотришь в лес на дуб и три раза повторишь:

Дуб, дуб, возьми слюнишки!

Дуб, дуб, дай хороший глот сынишке!

Это чтобы слюнишки не текли и глотать стало легче.

(Воронежская область, 99)

Когда «жаба» у ребёнка, он бедный мучается, слюньки у него изо рта текут. Чтобы хворобы не было, наговор читаешь:

*Стоит дуб,
А из-под дуба
Шли семь баб,
Шли семь жаб.
От семи до шести,
От шести до пяти,
От пяти до четырёх,
От четырёх до трёх,
От трёх до двух,
От двух до одного
И ни одного!*

(Белгородская область, 74)

Ребёнок может не спать от родимой грязи, тогда в нём зарождается щетинка. Ночью у него это щетинка появляется на спине и плечах. Чтобы её вывести, сначала ребёнка натирают мылом, обмывают водой, а потом парят в печке на лёгком жару и приговаривают: «Я мою и парю, ношную-полуношную щетинку унимаю. Не будь, щетинка, у ребенка, будь у свинёнка!». Когда ребёнка хорошенько выпарят, толкут квасцы и смешивают их со слюной, и натирают ребёнка до трёх дней. И щетинка пропадает.

(Архангельская область, 26)

Когда ребёнок родится, там что-то в позвоночнике сразу делается. И он беспокойно спит, выпинается — выгибает всё время спинку вверх. Чтобы он не выпинался, не тянулся, а спал спокойно и спинка у него не болела, берёшь и насыпаешь в тряпочку древесной золы. И вот когда купаешь ребёнка и выпариваешь, то этот узелочек с золой кладёшь ему под головку, под самую

шейку. Потом смотришь, развяжешь этот узелочек, и в этой золе полный комочек волосу будет, вся эта зола из волосиков таких маленьких будет. После этого лечения он тогда не будет тянуться, а спокойно станет спать. *(Краснодарский край, 114)*

У моей внучки щетинка была. Врачи не могли понять, не знали, что у ребёнка такое, что он не спит, весь в зыбке изгибается, ворочится. Одна бабуля говорит: «Возьми тесто свежее, живое тесто с дрожжами. Ребёнка в бане распарь и тесто размотай по телу, а потом в жару водичкой помой. И будешь узнавать, что там щетинка у него — как настоящая шерсть у свинёнка, накатаешь целый валик. И впоследствии он уже будет спать. а нет, так ещё раз повторишь». До трёх раз у меня было — намазывала внучку живым тестом. И взаправду накатывала столько шерсти, будто со свинёнка. Мне говорят: «Покажи!». А как показать, если я ночью в баньке катала. *(Архангельская область, 8)*

Бывает, родится ребёнок с щетинкой. И она беспокоит его. Тогда мёд с мукой наминают. Намнут и тестом этим вытирают из него эту щетинку. Катают тесто по спинке, и щетинка вся в тесто уходит. Так столько-то навывают её из него. И говорят: если убирать и не уберёшь полностью, то она обратно пристанется. *(Вологодская область, 95)*

Щетинка сама родится. Неделю баню топят — щетинку выводят. Тесто кислое наладят, возьмут шерсти маленький комочек от овцы и накатывают его в тесте. Напарят в бане младенчика и нашёркают спинку ему, вот всё на тесто-то и липнет. Смоют и опять тестом накатывают, натирают три раза. И вот тесто-то смывается и в нём щетинки вот такие, словно седые волосочки. Потом это тесто собакам бросают.

(Архангельская область, 43)

Мой сыночек подпревал. И вот что делали, какое средство было: брали между корой и стволом ивы или берёзы прослойку,

называется луб, нарезали маленькими кусочками и высушивали. После эти кусочки мельчили в порошок и делали ребёнку присыпки. Сыпешь на места, где у него подпревает, эту пудру, и она прямо всю влагу впитывает. *(Коми, 113)*

Если у младенца преет в складках на шее, в пахах или подмышками, то посыпают на эти опрелости чечевичной мукой или древесной червоточиной, печным песком или порошком из измельчённого чёртового пальца. *(Архангельская область, 46)*

Бабушка с маленьким дитём ходила в лес. И вот при ходьбе у него протирались вот эти места, между ножек. А вокруг были лужицы, маленькие болотца-застойны. И вот когда вода утихала, уходила, такой мокренький ил оставался. И вот бабушка наклонялась, илу вот так прямо рукой набирала и места, где у дитёнка натёрлись, смазывала. *(Краснодарский край, 114)*

Когда у малыша сильно потеют ножки, то их присыпают истолчённой в мелкий порошок дубовой корой, надевают чулочки и не снимают всю ночь. А утром смывают водичкой весь этот порошок. Делают ещё и так: помогают ребёнка и протирают ножки отваром дубовой коры, и не вытирают, а дают ножкам обсохнуть. *(Архангельская область, 56)*

У ребёнка зуд, раздражение на коже, тогда делаешь смесь из крапивы, соли и яичного желтка и три дня смазываешь больные места. Или вот по-другому: берёшь один стакан берёзовых почек и завариваешь стаканом крутого кипятка, кипятишь двадцать минут и, как остынет, процеживаешь. И протираешь кожу этим отваром. *(Коми, 111)*

От чесотки и зуда первым делом ребёнка паришь в баньке, веничком похлёстываешь его и наговариваешь:

*Идёт красна девка с сухим веником,
Тушит, гасит баенную нечисть,
Да мокры коросты.
Как у этого веника листки сухи,
Так были бы и коросты сухи.
Как у этого веника листки падут,
Так бы и чесотка спала.*

Потом смешиваешь серу со сливками и дёгтем и мажешь
больное место. Так и выводилшь чесотку.

(Архангельская область, 18)

Повитухи были. По маленьким детям ходили. За повитухой и
сами придут, к больному ребёнку позовут, они и знахарками зва-
лись. Какие-то причиты у них были, наговоры; чего-то они там
знали, чего-то там нашёптывали. Верить — не верить? А вот у
моего парничка случилось такое рожистое заболевание, красно-
та такая, она пошла-пошла по всей ручке. Это рожа. И вот зна-
харка приходит, ножом вот так вот кругом этой рожи очертила-
очертила, потом наговоренной водичкой покропила, нашептала,
накрестила, и рожа остановилась на том месте, где она ножом
накрестила, и дальше не пошла, дальше не воспалялась. И так
всё прошло, как и не было. И как тут не верить?

(Архангельская область, 47)

Малыш головку чешет и чешет, перхоть у него, кожа совсем
сухая, волосики выпадают. Так я беру корни репейника, кладу в
котелок и заливаю водой, чтобы она только прикрыла их. Потом
ставлю в печь на лёгкий дух. Стоит, пока корни не размягчатся.
Тогда остуживаю и этот отвар процеживаю. И каждый день сма-
чиваю волосики ребёнка этим отваром, пока они не укрепятся.
Или вот беру горстку сухих измельчённых листьев крапивы и
заливаю стаканом крутого кипятка, и час настаиваю. После этот
отвар процеживаю и, когда помою головку малышу, этот отвар

втираю. Помогает очень хорошо. Некоторые делают отвар и из шишек хмеля.
(Белгородская область, 68)

Это очень плохая болезнь — экзема, врачи её не лечат, только могут притормозить. Красные пятна на лице и шелушатся так, такой шелухой. У нас тут бабка шептала от этой экземы. Она как-то коло сўка в стене водила пальцем. Вот вокруг сучка в стене мизинцем так поводила-поводила, тогда и вокруг экземы. И приговор приговаривала. Потом толкла серу, сметаной растирала и мазала. И всё у дитя сходило, всё заживало.

А мы-то по-простому эту экзему лечили. Этому самому малышу, у кого экзема есть, как он только сходит по большему, так это берёшь на чистую бумажечку и три раза приговариваешь: «Говно говном отгоняю!» — и прикладываешь на худое место. Главное, чтоб было своим и тёпленьким. А тогда ночь малыш переночевал, смысл это всё ему. И экзема проходит.

(Смоленская область, 160)

Родился мальчик с лишаями. А бабушка бурббит: «Это потому, что матка-брюхатка перед родами ступила в круг на полу, что оставило по себе мокрое ведро». Лечила бабушка эти лишай пеной, выступающей из ольховых дров, когда они горели в печи.

(Смоленская область, 170)

Чтобы вылечить у ребёнка лишай, надо водить крестом наперекосяк пальцем или иглой по болячке и прочитать три раза подряд:

*Лишай, лишай,
Со свиньями ты водишься!
Свинья тебе не мать,
Молочка тебе не даст.
Как ты сохнешь,
Так ты и сдохнешь!*

(Волгоградская область, 87)

Лишай — вот такое пятно свербущее делается. По́том лечили. Плиты когда затопят, окно потеет. И вот лишай тем потным — раз и примазал, а после солью сверху, немножко солички. И собачьим говном лечили. Ещё брали картофелину и вырезали ямку, дырочку такую вовнутрь, брали щепотку соли и туда в эту дырочку сыпали. Эта дырочка после набиралась водичкой-соком. И вот лишайные места этим соком и мазали.

(Краснодарский край, 114)

Когда у младенца огóник — мокрый лишай лица, то принимаем его лечить. Топим печь, зажигаем пучок лучинок и три раза прыскаем на него изо рта святой водой. Дымом от тухнувшего пучка окуриваем больного младенца и три раза повторяем:

*Огонь-огневой,
На тебе мокрый,
Дай мне сухой!*

И прикладываем к огонику присоленное тёплое яйцо.

(Курская область, 121)

Золотуха у детей называется — просóнье. А о золотушных говорят — тяжёлый в глазах. Против просонья старушки-лекарки наговаривают на козье масло:

*На море-океане,
На острове Буяне,
В саду райском,
Под деревом царским
Лежит камень
Сорока сажень.
На этом камне
Сидит старуха,
Придувает золотуху.
-Золотуха-красотуха,
Тебе тут не быть,*

*Тебе тут не жить,
Сустав не гноить,
Костей не ломать,
Силку не брать!*

И этим маслом золотушные болячки мажут. И поят смородиновым листом, отваренным в молоке. (Коми, 111)

Для того, чтобы у детей не было золотухи, чтобы выгнать её из организма, поили чередой. И купали в череде, в корыто её сырую бросали и сушёную. От золотухи делали настой листьев мать-мачехи. И кормили детей калиной. Ягоды собирали в конце августа и парили в печи на вольном жару.

(Волгоградская область, 93)

Моей дочке три месяца было. И за ушком у неё вдруг случилось, аж светилась дырка. Дитё крутит головкой, а что не поймёшь. А бабушка говорит: «Это золотуха у неё». Врачи уж хотели резать ей косточку вот эту, уж что там думали, не знаю. А бабушка вылечила коровьем навозом, кизёк называется. Нагрела она его на железочке на плите, чтобы тёплый был. Приложила, сверху тряпочкой покрыла, обмотала. Три раза прикладывала. И втянуло всё за ушком, всё зажило. Говорят ещё, что от золотухи выпаривают ребёнка в бане и золотушные места омывают щёлоком и мылом.

(Краснодарский край, 116)

НИ ОТ КА́МЕНИ ПЛОДУ

Раньше нарыв назывался — чирей. Вот ищут сук в стене или на полу. И этот сук очерчивают ножом и читают заговор:

*Чирей-Василий,
Нет тебе дела
До моего тела.
А есть тебе дело
В чёрном суку!*

Тыкнешь ножом в сук и опять говоришь. И ножом в сам чирей нажимаешь. Нарывчик, как гвоздик-то, и выскочит. Внучек говорит: «Бабушка, гвоздик выскочил!». Чирей потом поблѣкнет, не будет нарывать.

(Архангельская область, 28)

Если чирей у ребёнка вскочит, у нас — верида называется. Его заговаривают. Сначала проводят ножом крест на самом нарывчике, а потом на суке в стене и говорят:

*Без ног пришёл,
Без крыльев прилетел,
Без зубов укусил.
Как в стене сук сохнет,
Так же и чирей, подсыхай;
Вверх ни поднимайся
И в ширину не раздавайся
У рабы Божьей Марины.
Во имя Отца и Сына,
И Святого Духа. Аминь!*

К нарывчику ещё прикладывают репейный лист или мелко растёртое и смешанное с водой льняное семя и наговаривают:

*Чирей-чирёк,
Сверху красней,
Из середины черней,
А снизу подсыхай
И вовсе не бывай!*

От чирея ещё ребёнка поят настоем травы медвежьей ягоды.

(Архангельская область, 55)

Когда чирей, берут полено с сучком, по нему чертят ножом кресты и читаю приговор:

*Как этот сучок сохнет-вянет,
Вперёд не идёт.
Так же этот чирей,
Сохни-вянь, вперёд не иди -
У Божьего младенца Татьяны.*

Потом этим ножом чертят три раза крест и по самому чирею.
(Архангельская область, 13)

У парня родимец, не проходит нарыв. А он-ти малёшенький ослаблен. Я прошу: «Штобы тебе, бабка, пошуптать». Бабка взяла из печи уголёк, водит вокруг нарыва и шептает:

*Ни от ка́мени плоду,
Ни от чирея руды,
Ни от пу́пыша головы,
Умри, пропади!*

Крепко сверху прижала угольком этот чирей и бросила уголь на улицу со словами: «Откуда пришёл, туда и ушёл! Откуда пришёл, туда и ушёл!». После сняла с солёной рыбы кожу и привязала к больному месту. И всё вычистило, ничего не стало, всё разъело хорошо.
(Архангельская область, 62)

Чирей у малютки выскочит. Бабка, что знахарит, возьмет нож и этот чирей остриём крест-накрест зачертит-зачертит-зачертит и говорит: «Через три черты, чёрт, не ходи! Через три черты, чёрт, не ходи!». И на самом деле пройдёт этот нарыв, дальше не пойдёт.
(Архангельская область, 47)

От нарыва дают детям пить отвар можжевеловых ягод и лежат муравейником. Берут в туес муравьёв вместе с их яйцами. Потом их раздавливают, пересыпают в лохань и заливают крутым кипятком. Из тёплого отвара делают для больного места ванночки. Есть и заговор против чирея:

*Как у камня плода нету,
У сырой земли углу нету,
Так у раба Божьего Вани
Чиреям места нету.
Будьте мои слова
Хуже острого ножа!*

(Архангельская область, 2)

Чирей лечат серой с лиственницы. Вот ковырнут с дерева полосу коры с заболонью (на ней выступает самородная смола, сначала она жидкая, а как масло улетучивается, она густеет). После в глиняный горшок кладут щепки, а на щепки эту кору с серой. Туда наливают воды, ставят горшок в печку и топят. Сера нагревается и скатывается с коры, её берут и в холодную воду бросают. Эта сера чище смолы и не прилипает. Её разжёвывают во рту, делают лепёшкой и к ранке прикладывают с ветошкой. Она из раны вытягивает дурь, легко очищает. Когда лечат, читают две охраняемые молитвы. А после чирей очерчивают угольком и заговаривают: «От десяти до девяти, от девяти до восьми, от восьми до семи, от семи до шести, от шести до пяти, от пяти до четырёх, от четырёх до трёх, от трёх до двух, от двух до одного, а у раба Божьего Николая — век ни одного. Аминь!». И так читают три раза, и в сторону через плечо плюют. *(Коми, 83)*

От нарыва нужно взять обыкновенную луковицу, испечь её, чтобы мягкая была и тёплая, разрезать и резаной стороной приложить к чирею и завязать тряпкой или платком. Менять луковицу нужно три раза в день, и она хорошо вычищает. Или вот где берёзка маленькая, содержи со ствола скалку — тонкую берёсточку, а с этой скалочки ещё самую тоненькую, смочи слюной и прилепи к нарыву. Разъедает, и, где что нарвало, всё напрочь вытягивает, всё вычищает. *(Архангельская область, 62)*

У ребёнка болячка, так безымянным пальцем вокруг неё водишь и приговариваешь:

*Этому пальчику имени нет!
А тебе, болячка, тут места нет!*

И обязательно пальцем нажимаешь на болячку. И берёшь ещё ржаной хлеб, побольше посолишь его и пожуюшь. И изжёвку эту наложишь на самый очаг. Или ржаной муки смешаешь с мёдом, слепишь лепёшку и приложишь к болячке или гнойнику. Покроешь сверху берёстой и тряпичкой обмотаешь. И всё у дитя заживёт, и чисто всё будет. (Архангельская область, 65)

Отговаривают от скул. Скулы — это потайные нарывы, бывают от порчи, сглаза, их много, они под кожей и невидимы. Когда читают заговор, то дитёнка кстят:

*Господи Боже, благослови!
Всех двенадцать скул:
Ску́ла-рязу́ха,
Скула — паруха,
Скула — завистная,
Скула — радостная,
Костяная, посмеиная,
Женская, мужская,
Девичья, ребячья,
Выйдитя из Ванюшкиных
Из губ, из зуб,
Из внутреннего живота.
По костям не ходитя,
Костей не ломитя,
Зубов не рвитя,
Тельце не знобитя.
Идитя на мхи, болота,
На гнилые колода.
Там остановитесь,
Там распокладитесь,
Там вам тёплая хфатёра,*

*Мягкая постеля,
Где дух не дышит,
Жилы не бьются. Аминь!*

От сглазу и чиреи садятся, называется — сучье вымя. Они могут плодиться по всему тельцу дитёнка, очень тяжёлые — подмышкой. Вот бабки заговаривают их заговором, берут только что парной испечённый хлеб, отламывают мякиш, катают шарик и прикладывают на больное место. И вылечивают так.

(Смоленская область, 169)

Когда у ребёнка ячмень на глазу, нужно взять ячменное зёрнышко, прикоснуться кончиком к болячке, поворачивать головку малыша на все четыре стороны и приговаривать заговор:

*Солнце на запад,
День на исход,
Сучок на глазу на извод!
Сам пропадёт,
Как дым из печи уйдёт!*

И так три раза повторять.

(Коми, 106)

У детей ячмень на глазу я сама заговариваю. Сперва читаю «Отче наш». А потом начинаю от переносицы сюда кукишом крепить глаз:

*Ячмень, ячмень,
На тебе ку́киш,
Што хочешь себе купишь.
Купи себе топорок,
Сяки ево поперёк,
Поперёк. поперёк!*

И с последними словами большим пальцем прижимаю ячмень. И вот так три раза. Тогда ещё говорю: «Не я тебе помогаю,

и не я пособляю. Помогает Пресвятая Матушка Богородица. Своими устами вызывает, своим духом помогает».

(Курская область, 122)

Ячмень на глазу у нас прозывают — сучьим сучком. Глазик ребёнка с этим сучком крестят мизинцем и читают:

*Ячмень, ячмень,
На тебе кукош!
За кукош —
Кобылку купишь.
Кобылка сдохнет,
Ячмень отсохнет!*

И три раза плюют через левое плечо. После на глазик, на этот ячмень, накладывают тёпленький мякиш только испечённого ржаного хлеба.

(Воронежская область, 98)

От ячменя глаза промывали. Хмель под плетнём рос. И вот хмель собирали, когда он уже отцветал. Брали только шишечки хмеля, запаривали их в кипятке и этим отваром промывали глаза. И лучком лечили. Лук в печку на лёгкий дух на под ложили (под — кирпичами в печи выложен, когда дрова там протопятся, он горячий). И вот лук там пёкся, становился мягкий и горячий. В тряпочку его заворачивали, глаз ребёнку закрывали и луковичку эту печёную прикладывали. Помогает хорошо от ячменя.

(Краснодарский край, 114)

ВЯЗАТЬ УЗЕЛКИ

От бородавок вязали узелки. У моего внука было сорок шесть бородавок на обеих руках. И вот старушка говорит так: «Бородавки надо завязывать ниточкой». Взяла она льняную нитку и завязала сорок шесть узелков. Все сорок шесть узелков на одну ниточку, и касалась узелком каждой бородавки. Потом эту

ниточку она на задворках в навоз закопала на зиму. А когда прятала старушка, приговаривала:

*Ниточка, сгни,
Бородавочка, пропади!
Ниточка, сгни,
Бородавочка, пропади!*

И вот они у внука все пропали. Ниточка сгнила и бородавки сошли. *(Смоленская область, 168)*

Бородавки перевязывают. Чёрную нитку берут и каждую бородавку завязывают ниточкой. После нужно эти ниточки с узелками поснимать и в копыто между пальцев корове положить. И как сопреют ниточки, и бородавки пропадут.

(Смоленская область, 160)

Сводили бородавки у детей соком чистотела. Или вот высыпала у внука — вся ручка в бородавках. Я взяла яблоко и потёрла-потёрла место, где бородавки, а потом это яблоко положила к свиньям под корыто. Нужно класть в такое место, где сырое-гнилое делается. И прошло, ни единой бородавки не стало.

(Краснодарский край, 114)

По-своему лечили бородавки ребёнку. Брали молодую картофелину, разрезали пополам. И одной и другой половинками натирали бородавки. И лечили ещё соком чеснока. Несколько раз в день натирали бородавки разрезанной долькой чеснока и сверху прикладывали кусочек сырого мяса. И бородавки совсем пропадали.

(Нижегородская область, 132)

Дети тёрли бородавки о капу́лики. Это как дождик пройдёт, сгорода-изгородь сырая делается, и с жердей там капульки-ти каплют. Капулька-то на жерди, так и трут бородавки о неё. И о потное стекло бородавки тёрли. Потом ниточкой перевязывали.

Плотно завязывали и эту ниточку снимали и бросали, чтоб собачка утащила. И всё поправляется, проходит.

(Архангельская область, 6)

Цыпки детям мазали коровьим маслом и сметаной. И припевали:

*Цыпки, цыпки, под порог,
Дам вам маслица комок!*

(Смоленская область, 159)

Бегали босичком по грязи, носились по холоду и не приглядались. Цыпки бывали и на руках, и на ногах. Куриным жиром помажешь и обязательно на ночь красной тряпочкой завернёшь.

(Смоленская область, 149)

Бегали босые за коровой. Ноги мёрзли, и цыпки на них, кожа потрескивалась. Вот корова напустит лужу. Дети встанут в неё и ноги греют. А прибегают со двора, от цыпок опускают ноги в горячий картофельный отвар, цыпки сразу замирают. И на ночь шерстяные носки одевают.

(Архангельская область, 16)

Детям от веснушек протирали лицо земляничным соком. И собирали лягушачью дерюгу — это икра, из которой вылупляются головастики. И вот этой лягушачьей дерюгой лучше всего от веснушек избавляться, лицо детям натирали, а потом смывали.

(Смоленская область, 149)

Трава есть — водосборник называется, она веткой растёт, высокая, лист широкий отходит в стороны, и края листа как разрезанные. И вот от стебля листья эти отходят вот такими широкими и глубокими карманами. Там в карманах воды много всегда, прямо рукой можно зачерпывать. И деток умывают этой водой, чтоб красивые были. И после детки беленькие, чистенькие, кожа как шёлк.

(Краснодарский край, 114)

Чтоб чистое лицо у ребёнка было, без угрей и прыщей, запаривали в горячей воде кукурузные рыльца. Из печи вынут, остудят и тёплым отваром личико умывают. Хорошо протирать лицо и отваром берёзовых почек. Горсточку берёзовых почек заливаешь стаканом крутого кипятка и с полчаса кипятишь. После остудишь и процедишь. Лицо хорошо очищает.

(Краснодарский край, 117)

Бывает, летом лицо у ребёнка обгорает, кожа шелушится, солнце-то, как огонь, жжёт. Так лицо вымывают сывороткой от кислого молока.

(Свердловская область, 180)

Если дитя обморозит зимой кожу, то её мажут гусиным жиром или мозгами из головы убитой курицы. А по-простому — обмороженное место лучше снежком растереть.

(Архангельская область, 29)

РУДА, УРАЗ, ОЖОГ

Когда у ребёнка кровь из ранки идёт, дуют на порез и три раза говорят:

*Летит вран
Через море-океан,
Несёт нитку,
Нитку-шелковинку.
Ты, нитка, оборвись,
А ты, кровь, уймись!*

На порез накладывают «трут» или мажут живицей, сосновой смолой. И кровь останавливается.

(Архангельская область, 13)

Три раза заговор ребёнку скажешь:

*Чёрный ворон,
Сядь на камень.
Кровь, не кань:
Ни от камня воды,
Ни от искры огни.
Ни от смертного руды!*

Скажешь это, на ранку подуешь, и кровь не идёт. Ещё для останавливания крови возьмёшь крапиву, засушишь и в мешочек складёшь. Когда кровь из ранки не уgomоняется, возьмёшь листочка два, изомнёшь и в кипятке, и дашь ребёнку выпить, и не один раз.

(Архангельская область, 62)

А вот трава у нас, называют её деревей, всякие порезы лечит. Летом бегают ребята, вдруг на стекло один наступил, порезал ногу. Тут уже кричат: «Скорей сорвите деревей, несите! Она кровь останавливает!». Потом-то я узнала, что эта трава деревей в книге — тысячелистник. А у нас люди называли — деревей. Разминали этот деревей и наговаривали на него:

*Шла бабка Анитка,
Вела быка за нитку.
Нитка сорвалась,
И кровь унялась.*

На порез ложили эту травку, тряпичкой перевязывали. И всё там зарастало.

(Краснодарский край, 114)

Бывают порезы. Когда маленький ребёнок разрежет пальчик, углы ищут, где паук наплёл паутину. И прямо вот паутину снимают и на ранку, на порез кладут. И эта паутина рану стягивает. А старые бабки кровь заговаривают:

*Ехал старый в красной шапке
На беленькой лошадке.
Лошадка остановилась,
У старого шапка с головы свалилась.*

Ещё трижды шепчут над деревянным маслом:

*На море-океане,
На острове Буяне
Стоит столб на горіце,
На этом столбе сидят три девицы,
Они шёлком шьют, вышивают,
Кровавые раны зашивают.
Едет царь,
Под ним конь карь.
Конь не прянет,
Кровь не канет!*

И этим маслом мажут ранку, и кровь больше не идёт.

(Брянская область, 82)

Если ребёнка укусит оса, то прикладываешь кусочек сукна с натёртым на него мылом. А чтобы его уберечь от ос, читаешь приговор:

*Оса всем осам мать,
Ты нам не мать!
Беру закручен-траву,
Сушу во сыром бору,
Жгу на зелёном лугу.
На дым, осы, летите,
А к рабе Божьей Насе не ходите.
Слово — замок, ключ — язык!*

(Ярославская область, 181)

Упадёт ребёнок и шишку набьёт — это ураз. И вот приставишь к ушибленному месту плашмя ножик, водишь им и говоришь:

*Тело к телу,
Железо к железу,*

*Разойдись, кровь,
По белу телу!*

От урза и заговор естъ:

*По безымянному пёрсту
У Божьего младенца Вани,
Чтобы не было:
Ни опухолей, ни óтиколей,
Ни синя по́дтиколей.
Чего переговорила,
Чего не договорила.
Чего пересказала,
Чего не досказала,
Будьте, слова мои, крепки,
Как в лесу дубки. Аминь!*

И три раза плюнешь через левое плечо. Ещё при ушибе берёшь листья тысячелистника и подорожника, измельчаешь, смешиваешь в равных частях, завёртываешь в тряпочку и прикладываешь к шишке или синяку. А раньше, бывало, и сапожным варом мазали. (Архангельская область, 30)

Был такой случай. Один мальчик, два года ему было. Ему разрешили, и он молотком гвозди в ящик забивал. Ударил по пальчику. Пальчик синий-синий. Всю кость думали он размял. Как же он ревел! А ему бабушка стала от ушиба шептать, я и запомнила:

*Стану я, раба Божья, помолясь,
Пойду перекрестясь,
Встану на восточную сторону,
Поклонюсь, помолюсь
Самой Матери Божьей Богородице.
Сама Матерь Божья Богородица,
Сойди со светоносной небеси,
Снеси золотые ключи,*

Отомкни окиян-море.
В том окиян-море
Есть злат-горюч камень.
Как его не берут
Ни топоры, ни подсеки,
Ни ножевы порезы,
Как кровь-руда не идёт, не канет,
Так не было бы крови, не было бы боли,
Не было бы опухоли, синей отиколи
У раба Божья младенца Иванушки.
Будьте, мои слова, крепки и лепки.
Аминь! Аминь! Аминь!

Она это говорила и на пальчик дула, и округ ушиба пальцем водила. Боль снялась, и он замолчал, сразу стал играть.

(Архангельская область, 57)

Когда у ребёнка ожог, то к обожжённому месту прикладывают тёплый творог или тряпочку с подсолнечным маслом.

(Курская область, 127)

Лечили ожог медвежьим салом. Или взбивали яйцо, желток и белок вместе, и смазывали.

(Ярославская область, 183)

На обожжённое место плюют и наговаривают:

Идёт красна девка
С мокрым веником,
Тушит, гасит
Огненную реку,
Огненные искры,
Огненное пламя.
Огонь жжёт,
Веник трёт,

*Вода смывает,
Дитя не плачет!*

(Архангельская область, 25)

РОСНАЯ ВОДИЧКА, УХОВЁРТ И МОЛÓДИК

Глазки малышу промывали грудным молоком. А когда соринку вытаскивали из глаза, приговаривали:

*Сорока, сорока,
Вычисти мне око!*

(Нижегородская область, 136)

Есть такая росная водичка. Она на кукурузном стебле в ямочках корней листьев задерживается. Росную водичку собирают и, обмочив палец, протирают ей глазки ребёнка. А коли соринка в глаз попадает, то берут за веко и говорят:

*Глаз, глаз,
Будь глубок,
Что упало —
То пропало!*

(Краснодарский край, 117)

Попала дитю соринка в глаз. Снимаешь крестик с груди и на этот крестик наворачиваешь веку. Выворачиваешь веку и смотришь, где там эта соринка, и приговор читаешь:

*Из луга-луга
Выскочит рыба-щука,
У Ванюшки —
Древесная,
Железная.
Аминь!*

После по веку языком проводишь и соринку снимаешь.

(Волгоградская область, 94)

Глазки у малыша заболят, так для лечения свари яйцо вкрутую и разрежь его пополам. Как яйцо остынет, желток убери и в белок, в эту чашечку, насыпь сахарного песочку. Второй половинкой белка накрой и ниточкой обкрути. В печку на вольный жар поставь. И вот там настоятся светлые-светлые капли. Возьми ватку, всё это собери в яйце и на глазки положи, и всё расчислится, всё пройдёт.

(Архангельская область, 45)

Больное ушко заговариваешь. В избе к русской печи, к устью встанешь и жар к себе в рот вдохнёшь. Затянешь ртом этот горячий воздух из печи и губами вплотную к больному ушку ребёнка приложишься, и станешь воздух дуть. И три раза скажешь:

Кочь, поди вон!

Уховёрт, поди вон!

Слу́хи — в уши,

Глу́хи — вон!

Кочь — это кочка там в больном ушке, как опухоль; она там в ухе вертит, ломит, стреляет. А уховёрт — если ухо заболит, то худо слышишь, оглохнуть можно. Дуют жар в больное ушко и в баине у печи и говорят: «Кочь, поди вон! Глуховёрт, поди вон! Не верти ухо, верти баены щелины. Там тебе местечко — в баеной щелине!»

(Архангельская область, 6)

Если у мальчика заболит ушко, нужно найти щепку с сучком. И сучок продавить. Образуется дырочка. Эту щепку нужно приложить к больному ушку и в дырочку говорить слова: «Кочь, поди прочь! Не щипи ухо, щипи в щепицу. Раба Божья младенца не май, не призорь! Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь!» — так нужно проговорить три раза и дуть теплом в эту дырочку. А когда всё же не проходит, и вертит, болит, тогда у печи жар в рот набираешь и в ушко больное этот жар выдыхаешь, и губами прищёпываешь:

*Ты — уховёрт,
Я — уховёрт!
Уховёрт-уховёрт,
Поди вон, уховёрт!*

И такой заговор есть:

*Ворон ты, ворон,
Чёрный ворон,
Не клюй, ворон,
Белого тела,
Не верти у моего дитя
Правого ушка.
Будьте эти слова
Крепки и лепки
Отныне и до веку. Аминь!*

Подуешь, подуешь жар, и перестанет ухо болеть. А бывает — заложит у мальчика ушко, то приставляешь к нему свой рот и наоборот — затягиваешь воздух в себя, и помогает.

(Архангельская область, 20)

От боли в ушах делали так. От печного жара на угловом кресту избы всегда нарастала древесная сера. И вот ребёнка больным ушком прислоняли к ней и наговаривали:

*Угол рублен и крест дубов.
Как у того креста не болело, не щипёло
И ушко не вертело,
Так бы и у раба Божьего Сидорки
Не болело, не щипело
И ушко не вертело —
Ни в день, ни в ночь,
Ни в утреннюю зарю, ни в вечернюю,
Ни на нову́, ни на ветру
И ни на перекрою месяцу!
Во веки веков. Аминь!*

Ещё натирали воск на бумагу. И из бумаги этой свёртывали восковую свечечку. Зажигали с одного конца, а другим приставляли к больному ушку. И от теплового прогрева ушко вылечивалось.

(Архангельская область, 2)

Зубки у ребёнка режутся, беспокоят его. Так большим пальцем ему дёсенки растираешь, по кругу легонько поводишь, и дитю приятно, боль успокаивается. И приговариваешь: «Зубик, не боли, скорей вырасти!» или «У волка заболи, а у Вани заживи! Ему, злому, мученье, ему сокрушенье, а Ване облегченье!»

(Архангельская область, 7)

Зубики у маленького болят. Надо сходить и сломить у сгороды (изгороди) щепиночку. И наговаривать: «Щепинка, щепинка, тебя со всех сторон одувает ветер, а ты, щепинка,ними с раба Божьего младенца одну зубную боль». И положить эту щепиночку в рот ребёночку, чтобы он её прикусил, и боль утихнет. На больные зубы кладут и ломтик свиного сала без соли.

(Архангельская область, 65)

От боли зубов водят большим пальцем по дёсенкам, кругом рта ребёнка и отплёвывают в сторону. К ночи выводят его во двор глядеть на растущий месяц. И говорят: «Месяц молодой народился! Здравствуй, месяц-золотой рог!». И три раза повторяют:

— *Месяц родимый,*

Отец Владимир,

На том свете был?

— *Был.*

— *Упокойников видал?*

— *Видал.*

— *У них зубы не болят?*

— *Нет, не болят.*

— *Так чтобы и у дитятко*

*Не болели, не горели,
Не пылали, не стреляли —
Отныне и до веку. Аминь!*

Так заговаривают зубы на молодой месяц. Наговаривать можно и на хлеб, и на воду. Потом этот хлеб жуют, а водой полощут рот. (Волгоградская область, 89)

У ребёнка зубки режутся, болят, тогда зверобой получше настоишь и ротик ему этим настоем полоскаешь. И на молодой месяц выходишь и просишь:

*Месяц ты, месяц,
Серебряные рожки,
Золотые ножки!
С облаков сойди,
Зубну скорбьними!
Первым разом,
Добрым часом —
С собой унеси!*

Ещё от зубной боли даёшь жевать листовенную серу. А когда кровоточат дёсенки, то ему даёшь полоскать рот тёплым отваром дубовой коры. (Грузия, духоборы, 104)

Травка такая есть — голубая колючка, она от зубов. Отламывают от голубой колючки головки и в воде кипятят. А после дают болезному детке держать в зубах, пока не остынет. От неё, как от новокаина, аж увеличивается всё во рту, замирает, и боль убывает. А старые бабки по-своему лечили. Они над рябиновой почкой заговаривали: «В этот раз, в первый час, зубная скорбь, уймись, на зубы не ломись. Как этим почкам на корнях не стоять, отростков не пускать и веткой не махать, так зубам не гнить, болезнь в себе не носить по сей день, по сей час. Во веки веков!». Потом почку в воду наговорную опускали и клали на зубы или дёсны больные. (Краснодарский край, 114)

ДАВИТЬ ПАКАЛКИ

Простуженного ребёнка в баню несли. Там его распаривали и натирали спинку и грудку медвежьим салом или мёдом. Пока он на полке ползает, всё этим намазанный. Потом это всё смывали, заворачивали хворого в овчинный тулуп и несли в дом.

(Архангельская область, 1)

Я сама маленькая болела. Простуда была. Вот к вечеру, печка была только тёплая. Туда на «под» толстую парусину постелили. И вот на эту парусину мать меня толкала. Далеко не толкала, близко, у самого устья, голова чтоб наружу была. Так вот прогревали простуду. В печи не долго держали, только чтоб, как говорили у нас, «вся простуда вылилась».

(Архангельская область, 7)

От простудного жара ребёнка ведут в баню. Воду для мытья таскают с реки, черпают ведром против течения и несут, не разговаривая, в баню. Над этой водой наговаривают: «На долоне ледена, трёхперст ледена, за дерьмом ледена, за устьколом, за порогом. Уличным ветром, баенным жаром — свались, хворь, с рабы Божьей Татьянки!» Нагретой наговорной водой больного ребёнка обмывают и спину намазывают соком натёртой редьки. А после, как придут в избу, помытого ребёнка кладут раздетым на распаренное сено, разложенное на жаркой печи, и поят клевером или мать-мачехой.

(Архангельская область, 13)

Простудного дитёнка сажали на печь. Брели на берегу реки камень, бросали их в печь на огонь и говорили: «Как камень на берегу реки были сухи, так бы и у дитя моего ноги были сухи, не боялись бы ни стужи, ни морозу, ни метелицы. И сколь камень теперь горячи, так будьте и вы, ноги, горячи». И вот запаривали в печке эти камни, они прели. А тогда в дёжку воды наливали ведра два. Вот в эту деревянную бочку наливали воду и из печки камень туда кидали. И дитёнка, который простудный, сажали в

дѣжку и накрывали одеялами. И сидел он под опарой, пока ему терпелось. А как выпаривался он там, давали ему сок брусники с мѣдом и ложили в постель. (Смоленская область, 160)

Раньше бегали ребятишки в одной рубашке, ни штанов там, ни чулков. И целый день на берегу, на песке. Песок да вода. Вот и закалялись. Закалённые были, ничем не болели. Ну, ежели случалась простуда, то маленького ребяťенка в корзине в тёплой печи грели. Прогревали в печи раз в день. И окутывали овчинным одеялом. От простуды давали пить чай с липовым цветом или делали отвар из корней пырея.

(Архангельская область, 36)

Простуженному ребѣнку на спину ставили глиняные горшочки. Брели лучинки с кудельками на конце, зажигали кудельку и в горшочки совали. И тельце тянуло, разогревало. Ещё собирали травку-собачку, сушили её и в печи вытапливали. После этой травкой поили больных детей. И зверобой (выкапывали вместе с корнями и сушили) давали пить вместо чая, от кашля помогало.

(Нижегородская область, 133)

От кашля сахар пережигали. Лучина раньше была, избу освещала. Вот лучина горит, над ней сахар ложат. И вот этот сахар капает: кап, кап — на блюдечко или на бумажку. И получается он такой пережожѣнный. Накапают, нальют водички и пережожѣнным сахаром поят младенца. От кашля и подорожник заваривали и делали настой из семян крапивы на горячей воде, поили душицей, мятой, сушёной малиной. А шею хворобному ребѣнку замазывали нагретым на калѣной печи шерстяным чулком.

(Архангельская область, 6)

Когда у ребѣнка кашель, натирают на тѣрке чѣрную редьку и отжимают сок. Этот сок смешивают с ложкой мѣда и несколько раз в день дают ребѣнку пить. Иногда в чѣрной редьке вырезают ямку, насыпают туда сахарного песку и ставят на лёгкий жар в

печь. Час-два постоит, и появляется сок. Тёплый сок дают больному по ложечке пить. При кашле пьют и сок моркови, смешанный с молоком. *(Свердловская область, 179)*

При насморке младенчику носик грудным молоком закапывают и на ночь намазывают переносицу и височки свечным салом. *(Архангельская область, 30)*

Если у малыша простуда, насморк, ему дают на кончике ложки в рот серу, а потом дают запить тёплым молоком. Еловая сера хорошо очищает и в глотке воспаление снимает... Нос прогревают сваренным в крутую яйцом и закапывают свежим соком свёклы. Часто больного малыша напаривают в бане и поят чаем с малиной. *(Краснодарский край, 117)*

Когда у простуженных детей болит голова и жар, то на лоб кладут листья кислой капусты или творог. А когда этого под рукой нет, то смоченную водой глину. Дают пить кислый хлебный квас. *(Нижегородская область, 135)*

При ангине в горле появляются соски́ и воспаляются. Их я лечу с приговором: «Ни первое, ни другое, ни третье... Заживи да всё! Тьфу, тьфу, тьфу!» — и проходит. А лечишь так: большими пальцами рук упираешься в щёчки малышу, а безымянными пальцами нажимаешь и проводишь по соскам, надавливаешь на эти точки у него на горлышке, массируешь их, начинаешь под подбородком и поглаживаешь вверх к ушам. Делаешь это всё движением крест-накрест, чуть снизу вверх и в сторону. Потом завариваешь мяту и даёшь дитю полоскать горлышко, и поишь чаем из шиповника с мёдом. *(Волгоградская область, 94)*

Когда соски́ при ангине, ребёнку даёшь пить отвар ромашки и велишь париться, дышать над посудиною, где отвариваются ромашки. А после нужно подойти к за́дороге (к деревянной ухvatке при залезании на печь), взяться за неё руками и поочерёд-

но то левой, то правой сторонами шеи о неё тереться — где соски, и при этом приговаривать:

*Жаба, жаба, не боли,
Жару не давай,
Листья не распускай,
Дитятке Настеньке —
Не коли, не боли!*

(Волгоградская область, 89)

От ангины пакалки давили. Говоришь: «Потерпи, внучек!» — и палец просовываешь ему в горлышко, и придавливаешь там гнойнички (пробки). Или на вату, намотанную на палочку, накапаешь керосину и мажешь ребёнку глубоко горлышко, и так несколько раз. А чаще ребёнок подойдёт и трётся об угол тёплой печки шеей — железками. Так и вылечивали ангину.

Дети-то раньше редко болели. Они сами закаливались. В доме полов не было — зёми были — это глину накладали и потом её смазывали же глиной. Так какое там, дети бегали по земам босые. Моему шесть месяцев не было, я там на мельнице работала, а его пуцу на пол. Он лазит и лазит, аж до посинения. А потом придёшь, в горячей воде купаешь его и спать кладёшь. И ничего, здоровенький.

(Краснодарский край, 117)

Просквознуло мальчика, заболели губы, тогда губы сковало. «Дай, — говорю, — я тебе полечу, помажу губы сметанкою». Помазала и заживает. Хорошо и приложиться простудными губами к потному оконному стеклу — потное помогает.

(Курская область, 118)

От лихорадки, от трясцы у нас детям давали пить горячий отвар можжевельных ягод. Выпаривали еловую и осиную кору и поили этим отваром. А бабки-повитухи брали с больного ребёнка пояс. Несли его в лес. Поясок вешали на осину, кланялись дереву и просили:

Осина, осина,
Возьми у дитя трясину,
Дай ему леготу!

(Архангельская область, 63)

Маленькой я болела малярией. Трясла меня малярия настоящая. Бабушка мне: «Щас, внучечка, я тебя искупаю». Пошла она, воды нагрела. Взяла камень, гнёт называется, что на огурцы и капусту в бочках кладут, когда солят, вот положила его в воду в ванночку и тряпочкой накрыла. «Садись», — говорит. Я села, она меня помывает и всё слова повторяет: «Откудова пришла, туда иди! Откудова пришла, туда иди!» Как искупала, взяла эту воду и вылила под курник, под насест, где никто не ходит. Три раза меня так искупала — и куда только малярия делась.

(Краснодарский край, 116)

Малярия у детей бывает, если не пить с младенства молоко. Надо тогда измельчить кору ивы, горстку прокипятить, процедить, получившийся отвар отстудить и добавить туда мёду. И несколько дней пить чай из этой коры. Ещё делают отвар из листьев сирени и свежих корней подсолнечника.

(Курская область, 119)

У ребёнка бывали измётки — корь. Осыпь — это по детям по телу, измётки — по лицу, по голове. Мы собирали череду, оттапливали её и купали в ней детей.

(Белгородская область, 74)

От коклюша ребёнку давали три раза в день по ложке деревянного масла с сахаром.

(Волгоградская область, 90)

Свинкой дети болеют. Тут вот опухает горло, задыхается дитя, бывало, что и умирали. Тогда берёшь свиной помёт, нагреваешь на огне на железочке, в шерстяную тряпочку складаешь и тёпленькое к шейке хворого ребёнка прикладываешь, на два-три часа так, и облегчает.

(Краснодарский край, 114)

НА ГОРЯЧИЙ КИРПИЧ

Когда болел у ребёнка живот, мать из печи доставала дровяной уголёк и давала грызть. И сейчас бегают ребятишки, и кто-то захнычет: «Мам, живот болит». Она заставляет: «Погрызы угол». А белили хату белой глиной, угол-то — глинный. Вот прям подойдёт ребяёнок и грызь-грызь-грызь угол, в комнате грызли. У нас прямо все углы были погрызаны, детей-то много в хате. И как чуть в субботу примазывали углы снова, забеливали. Так вот у нас речка Каменка, у неё днище белое, глиняное. По речке ходили, искали глину, заготовливали. И мама всегда посылала: «Возьмите топор, пойдите нарубите глины». И ребята ходили, кусками эту глину нарубали и специально берегли. И точно так же, когда печёт изжога, брали кусочки этой глины и грызли.

(Краснодарский край, 114)

Когда дитя пожалуется, что живот болит, так и не спрашивали, сразу на печку вниз животом, на голый горячий кирпич ложили. И как живот схватит, цветом картофельным поили. Картошка цветёт, цвет пускает. Эти цветочки собирали, отваривали и поили от желудка.

(Краснодарский край, 116)

Смотрят, что это там плачет маленький в люльке, животик болит. И погреют животик. От этой боли поят ольховыми шишками. Собирают, когда они созревают осенью, потом в кипяточке заваривают и отваром поят. И с конского щавеля кашицу сошвыряют и заваривают.

(Тверская область, 175)

Чтобы не болел животик у ребёнка, сушили сторожки, это морошечные лепесточки, они вокруг ягодок растут. И готовили отвар для желудка. И чистотел оттапливали и давали пить. И травку уборницу сухую заваривали для чая. А летом засушивали на печке или на солнышке шиповник, он уж как витамин ребёнку, полезный.

(Коми, 113)

Если у малыша запор, то отжимают ягоды рябины, подслащают слегка мёдом и несколько раз в день дают по ложечке пить. Или натошсах дают съесть несколько слив.

(Смоленская область, 153)

От запора ребёнка поят чаем из сушёных вишен и яблок. И дают пить воду, в которой долго варились овёс или сливы.

(Смоленская область, 141)

Делаешь детям от поноса. Когда курей режешь, то обязательно пупочки вытаскиваешь. Со всех сторон пупок обиваешь рукоятью ножа, чтобы шкурочка отошла (по местному называют — корочка). Внутри пупка такая шкурочка грязная, где всё скопление — там и камушки могут быть, и стёклышки, и зёрнышки, и всё-всё. Разрезаешь пупок, это всё вытряхиваешь, а саму эту шкурочку внутри пупка снимаешь. Потом её моешь, сушишь и разминаешь бутылкой; так бутылкой растираешь, что получается порошок. Его кладёшь на кончик ложечки и водички туда. И деточке от поноса даёшь, а не помогает, то ещё раз даёшь.

(Краснодарский край, 117)

У детей понос лечили — толокно своё делали. Специально раньше домашнее толокно делали и хранили для детей. Заваривали толокно в своё парное, горячее молоко; натолкают его туда и этим кормили от живота детей, и поноса никакого нет. И от поноса ещё поили отварами травки полынки и кровохлёбки. Сушёную травку анис заваривали, она очень приятно пахнет и полезна.

(Архангельская область, 62)

При желудочных болезнях, когда поносы у детей, нужно пить сырое яйцо. Бабушка говорила: «Натошсах дай дитю сырое яйцо. Оно в желудке сварится и всю эту слизь воспалительную в себя впитает». И черёмуху заготавливали, собирали ягодами и засушивали. Потом заваривали и поили детей.

(Краснодарский край, 114)

Если у ребёнка понос, даже дизентерия, — бери белок от яйца в один стакан, в другой стакан сахару всыпь — столько, сколько этого белка, а в третий стакан лей чистой белой водки столько же, сколько белка и сахара. И это всё вместе взбей. Постоит трошечку, пристойтся, пену снял и давай пить. Если дуже маленький ребёнок — давай всего ложечку. Называется это — сбитень. И полўчит. Если от испугу понос, то этот сбитень не помогает. А от испугу у маленького может быть запросто понос. И надо тогда к бабкам-знахаркам идти, чтоб шептали заговор от испугу.

(Смоленская область, 160)

От глистов ребёнка кормят кашей с конопляным маслом. Дают чеснок и с топлёным молоком. Ещё разминают семена тыквы и дают по ложке с морковным соком.

(Архангельская область, 22)

От болезни почек детям делают состав из нескольких трав. Берут зверобой, чистотел, мяту перчатую и простую, коренья валерьяны и багульника, цветы бессмертника и ландыша и обязательно — кукурузные рыльца (это в кукурузе такие волосики вырастают). Это всё сушат, закладывают по четыре-пять грамм и кипятят в горячей воде. Вот моя внучка болеет, почки у неё болят, она этот отвар пьёт и вылечивается.

(Воронежская область, 93)

РОДИМЕЦ И СОБАЧЬЯ СТАРОСТЬ

Родимец у детей от испугу бывает и от худого недуга. Это как нервная хвороба такая. Его, родимец этот, лечат водой. Берут косу, которой косили траву. Скошенную траву бросают в корыто. Воду несут из родника или ручья и сливают её по косе на траву. И заговаривают: «Умываю, унимаю родимец. Траватравица, роса-росяница, возьми от младенца лихой родимец. Как трава шелкова скошена во лугах усыхает-увядает, так бы и у раба Божьего Вани родимцы усыхали-увядали, больше не быва-

ли. Веки по веки, отныне и до века. Аминь!» И в этой воде моют больного младенца после припадка, как он перестанет биться.

(Архангельская область, 48)

Ребёнок рассердится, разнервничается, ляжет на мост и руками-ногами колотит, кричит — это он пирует-сердится, у нас говорят —«упиры». Ну, что с ним делать? Уговору никакому он не внимает, его и сёкли, и что с ним ни делали, всё равно не утихает. Тогда берут обыкновенные батькины штаны, садят на них этого ребёнка, везут за дверь и веником его сзади секут с приговором:

*Упиры, упиры,
Идитё в панские дворы!
Упиры, упиры,
Идитё в панские дворы!*

Три раза должны так сказать и веником его по заднице. Через порог туда его на улицу и волокут.

(Смоленская область, 159)

Ребёнку семь-восемь месяцев, и у него припадки были, прямо ломало вот его. Где он ходил, и упадёт, и бьётся. Вот вырезали из его платычка в заднем полотнище маленький клинушёк и тёрли маленькому пяточки. Потом залезали в подвал и эту тряпочку-клинушёк заколотили в щель, в том месте, где этого ребёнка рожали. Когда не помогало, то несли болезного малого на колокольню под колокол. Как только колокол брякнет, ребёнок как вздрогнет на руках. И больше не стал его брать родимчик.

(Нижегородская область, 131)

Наговор от прёдчинки был, когда ломало младенца. Тогда на крыльце ломали троицкую палочку, оставшуюся от троицкой вербы, и наговаривали:

Ехал лох
Через лог
На четырёх
Троицких колёсах.
От четырёх до трёх,
От трёх до двух,
От двух до одного,
Чтоб не было ни одного!

Сломанные палочки складывали крестом и кидали наотмашь в сторону от больного ребёнка. Так и лечили.

(Волгоградская область, 89)

Эпилепсия у нас называлась — молодёнец. От этой хворости вычитывали, читали больному дитёнку молитвы: «Во имя Отца и Сына» и «Отчу» читали три раза, «Верую» читали шесть раз, а «Воскресную» — двенадцать раз. Молоденец — это хворость, когда женщина, ходившая беременной, и испугалась. Одного, родившегося от такой женщины, этот молоденец чуть не год бил. И ладаном из церкви его курили, и купали свящённой водой на Крещение, и что ни делали... У меня тоже такое было. Хату только построили. Я села у окна поштопывать чулочки. А гроза шла оттуда с-за леса. А я ходила уже брюхатой со своей малой. И вот гроза — бах! — и в хату молоньей рванула. Кругом тут пыль, дым, что тут творилось. Спугалась, у меня сразу нога отнялась. Ну, и как родила я, так моя девка восемь дней в больнице ни на одну минутку не стихала. Из больницы я пришла домой и быстренько её к одной тут старой бабке понесла. Бабка, царство ей небесное, говорит: «Ти испугалася молоньи, всё на дитёнка абрыхтшится». Ну, так и было, токмо родила, а девка ни на минутку не стихает, кричит, выламывается. А к бабке как к этой сносила, она пошептала, поплювала, так сразу всё — заснула впервой, и стала девка как девка.

(Смоленская область, 160)

Которые дети болели рахитом, раньше болезнь эта звалась «собачья старость». У ребёнка вот таким копылом живот, а ручки и ножки тоненькие. Ему не хватает витаминов, он кушает до-вольно, и у него живот болит. Этих больных детей в межу при-нимали и через калач протаскивали. Вот выкопают в межичке, прокопают нору. И скрозь эту нору с этого края просовывает ре-бёнка старуха-повитуха со словами: «Дитя подаю, а не собачью старость. Вот тебе дитя белого, здорового!» — а принимает его на руки мать. И ещё через калач подавали, и всё с наговором так-то. И это очень помогало. Теперь докторам так не вылечить, как те старухи лечили. *(Архангельская область, 40)*

Ежели ребёнок рахитом болел и его никак не могли выле-чить, то его — «перераживали». Мать вставала на место, где его рожала, а повитуха, принимавшая этого ребёнка, протаскивала больного через ворот материнской рубахи и прищёптывала: «Род-род, перерод, чтобы был здоровый род! Род-род, перерод, чтобы был здоровый род!» Этот рахит потом бабка на печи ле-чила. Отпаивала ребёнка молоком от козы, только свежим, и масло взбивала ему туда. *(Архангельская область, 7)*

Бывает, ребёнок рождается слабенький, чуть дышит. Или рождается нормальный, но потом на него нападает сушец, он не ест, сохнет-усыхает весь. Тогда его бабки перепекают. Они заку-тывают больного дитя в одеяло, кладут на лопату, что для вы-печки хлебов, и три раза суют в тёплую печь. Говорят: «Он ещё не выпекся». После такого перепекания считается, что у больно-го ребёнка появляется сила и здоровье.

(Архангельская область, 27)

Когда рождается слабенький, хиленький дитёнок, или у него большой живот, надутый, как мех, то его перепекают — это что-бы он не стал сухотником и силу набрал. Вот его обматывают мокрым полотенцем и, как только истопится печь, кладут на ши-рокую деревянную лопату, и быстро засовывают три раза в печь,

и три раза говорят: «Огонь, огонь, кости свари, дитя укрепи, дитя оживи!» После этого его кормят ячменной кашей и немного дают конопляного масла.

(Смоленская область, 156)

Есть такая болезнь у младенцев — собачья старость. При ней младенец болезненный, худосочный, на тельце такие стариковские морщины. Тогда его кладут в пелёнке на хлебную лопату и сажают на лёгкий жар в печь. И быстро вынимают. И так три раза. Когда его так перепекают в печи, в ту же минуту мать должна переступить через порог и спросить: «Что перепекаешь, что в печь сажаешь?» А бабке ответить: «Собачью старость». А матери ей ещё сказать: «Пеки-перепекай, век бы не было!» После этого мать берёт ребёнка и прижимает к груди. Называется — «перепекать собачью старость».

(Архангельская область, 53)

Долго не встаёт на ножки, такой дитёныш назывался «седа». «Ай, — говорят, — седа, ён долго не ходил». Два года седа сидел и головку не держал. А потом всё ж пошёл. Это всё из-за плохого воспитания. Надо было ловчей кормить, так он бы не сидел так долго. А то ослабнул и сидел так. У нас раньше таких седунов бабки настоем корня глубокой травы поили.

(Смоленская область, 159)

Если ребёнок седун, долго не встаёт на ножки, то его купают в отваре из соломы, набранной на вечерней заре из трёх пёлен чужих домов. Потом весной, когда в первый раз выходят в поле сеять, выносят этого больного ребёнка в поле, сажают посреди пашни, сеют кругом него и говорят:

*Ты, житце, расти,
А ты, дитятко, ходи!
Как колосу вырастать,
Так дитятко стоять!*

(Ярославская область, 184)

Когда ребёнок долго не говорит и не ходит, то пекут хлебы. Вначале ставят всходить тесто, а ребёнка сажают под дёжу с тестом и наговаривают:

*Как моим хлебам киснуть-пыхтѣть,
Так моему дитю говорить!
Как моим хлебам всходить,
Так моему дитю ходить!*

Из дёжи вынимают тесто и пекут хлебы. А ребёнка умывают над дёжей руками, которыми смазывали поделанные хлебы.

(Тверская область, 175)

Ребёнок долго не заговаривает. Это может быть и от испугу, и от сильного ушиба, и от болезней: сухотки, золотухи и ещё там от чего... Раньше лечила бабка-повитуха. Ребёнка сажали в мешок и несли в церковь. Ежели кто по пути спрашивал: «Что не-сёшь?», нужно было отвечать: «Колокол». Мешок приносили на колокольню и ставили под колокол. Потом окачивали наговорной водой язык колокола и поили этой водой ребёнка.

Ребёнок может не говорить или плохо говорить из-за прироста язычка. Это такая уздечка под языком. Она больше нужно-го выдаётся вперёд или сильно натянута. Такой прирост и сосать ребёнку мешает, и говорить хорошо не даёт. И вот бабка-повитуха, пока младенцу месяца три-четыре, раскрывает ему рот и вставляет между зубов пробку. Потом пальцем левой руки поднимает язык и крепким отточенным ногтем слегка оцарапы-вает кожу этой уздечки, лишь бы только показалась кровь. И помогало.

(Архангельская область, 54)

П ИТАНИЕ

РОЖОК И СОСУЛЯ

Родившегося дитя мать начинает кормить обязательно правой грудью, иначе он будет левшой и неслухом. А чтобы было больше молока, она пьёт настой из тмина. (Коми, 113)

Повитуха не только роды принимала, но и после к роженице приходила, груди проверяла. Если были трещины на сосках, мазала их только появившейся чистой, прозрачной серой (наплывом от сосны). На груди она накладывала листья мать-мачехи и поила отваром из этих листьев.

(Архангельская область, 47)

Соски «подрежуце». Вымоют их мылом и помажут коровьим маслом, не солёным. А когда и живицей помажут.

(Калужская область, 109)

До пяти годов малого титькой кормила. Бывало, соски трескаются. Так лечили молитвами и прикладывали брусочек, чем косу точат. Брусочек этот заговаривали. Вот бабушка подойдёт к русской печке, к челу, и молитвы на огник читает. Потом подходит и к груди брусочек прикладывает, и так три раза. И ещё лечила соски кислым чёрным хлебом. (Архангельская область, 62)

У нас в семье тринадцать детей было. Все в одном доме. И бабушка (она ещё молодая была по возрасту) при моих родителях ещё троих родила. Мамина сестра была замужем за старшим сыном, а мама за четвёртым братом. У них уже у всех: у старшего, у второго, у третьего, у четвёртого — у всех были дети. И бабушка ещё при них троих родила, уже при этих невестках; десять детей было, и троих она родила. А держали две коровы. Так у них, значит, если идут невестки сено косить, остаётся свекровь и всех маленьких кормит грудью, и своих и невесткиных, всех грудью кормит внучат. Дети-то почти у всех одинаковые. На следующий день одна из невесток остаётся.

Поочерёдно эти четыре невестки ходили. Из них одну оставляли со всеми детьми, и уж та всех грудью кормила. Все с этим делом справлялись. (Архангельская область, 47)

Бабки-повитухи говорили: надо дитёнку хлеб давать, чтобы он хлебный сок потреблял. Хлеб чёрный укрепляет и сердце и весь детский организм. Вы-то не знаете вкуса настоящего хлеба, это ж не хлеб, что теперь есть. Он ещё и не выспел на поле, а его уже сжали совсем молодой. А пекут, так он перепáлен... (Смоленская область, 160)

Детей прикармливали почти с первого дня. Нажую пузану живóк — хлебушко или толокна с сахарком, да в портнё (в полотняной тряпочке) суну в рот, и он насасывает, лежит. (Архангельская область, 42)

Вместо соски кормили жвачкой — сосуля называлась. Сосуля — это чистенькая тряпочка, тоненькая и мягонькая. Сосули были хлебные и кашные. В одну пожуют хлеба чёрного своего да сахарку чуть-чуть. А в другую натяивают пшеничной каши. Завернут и ему в рот, так он лежит и сосёт эту сосулю. Вот и прикармливали. (Смоленская область, 159)

Сосок не было. Хлеба ржаного нажуют и с медком в замáшку, льняную тряпочку, завернут и дают грудничку в ротик сосать. И говорят: когда он хорошо чёрный хлеб с мёдом насосётся, он успокаивается и хорошо спит. (Коми, 113)

Из марлечки сосóк делали, жвачкой называли. В соль кусочек хлеба обмочат, пожуют и в марлечку из рта выкладывают. Бывало так, что ниткой узелок со жвачкой обвяжут, а бывало, просто уголком в марлечке эту жвачку дают. Пальцем найдут роток и всунут туда сосок, и он смакта́л всё это. И вот пойдёт мать в огород-то полоть, а этот сосок всунет ему в рот, а ребёнок лежит и сосёт, пока всё не высосет. И варили пшённую кашу

молочную и её жевали и давали сквозь марлечку. И этим он питался.
(Воронежская область, 100)

Маленькому кашу крупяную. там гречишную или пшеняную жва́ли. Мать пожуёт, чтобы тёпленькая была, и эту жвачку ему в рот вкладывает. Капустку пожмёт-пожмёт, хлыть — и пальцем ему в ротик, чтоб кисленькую пожевал. Или вот, нужно малого попоить водичкой или там молочком. Так из своего рта поила своего дитя. И такие-то толстяки были, как поросята, и крепкие, как дубы.
(Курская область, 123)

Тогда грудью кормили три года. Подходит, аж стыдно, он дёргает тебя: «Мам, дай т́и́ти!». Где-нибудь отве́рнишься с ним, вывалишь титьку да кормишь. Уже набегаешься на дороге вволю, когда дитё в пыли весь, ножки кривые, морда большая. Один у нас до восьми годов сосил. Бегаёт-бегаёт, подбежит к матери, нагнётся к титьке, закроется и сосит, аж титька дрожит. И дети были намного крепче.
(Курская область, 118)

Кормили грудью и до трёх, и до четырёх годов, чтобы не забеременить. Раньше знали: пока сосёт ребёнок, это замена считалась, значит, пока кормишь одного, нового не понесёшь; на сырое-то молоко живо пристанет, вот и не отнимаешь от груди, чтоб не беременить подольше. А у некоторых, хоть корми, хоть не корми, всё равно рожает: что год, то ребёнок, а то и беда на беду — два ребёнка на году.
(Тверская область, 175)

Кормили по два года грудью, чтоб не беременить.. Она дойная и не беременит. Мужик-то мой: «Давай, — говорит, — подольше покорми, а то либо скоро ро́дишь». А бывает, и кормят дитёнка и забеременят. Моя невестка так и родила: одному одиннадцать месяцев, а она ещё ро́дит.

(Смоленская область, 159)

Грудью кормили год обязательно, а то и два, боялись забеременить. Поверье такое было, что другой ребёнок зародится в тот самый день, когда отнимешь от груди первого. Есть и старая примета: если у ребёнка рано прорежутся зубки, то у матери скоро будет другой ребёнок.

(Грузия, духоборы, 104)

Когда ребёнка грудью кормишь, чтоб он спокойненько чамкал, я ему песню пою:

— Кисынька-ласынька,

Где ты был-побывал?

— Был у душеньки,

У Катюшеньки.

Катю дома не застал,

Под окошком простоял. ❀❀❀

Он покушает, пососит и прямо на руках засыпает.

(Свердловская область, 180)

Бывало, что у матери не было в грудях молока, так кормили малютку коровьим, обычным молоком. Брали молоко и парное, и кипячёное. Одни скручивали конец тряпочки, словно это соска, макали его в молоко и давали в ротик младенцу, и он сосал. А другие кормили молоком из рога. (Брянская область, 77)

Мама с родов дужа болела, у ней в груди молока не булó. И давали дитёнку рог. Лёшка рог сосал.

(Смоленская область, 160)

Раньше костяной рожок делали из коровьих рогов. Положат рог в кипяток и кипятят; там в роге мясо всё отогреет, и вытянут его. Рог этот чистый сделается. А дальше: где рог сужается, там разрежут, и конец сделается чуть плоским, и прокручивают узенькую дырочку, и на этом месте делают ножом рубчик. После к этому рожку соску делают. Когда режут корову, то оставляют

сосок-титку от коровьего вымя. С этой титки, с серёдки выдёргивают, удаляют мясо, получается ,как кожица. Её очищают, мнут, чтоб мягонькая была, и высушивают. Потом этот сосок кипятят, и где рожок сужается, натягивают на кончик. И туда в рожок наливают молоко. С рожка и кормили. Рожок вешали на люльку, привязывали к подцепным верёвкам над головой ребёнка. Уйдут в поле, а он захочет пить, в ротик поймает сосок и сосёт молоко, кормится. А придёшь, так рожок выполощешь, чтобы не кисло там молоко, и свежее нальёшь.

(Брянская область, 76)

Коровий рог для молока ро́гушкой называется. Где рог сужается, там прорезь разрезают, и туда надевают коровью соску. Только в этой соске молоко быстро кисает. Так к рогушке замшу приспособляют, из коровьей кожицы делают. Корову заколят когда, внизу у шкуры есть бархатный слой такой, как у овчинки — там, где нет шерсти. Обработают шкуру когда, кусочек этот выделают, обернут, кругом обошьют и на рогушку натягивают, и льняной ниткой крепко обкручивают. Замша эта плотная, мягкая, и в ней молоко не киснет. В рогушку льют молоко, через замшу молоко проходит, и ребёнок сосёт.

(Архангельская область, 3)

Роговúшки делали — титька коровья да рог. Парим в печи молоко да толокна наботáем и в эту роговушку — раз это всё, и кормим ребёнка. В одну роговушку вливаем молоко и сами кормим ребёнка. А другую роговушку вешаем на шею ребёнку, когда он уже ходит. Мать говорила: «Ты долго сосала эту коровью титьку, уже всё разговаривала и всё ходила с этим рогом».

(Коми, 112)

Детей отнимать от груди старались в такой день, когда в святцах не значилось святого мученика. Мать в последний раз кормила ребёнка грудью и приговаривала: «Как приходит красная весна, сходят белые снега, оголяются серые горючие

камни. Так отпали бы тоска и телесная сухота от белых грудей, от буйной головы, от чёрных бровей, от ясных очей, от белого лица, от ретивого сердца. Семьдесят семь жил и семьдесят суставов, и в едином суставе ключ и замок. Во веки веков. Аминь!»
(Архангельская область, 44)

Ребёнок, который уж большой, года полтора-два ему, а он ещё к материной сиське тянется, вот, чтобы его от груди отвадить, пугаешь:

*Идёт коза рогатая
За малыми дитятами,
Кто сиську сосёт,
Того коза заберёт!*

Ну, он вроде как застращается, туда-сюда глянет, нет ли козы, и уже к сиське не рвётся, не просит.

(Краснодарский край, 116)

Жди тут, пока малый сам бросит грудь. Как его тут от сиськи отнять-отучить? Вот и стращаешь: «А коза-боза-а-а! Кто титьку сосёт, того забодёт!» И Букой его стращаешь и Ягой-Каргой, чтоб он без слёз, по-хорошему от сиськи отстал, не ревел.

(Бурятия, 83)

Не даю уж ей грудь сосать, а она говорит: «Дай со́су!»- просит, хочет грудь. Я ей припеваю:

*Идёт коза рогатая
За малымя робятами.
Хто сиську сосёт,
Того рогом бьёт!*

Она выглянет из люлечки и опять спрячется — козы боится. Скажешь: «Ну, моя деточка, ты уже большая...» А она снова: «Дай сосу!» А я ей толстым голосом: «Идёт серый волк, того

зубами щёлк, хто сиськую сосётъ...» Попугаешь её, и она успокаивается. (Грузия, духоборы, 101)

Как грудью бросишь кормить дитё, так уж в пост не даёшь ему молоко. (Курская область, 118)

Титькой кормили пока вырастет, порой и до трёх лет. А потом малыш уже сразу пост справлял. Постился не только в большие посты, но и по средам, и пятницам. В пост малому дитю и ложки молока не дадут, ничего скоромного. (Курская область, 123)

НЁ ВСКОРМИШЬ МАЛОГО, НЁ ВИДАТЬ И СТАРОГО

После груди малышу начинаешь готовить кашку жиденькую, молошненькую; крупа-то своя была, и житная, и пшеничная. Вот и сидишь с ним: «За маму ложечку, за папу ложечку...». Молока у всех вдоволь было. Сметанку пальцем соберёшь и в ротик ему дашь. А уж как у младенчика зубки пойдут, то что сам кушаешь, то и ему, к общему столу приучаешь. (Грузия, духоборы, 104)

Как отнимешь от титьки ребёнка, кормишь тем, что и все за столом едят. Мама, бывало, накипятит молока и с толоконцем (толоконце из овса вырабатывается, мучка такая, очень питательная); в молоко толоконце накладёт, и вон как хорошо детки кушали. Или крошинины в молоко крошит; так одного молока не давали ведь — либо с крошининой, либо с толоконцем. И со всеми кушал парничок и горячие щи, и жидкую кашу, и картошку, и квасом его поили, ему можно всё. (Архангельская область, 42)

Я своим дитя́м вообще никаких сосок не делала, только грудью кормила. До года они молоко сосали, а потом уж начинали всё есть. Малому дитю вперёд кашу всякую молочную

варила и тыквенную кашу с молоком, свою же корову имела. Вот стойку обкрутишь тряпками и в стойку его ставишь, чтоб стоял. И тогда даёшь всё что хошь. Тут со стола и капусту, и картошку, и борщу ему. И из печёного дашь там — пряничек, пышку какую. И ничего, сытенькие детки были, здоровенькие.

(Волгоградская область, 93)

Дитю крупу растираешь гречневую. Терёшь и засыпаешь на молоко. Потом в черепяной мухоточке в печи упариваешь. И ложечкой этой кашкой дитя кормишь. Ещё ему попекёшь и трундóсы. Наберёшь картошки, натерёшь на тёрке её, потом возьмёшь немножко мучицы, замешаешь это всё. Растопишь печку, сковородочку поставишь, она разогревается, и кинешь маслице, чтобы не пригорало. И трундосы эти попекутся. Тёпленькие дитю дашь, он и смáкает. А как уже здоровый станет. Подрастёт, там уже ему и борщ дашь. *(Курская область, 123)*

Специально для ребёнка в печь ставят глиняную крынку с молоком. А чуть на лёгком жару подрастёт молоко, то ставят в ней кашу парну. Каша томлёная на молоке была ячневая и житная. Вот вольют эту кашу в миску, посередине ямочку сделают и масло туда запустят. Детки за стол посядут, из этой самой миски забирают ложками каши, обмакивают в эту ямочку, в масло, и едят. А на руках у матери сидит маленький ребёнок, около годика ему. Обмакнёт мать этой житной каши в масло и даёт ему в ротик. Сытно так маленького кормят, ведь говорят: «Не вскормишь малого, не видать и старого».

(Архангельская область, 47)

Были горшочки маленькие, глиняные, кашку-полюшку дитёнку варили, в глиняном-то она бывает. Они, горшочки, с ручечками такими небольшенькими, чтоб взять было хорошо. Варят полюшку на загнётке, вот тут жар из печки на загнётку выгребут и тогда в жару этом варят. Вот молочка вольют в этот горшочек и на жар поставят. Тут же месят крахмал, сами делали

из картошки, и мучки смешивают с сырыми яичками. И быстренько, как молоко вскипит, это месиво туда всыпают и присолят сколько надоби. Помешают это всё, покуда на загнётке, закипит, проварится — и каша готова. Снимают, остужают и дают дитёнку полужиденькую полюшку из ложечки.

(Смоленская область, 159)

Если плохо дитёнок кушает, тогда догадываются: чем-то испугался он там. Или бывают сглазы дитёнку такие, что сейчас же он заболит и не ест. Говорят: «Во! Сурочил кто?! Ел так хорошо мальчик, а вот замкнулся...». Заговором лечили.

(Смоленская область, 160)

Когда детка плохо кушает, никак не хочет, ставишь ему чашечку на головку. А он головку подымает и ротик открывает. Ему ложечку кашки в рот — раз, и говоришь:

*Чашечка
На головушку!
Рости, Ванюшка,
До полюшки!*

Заставляешь его так-то, он уж и старается покушать.

(Архангельская область, 32)

Как кушает мой Петька, какая придёт в голову песня, ту и запоёшь. Любую песню ему пою. Ловко к себе прижму, он смотрит на меня и слушает, я ему ложку в рот и дам. Вот так вот и было. А какой он у меня капризный был, прям нельзя. Есть, что ребёнок покоряется, покушает как следует, а этот капризничает, не ест. Я уж его и так, и этак:

*Ам-ам, мой золотой,
Моё золотко,
Ам-ам, ешь, ешь!*

*А то вон — гав-гав идёт,
Вот укуся! Ам-ам!*

Ещё возьмёт ложечку покушает и обратно перестает. А я думаю: «Обожрѣца, будя плакать...» — и в люльку его.

(Грузия, духовборы, 106)

Сядешь с ним за стол: «Ну, давай, маленький, мой хорошенький, мой пригоженький, покушаем:

*Ложечку — за мамку,
Ложечку — за папку,
Это ешь — за бабуку,
Это — за меня,
А это сам за себя!
Вот пять ложечков возьмишь,
Так пять вершочков подрастёшь!»*

Что ему пробайкаешь, он разинет ротик, а ему — раз туда ложечку, и он ест. *(Смоленская область, 166)*

Из ложечки кормили. Годика два ему было. Не ест и всё тут. Мамка ему: «Глянь — коровушка идёт, молочка ушат несёт, будем коровушку доить, будем деточку кормить. Ешь за маму, ешь за папу, ну, а теперь за дедушку. А то будешь маленький. А так вырастешь большой — вот такой будешь толстый, здоровый:

*Кушай, кушай,
Маму слушай,
Да повыше вырастай
И любого побивай!»*

А детка смотрит на неё во все глаза, рот откроет и в ротик кашку — ам. Так ребёнка кормили. *(Краснодарский край, 117)*

Раньше бублики свои пекли из теста, раньше и мак был. А тогда, чтобы поспал младеничек, эти бублики специально пекли

и туда маку добавляли. Вот месили тесто, маку насыпали и в печке на железном листе пекли. Когда плачет ребёнок, когда он вредный, накормишь его этими бубликами с маком, и он спит.

(Краснодарский край, 116)

Маленьким детям все фрукты дают, не разбирают. Выжимают сок и делают морс из ягод клюквы, брусники. Или вот, варят отдельно в маленьком горшочке кисель. Натрут картошки, процедят из неё крахмал и когда из черники, когда из голубики наварят. Ягоды-то засушены были и не портятся. А после зимы клюква да брусника другой раз остаётся в погребном ледничке, и она такая, как помятая. И говорят: «Она хоть помята, да зато сладкая». Ей деток хорошо подкормить. Они-то раньше как-то крепче были. Пузан-то как съест двадцать морковий таких, ему — и репа, турнец, голандка. Всего-то наестся, репнины наваришь и грибы. Ему ранней весной и кислицу собирали. За этой киселкой в поле бегали, листочками зелёными, гнёздышками растёт, кислая-кислая...

(Архангельская область, 58)

Сушёные груши малышонку давали. Сидит, шамкает как конфету. И звары ему из этих груш варили. Арбузный мёд делали. Выжимали арбузный сок и сцеживали его. После варили, и он кипел, пока не становился тёмной такой, густой массой. Потом он остывал. Арбузный мёд получался сладким, малышонок-то макал в него хлебец и лакомился. Ещё деткам варенье из сосновых шишек варили: простуду хорошо лечит и от кашля помогает. Вот в середине мая, пока шишечки зелёненькие, не созревшие, с молодых сосёнок посрываешь. Их помоешь, зальёшь водой и варишь. После процеживаешь на дуршлаке и в сок засыпаешь сахару, и опять кипятить. Получается вкусно-вкусно.

(Волгоградская область, 91)

Гальян — тростниковый мёд был. Он растёт как веничками весь, а ствол у него сладкий. У кого этот гальян растёт, так

детишки позаедятся им все. Крутят они этот ствол вот так вот, он трескается, а сок течёт, и они сосут его.

Тростниковый мёд — это тростник, а тростник прозывается гальян. Берёшь семена, тростник сеешь, растёт он в огороде, и когда созревает, веничек пускает. Тогда срезаешь его и сидишь чистишь листья. Ну, вот почистишь и эти будылки в специальную машину (сами делали сок выжимать) кидаешь, и она выжимает. Ведро подставляешь, будылки отходят, а сок бежит. Тогда в большой чан сливаешь сок и подкладываешь под чан дрова. Сок варится, посмотришь по виду: он кипит-кипит и делается густой и коричневый — получается мёд. И было, что ещё кислицы — дикие яблоки собираешь и в этот тростниковый мёд, в сок кидаешь, и они варятся все вместе. Соком этим кислицы нальются, сладкими делаются. И детишкам давали, получше всякой конфеты.

(Краснодарский край, 115)

Дикая лесная груша, она маленькая, её называют «выродка грушовая», а когда она становится покрупней и совсем большая, говорят — «поддулька». И вот её собирают и в кадушку насыпают, водой заливают, и она мокнет. Мочёная, она делается вкусной. Ребятишки так и шныркают вокруг кадушки, таскают да едят.

Эти поддульки ещё отваривали. Вот собирают, палочки отламывают, мочечку вырывают, чистят и отваривают. Потом отваренные эти груши толчоночкой — кашицей толкут. Руками полепят-полепят и в любой муке, в сое, в крупе, в отрубях обваляют. И в печку на лёгкий дух на сковороде их туда закатывают. Они высохнут, подсохнут сверху там, а в серединках мягонькие остаются. И вот достают и маленьким детям как какую сладость дают.

(Краснодарский край, 116)

Детям пастилу с алычи и сливы варили. И до сих пор делают. Вот алычи насобирают. Высыпят в чугунок и немножко подпарят на огне. Потом через железное сито протирают, прямо рукой, там шкурочка, косточка остаётся. А всё, что через сито

прошло, льют на досточки и на железную посудину, дно маслом помажут, чтоб не приставало. И закатывают в русскую печь на лёгкий под — маленький, лёгкий жар. И она высыхает эта пастила. Разливают пастилу и на капустные листья. На воздух, на солнышко выставляют. И она лежит, быстро сохнет. Листы эти не отрывались. Прямо с капустными листьями ели. Пастила очень вкусная. Дети её очень любили. *(Краснодарский край, 114)*

Сушонки для деток наготавливали. Нарóстим в огороде морковку, свёклу, репу, брюкву. Начистим, нарежем кубиками и в горшок. Горшок опрокидываем вверх дном на специальный закрой — вроде крышки. И ставим в печь, парить на маленький жар. Всё паром делалось. В горшке выступал белый налёт, словно сахарок. Потом это всё насушивали, вот и сушонки. Вкусно, пальчики оближешь. *(Архангельская область, 42)*

Праздничное питание отличалось от будничного. В воскресенье обычно готовили что-либо получше, интересовывали аппетит детей (сейчас-то каждый день всё одиноковое, надо с палкой стоять, чтобы он ел). А в праздник он сам рвался к столу. Так в будни варили борщ, на второе кашу и молоко ребёнку давали, у нас кислое молоко квасили. А уж на праздник печёного напечёшь — пироги с творогом, с яблоками, с кишмишем, калачики. Бабушка нам «ханфеты» сама всегда делала: жарила простую белую пшеничную муку, добавляла немножко растительного масла, жарила зёрна льна, так, без масла, и эту всю массу с мёдом смешивала. Потом в подвал выносила и застуживала. Нарезала нам узкими плоскостями и мы ели — «самоделковыми ханфетами» назывались.

(Грузия, духоборы, 104)

Опару варили из ржаной муки. Она сладкая, вкусная, маленькому полакомиться. Делали у нас так: рожь в муку размалывали. Муку заливали холодной водой и размешивали в глиняном горшке, чтобы погуще была. И ставили в печке не в

очень большой жар, чтобы не кипела, а прела. К вечеру вытаскивали из печки и, конечно, студили — выносили на холодок. И получалась густая, как повидла, сладкая опара. Её и на хлеб намазывали, и так ели просто, и с квасом. И детям нравилась. Ещё петушки из сахара делали, а из малины и смородины конфеты. Ягоды сперва варили, потом протирали сквозь сито. И тогда варили снова уже с патокой, мешали, пока не делалась густой. Эту густую смесь выкладывали на доску, прежде смазанную патокой. И ставили против огня. Когда она подсыхала, то свёртывали её в трубочки. И после уж этого, как подостынет, лакомились.

(Архангельская область, 58)

С любимой куклой четырёхлетняя Таня Черноусикова.
Село Секирино Рязанской области, 1987 г.

Одежда и утварь

ПЕЛЕНАШНИК И ПЕРЕМАТОЧКА

Когда ребёнок родится, завёртывали только в пелёнки. Простые пелёнки обычно шили из старого чего-нибудь (разорвёшь у сарафана старого становину домотканную, она мягонькая, ещё не износилась и как пелёночка). Раньше народ был не богатый, много пелёнок не заводили, там пусть две-три пелёночки на выход есть получше, а остальные все в тряпках старых. Нарядная пелёнка была крестильная и праздничная. Их расшивали. Нарядная пелёнка сделана из тонкого белого полотна и обшита была по краям кружевами. Которые могли, пелёнку вышивали, большинство крестом по канве.

Из праздничных вещей — парадное одеяльце было из разноцветных лоскутков, нашьют такое красивое, сделают на подкладочке. Было и одеяльце вязанное из шерсти, и по нему вышиты цветы гладью тоже шерстью. Вот эта хорошенькая пелёночка в одеяльце туда стелилась. А поверх особый свивальник был, простроченная такая широкая лента.

(Архангельская область, 47)

На пелёнки худое что-нибудь пригождалось. Вот рубахи носили, где маленько получше, где не обветшана, оторвут, чтоб швов не было, и закомкают. Постирают это всё, пополощут (речка-то рядом была), посохнут у печки маленько, и этим пеленали. А вот крестильную пелёнку, кто как мог украшали, вышивали красным крестиком, уголок вышивали и кружевами отделывали. Пеленали с пелёнкой и свивальниками — это лóхани были. Для свивальников тонкий бумажный холст сами ткали и отбеливали, белый делали и расшивали, миткаль вышивали. Сшивали нарядный свивальник и из треугольных лоскутков с завязочками по краям. Пеленали ребёнка пока он не ходил, чтобы в люльке не брыкался, спокойно лежал.

(Владимирская область, 86)

Как родится ребёнок, его помогают и головку покрывают наголовничком, платком из куса мягкого полотна, и одевают в перематочку. Перематочка — это такая несшивная распашонка, кусок материи, сложенный как конверт, разрезанный спереди, где глоточка, а тут, как фартушок. А на пелёнки рвали хвиряк — это от мужской рубахи перед и зад, сотканный из пеньковой конопли. Вот, значит, в перематочку оденут, а потом в пелёночку. Как в песне поётся: «В бумажную пелёночку свивали, шелковыми одеялами одевали...». Было праздничное одеяло, атласное, с брыжами, в нём ребёнка выносили в церковь, в гости.

(Курская область, 118)

Пеленали вот во что: раньше всё было самотканное, своё. Старая рубашка, чи мужикова, чи своя, она уже вмятенная станет, вымоется. Вот рукава вырываешь, их отпарываешь и стан большой отрываешь на пелёночку, шёл всякий: и ситцевый, и портяной. Ну, тады в это и пеленаешь. А чтобы дитёнка обкрутить-подвязать, сплетёшь длинну таку опояску, метра два — рябушками звали. Чтобы его в пелёнке этой рябушкой крест-накрест подвязать. И связанный он тады лежит, чтоб не царапался. Его долго так сповиваешь.

(Смоленская область, 159)

Под грудничка подстиляли полотняную, холщёвую пелёнку и обвязывали поясом, тканым или лоскутным сповивышем. Этот сповивыш пеленали обеими концами вокруг, и спереди и сзади, чтоб обязательно было крестом. Запеленовывали, чтобы ребёнок не раскидался, ручками не трепетнул и сам себя не испугал. И ещё, чтоб ручки и ножки прямыми были, не кривились, а то как в частушке: «Уж вы, мальчишки-мальчишки, не глядите на меня, когда мама пеленала, кривонога вышла я». Ещё простынки делали. Был такой холст тонкий, словно ситец, по нему нарядно так крестом вышивали. В эту простынку убирали ребёнка и на руках несли на праздники там, в церковь, к людям погулять.

(Смоленская область, 169)

С начала родов два дня пройдет, дитя немножко приокрепнет, вот его тогда завёртывают в репакі — это пелёнки у нас так называют. Пеленают на ногах, повалят себе на колени и в пелёнку его, а потом обовьют в свивальник — широкая такая лента. Бывало, что пеленала первые девять дней бабка-повитуха, с особым наговором: «Одну душу Бог простил, другую народил! Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Амины!» — и крестила младенца. Усердно пеленают да переплетают, чтоб дитя рос и был не горбатый, не кривой, а ровный такой, ноги прямые чтоб были. А сейчас не свивают, он ручонку раз, вытащил, чего-то ей зацепил, испугался и уже заплакал. А так спокойный свитый лежит. *(Архангельская область, 49)*

Чтоб ребёнок не косолап был, так надо было пеленать и свивальником подвязывать. Свивальник, как широкий пояс, настроенный, прозывался у нас свивалкой. И ещё такой пояс узкий был, этот прозывался пеленалкой. И вот так в пелёнку и свивалку заворачивался ребёнок и связывался пеленалкой. До году пеленали. Тогда он лежит, рукаи не машет, спокойно спит. *(Бурятия, семейские Забайкалья, 83)*

Ребёнка ждёшь, готовишь пелёночки. Кто их нарядёт да выткет, а кто из подставки — куска старой рубашки пошьёт. А то и в суровую холстину укручивали (развяжешь, а по нём рубцы от этой холстины). И свивален сошьёшь, и сплетёшь из суконной нитки. Сшитый считался парадным, а суконный — повседневным. Свивален этот шили в пальца три шириной, ещё его плетёночкою шерстяною вили. Поверх всего ребёнка обрأتывали пеленашником — верёвочкой такой, чтобы он не распахнулся в люльке. Он же как копыхнётся и, сам себя пугая, просыпается. А так совьёшь его, укроешь, он долго спит и не рóbится, не колготит. На другой год уже посюда — по грудку начинали свивать, он ручками и мотая. *(Белгородская область, 73)*

Пеленаешь малышонка, вот ножки и ручки выпрямляются. Вот так нежной пелёнкой его обвёрнишь и в свивален совьёшь (он, как тесьма был, или самоделкой связан). Поверх пелёнки свивален обмотаешь кругом и на бочках подтягиваешь, не сильно, чтобы больно малышонку не было. Свивален нужен, чтобы он пелёнку не разворачивал, чтобы ножки были ровными и ручки были вытянутыми. Пеленаешь до восьми месяцев, потом начинаешь только ножки связывать, ручки оставляешь свободными, он и развивается. А как уже привыкнет, и ножки не связываешь.

(Грузия, духоборы, 104)

Пелёнку перевивали витком, чтоб младенец свитый лежал и не распеленовался. До шести месяцев свивали, чтоб ножки и ручки кривые не были. Потом освобождали ручки, а потом и ножки. Младенец был в пелёнках до года и гораздо дольше, пока не вырастал, не делался крепким. Было, что и до трёх лет в люльке в пелёнках держали. Как ребёнок выходил из пелёнок, его клали с матерью, где он сосал грудь, и с ней спал.

(Волгоградская область, 91)

УБОРЧИКИ

Когда малый полóзить начинает. Вязили мы иглками длинные чулочки такие — из пряжи из шерстяной, чтобы они коленочки закрывали, чтоб ему по полу полозить. Резиночку к чулочкам связишь, и они держатся. И для улицы ткали и шили сами из полотна чулки.

(Воронежская область, 99)

Раньше детям всё шили сами. Как годок исполнится, так шаровары шили и мальчику, и девочке. Они ползают в шароварчиках, полов-то раньше в доме не было — глиняны зёми были, вот по зemi они и лазиют. Шароварчики со всякого материала шили. На праздники из новенького пошьёшь, ну там тесёмочка, цветок с листиками вышьёшь для форсу. А так из старого делали: то платье порвалось у подолу, то рубашка

порвалась, воротничок и спину раз-раз и выкроешь руками, тут же сядешь и сошьёшь. На ножки им чувяки из кожи делали (вроде тапочек); чувяки эти пришивались к подошве, какие с подборчиком были, какие нет. С двут-трех лет уже носили поршни, круглый год в них ходили. Поршни из кожи шили, раньше кожи много было. Брали лоскут кожи, вот так вот на него ребёнка ставили и по его ноге обворачивали и обрезали. И по краям шилом провёртывали дырки кругом. Потом специально плели, крутили из конопляного шнура и в эти дырки его продёргивали, и нога обвязывалась на уровне щиколотки. Портянки на ногу наворачивали, типа тряпочек таких накручивали, а на них поршни затягивали, они очень прочные были.

(Краснодарский край, 114)

Рубашки малютке делали из кисеи, коленкора, миткаля, обычно белого цвета. И обшивали их ленточками, голубыми — для мальчиков, розовыми — для девочек, и одевали в праздничные дни, когда несли маленького в церковь или шли в гости. Ситцевые рубашки были будничными, на каждый день. Поясок надевали только после исполнения шести недель. Служили для пояса обыкновенные тесёмочки или плетённые из красных шерстяных ниток шнуры. *(Московская область, 130)*

До первого годка дитёнку не шили рубашек и другой всякой одежды из нового холста, только из старого, такая старинная приметка была. Рубашечку из плохонького, из своего старого белья сошьёшь тады, чтобы рубчиков не было и мягонькая была. И чуники раньше на ножки дитёнку делали — это тапочки такие плотные из толстых ковровых (вязали из ковровых отходов). И вязали из веревок, из копылы, так же, как и лапти. Зимой куда с дитёнком идти, так завернёшь его в шубу и держишь на руках, звалось это «у палё», «у палу́ закрутить», так и носили. А летом — в платок, и пошла с ним. *(Смоленская область, 159)*

Я сама дитю шила распашонки, ситцевые рубашечки и шапочки и обвязывала их. Когда идёшь в церкву или в гости, то другое одеваешь — получше, а дома уж в чём попало.

(Волгоградская область, 93)

Детям шили рубашки полубумажные, самотканые из конопли. Рисунок ткали разный. Особые рисунки ткали для рубах мальчиков и девочек, также особую кайму ткали на подол и рукава. Для мальчиков была ткань с узором — крестиками и квадратами, а для девочек уж что позатейливей.

(Воронежская область, 98)

Вот я Катьку родила и никаких рубашек не приготовила. Так бабушка отстегнула рукав от кофты, дырку на середке прорезала. Так с месяц девочка и носила, такая рубашка была. Как на ножки уже становились, детям шили из льняного портна — мышницы, домотканые, длинные до пят рубахи с красными узорами. Девочкам из льняного холста ткали нарядные сарафанчики — пестрединники, а под эти сарафанчики белые такие рубахи — коклюшницы.

(Архангельская область, 64)

После пелёнок дети ходили до пяти-шести лет в длинных по пятки грубых холщёвых рубашках. Их шили руками коноплёвой нитью. Летом маленькие дети носили ходоки, их плели как лапти с куги, озёрного растения. А зимой носили ходоки из овечьей шерсти.

(Волгоградская область, 91)

На рубашки полотно ткали и вышивали крестом. Дети в холщёвых рубашках бегали аж до самых холодов. После пелёнок, я помню, у меня брат годов до шести ходил в такой вот длинной рубахе, и ни штанов, ничего поднизом. Зимой-то что-нибудь ещё надевалось. Лапотки маленькие плели, носили летом и в рósхлябь, и по пороше, зимой — с суконкой. У девочек был повседневный и праздничный костюм. На рукавах сорочки

была вышивка, на андарák, юбку, внизу по подолу пришивались ленты. (Брянская область, 81)

До пяти лет пареньки и девки одевались одинаково. Ходили в простых рубахах — стانیнах. Они были до колен и ниже. Делали рубашки из льняного холста, а девочкам потом из чего-нибудь старого шили платыца. У детей с двух-трёх лет уже была одежда, что и у взрослых, пошитая по-старинному, только маленькая. У пареньков была долгополая рубаха и высокая четырёхугольная шапка. У девочек: рубашка, юбочка, сарафан-горбунник, к нему запан — пояс, и шаль была. Сверху набрасывали на себя шабурчик. На ноги надевали кожаные обутки, а в холодные дни — самовалынные пимы.

(Бурятия, семейские Забайкалья, 83)

Летом бегали в одной длинной рубахе, без штанов. До пяти лет у меня не было никаких штанов. Зимой сошьют носки длинные, шерстяные. Большинство вязали их с узорами. кто вязал квадратиками, крестами, кто вязал дорожку. Штаны шили из старого, из нового ничего не шили. Из старой овчины кожух шили, овчина была старая, а верх протягивали, крыли чем-нибудь новым, дешёвой материей.

(Архангельская область, 49)

Детям ткали поглубей, чтоб не рвалось. Я маленькая была, у меня лопатина — кофта и юбка шёлковые с узорами были (шибко она богатая эта лопатина). Был и сарафанчик — красик назывался, крашенный клетками красиво. И полушалочек был, мне было годика три, а я уже в нём бегала. Мальчику на зиму штаны ткали и шили, а девочке юбку надевали под низ, под рубаху, чтоб теплее было. Ступеньки на ноги плели, лыко брали почище от берёз, лёгонькое — пошикарней лаптей получались; маленьким всем наплетут: «Батка новые сплетёт, босиком не поведёт...». Ступеньки ребятишкам на босу ногу надевали, и весь день в них играли.

(Архангельская область, 58)

Для мальчиков сами ткали нитки, синие и белые, и полосочками тяжёвы — штаны из конопляной холстины шили. А до пяти лет они ходили в самотканых рубашках без штанов. Пиджачков раньше не было, халаты были, их сами мальчикам ткали из шерсти, как поддёвки. Девочкам кофты ткали и платки ткали, носили они костюмы, что и взрослые. Лапти плели маленькие. Валеночки валяли — белые, седые, чёрные — у кого какая шерсть. Овец резали и овчины выделявали. Шили детям шубки крыты. Для девочек шубка была вся изуряжена, а мальчикам шубки не обряжали. А когда маленьких овешек-ягняшек резали, так курпёк — свой каракуль раньше был. Эти шкурочки снимали и кудряшёк такой барашечкой выделявали, ребёнку шапочку шили из кудряшковых; шапочка из кудряшка тонкая, нежная, мягенькая. *(Воронежская область, 99)*

Казачкам ещё в малолетстве, а уже шили костюм, как у взрослого казака. Глядишь, ему ещё и трёх лет нету, а уже его выряжают в праздничную расшитую рубашку, в китель с погонами, с каймой на рукаве (для отличия по званию) и ремнём с бляхой, в брюки с лампасами, с малиновой полосой, в папаху из каракуля, в хромовые сапожки. А если без кителя пацанёнок, то ему одевают тёмно-синюю с малиновой каймой казацкую фуражку с кокардой. *(Свердловская область, 179)*

Маленьких, как они выйдут из пелёнок, одевали в уборчики — это вроде женского сарафана, только сплошного. Уборчики — от слова «убрать». Вот говорят: «убирайся» — это значит «оденься скорей». Уборчики шили из самотканки, суконные были, а под конец, позднее сирпінки пошли — это когда через полотно пропускали бумажные нити. На уборчиках не вышивали, но для мальчиков и для девочек они были по разному сшиты, фасон разный. Для мальчиков уборчики были однотонные, тёмные, а девочкам шили светлее, понарядней. В уборчиках долго ходили, но затем мальчишки штаны с помочами носили.

У детей была будничная одежда и праздничная. Праздничную одежду пошьют новенькую, она более нарядная: другой уборчик, другой чепчик-шапочка, тут вышито, кружавчики; у девочки косыночка вышитая, с кружавчиками, праздничный корсет для воскресного выхода. В будни-то это не носили, ведь замарается.

У маленьких детей, как и у взрослых, была старинная одежда: у девочек корсеты, а у мальчиков жилетки и ещё картузы. Картузы, как казацкие, только у казацких кокарды были, а духоборцы вместо кокард вырезали цветы. Цветы-пучочки из материи вырезали, а летом живые носили. Жилетки из самотканки настёгивали и сверху покрывали своей материей. Зимой из чистого стёганного сукна шили черкески. Сами кожу обрабатывали и шубки делали тёплые, мальчикам — это выделанные дублёнки, а девочкам белые, так как их не дубили. Мальчикам зимой шили шапки из барашков, обрабатывали и называли — каблаўхи. Ещё шапочки попростее шили, простёгивали и покрывали голосеем. Для зимы бурковые валеночки делали сами из войлока и сапожки детишкам шили. А летом уж они разумши бегали. Также у детей башмачки были, как у взрослых, по-старинному — кожаные с мёдочками, это каблук обивали медной пластинкой, так делали для крепости и красоты. Духоборцы считали позором покупать башмачки и обязательно шили сами. (Грузия, духоборы, 102)

СИДЮШКА, СТОЯКА, ХОЖАЛКА

Меньшого посажу в корыто и одеялами обгорожу, а так он не сидит, валится. Я когда на улице, а он в корыте у меня или на кровати в подушках сидит. (Смоленская область, 141)

Хозяин рóбил для дробненьких мальцов сидюльчик — стульчик с перильцами и кожаным ремешком впереди. Чтоб малый сидел и не выпадывал. (Архангельская область, 56)

Раньше делали маленькому ребёнку стульчик деревянный — сижонку. Из чурки выдалбливали или выкапывали из дерева. Вот брали пень и выдалбливали полукругом место, чтоб сидеть ребёнку удобно, и задвижечку деревянную впереди, палочку задвижную такую делали. Посадят его в эту сижонку, и он сидит, никуда не девается. *(Архангельская область, 31)*

Когда Ванька мой в люльке уже мог сидеть, брали ему сидюшку. Она деревянным ящичком таким была сделана, в спинке повыше, а в ножках чуть пониже, в боках с вырезанными фигурками. В сидюшку матрасик шерстяной стёганный подстилали, на матрасик клали маленький клочок овчинки, чтобы не промокало (клеёночек-то тогда не было), подушечку из пуха под спинку подкла́дали. Вот Ваньку в сидюшку посадишь, а сама по дому работаешь. *(Грузия, духоборы, 105)*

Плели дитю из прутьев лозы колыску. Она как большая-большая корзина. В ней покато, мягко, упадёт дитё, так шишку не набьёт, и местушка играть довольно. Поставишь его в эту колыску, он и топочится там, забавляется. И уж не боишься за него, что он там завалится. *(Брянская область, 75)*

Раньше, когда утром готовишь, стираешь, некогда с дитём волынькаться, перевернёшь табуретку вверх ножками, половицу постелешь и в табуретку дитё ставишь.

(Краснодарский край, 115)

Как будет ребёнку шесть недель, так в стойлочко его ставишь. Стойлочко похоже на маленькую табуретку, только в середине дырка. А делали так: брали две гладких квадратных дощечки, одна шла под ножки, а та, что верхняя, на ней вырезали круглую дырку. Эти две дощечки скрепляли с краёв четырьмя чурочками-стоячками, к двум из них, посере́дке, кожаными ре́шками прикрепляли маленькую дощечку-сидульку, она опускалась и поднималась. Когда ребёнок уставал стоять,

ему откидывали сидульку и он на неё садился. Ребёнок в стойлочке мог стоять и сидеть. В каждой семье они были, где есть дети. Поставишь его туда, а сама за прялкой ли копёшишься, у печки ли стряпушничает, а он стоит в стойлочке, головкой вертит, за мамкой подглядывает.

(Смоленская область, 150)

Когда малец начинал полóзить и на ножках стоять, делали ему стоялку. Брели дощечку с выпиленным посере́дке кругом и прибивали четыре ножки. Эти ножки приделывали чуть наискось в стороны с маленькими, выгнутыми дугой на пятах деревячками, чтоб стоялка устойчивей была и по полу скользила. Отверстие в стоялке, куда опускали ребёнка, обкручивали мягонькими тряпочками. В этой стоялке малец мог стоять, а мог грудкой упираться, ножками перебирать и ходить.

(Архангельская область, 2)

Какой ребёнок только начинал ходить, столяры ему делали деревянные ходули. У нас тятенька выплетал ходули из ивовых и черёмуховых виц. Сначала он брал два прута потолще, один подлиннее, другой покороче, изгибал их и скреплял два круга. Который шёл вниз на землю, тот побольше и потяжелее, а верхний — поменьше и полегше. Потом обкручивал их уже вокруг тонкими вицами. Эти два круга он соединял, так чтобы высота была по росту ребёнка, пятью-шестью прутами. Вот верхний круг уж сама обмотаешь, обвёрнишь тряпочкой и ставишь своего малыша в эту ходулю. Он ручечками обопрётся, ножками вперёд т́пкает, ходуля упружит об пол, и он идёт, учится ходить. Ходули делали и на маленьких деревянных колёсиках, а не на шпильях, и они едут.

(Архангельская область, 36)

Чтобы маленький ребятёнок сам, без помощи взрослых, ходил, плетёшь ему хóжалку. Возьмёшь и из прутьев лозы два кольца согнёшь — одно побольше, другое поменьше. Маленькое

вставишь в большое и в одно широкое колесо прутьями вокруг соединишь, и обвяжешь. И к этому колесу шесть ножек с изогнутыми в стороны концами приладишь. Лёгкая, прыгучая хожалка выходит, но устойчивая. Ставишь ребялёнка туда, ему месяца там четыре будет, и он с ней ходит и не падает.

И ещё другая была хожалка: чурбачок такой в горнице стоял, тяжёлый, с гладкой поверхностью. От середины его в сторону прикреплялась палочка, и она могла вращаться по кругу. К концу палочки приделывался кожаный хомут. И вот этот ремённый хомут ребёнку надевают в подмышки. И он по кругу ходит, а хомут его поддерживает на ножках.

(Брянская область, 75)

Ходулечку делали самоделкой, чтоб ребёнок начинал ходить. Ходулечка — это палочка с двумя колёсиками по краям, с середины этой палочки вперёд шла другая палочка, она была с немного загнутым в сторону концом и одним колёсиком. У палочки с двумя колёсиками ещё был поручень, чтобы ребёнку за него держаться. Ходулечка только по кругу едет, малышонок за деревячку — за этот поручень держится и за следом идёт, ножками переступает.

(Грузия, духоборы, 105)

У нас мадэльничали из берёзовых виц и прутьев — ходило. Верхний прут был лёгкий, а нижний — тяжёлый и с колёсиками. Плотничали и деревянное ходило. Выпиливали из чурбака плоские кружки — колёсики, прокручивали в них дырки. В такие два колёсика вставляли палку, а к палке прикручивали вицей дугу. От середины этой палки вперёд отходила ещё узкая дощечка, на конце её делалась прорезь и вставлялось третье колёсико. Ребёночек захватывался ручками за дугу, перед собой катил ходило и туда-сюда перетапывался.

(Архангельская область, 64)

Для маленьких детей делали деревянные каталки. Они простые очень: чурочка такая длинненькая с двумя по краям

колёсиками и посере́дке палочка с ручкой. Ребёнок на ручечку упирался и каталку перед собой возил, ему так полегче выхаживать. И ещё маленький был стульчик на колёсиках. Сзади у стульчика две ручки были. Ребёнок держался за ручки, толкал вперёд стульчик и ходил за ним. (Владимирская область, 86)

Маленькие колясочки были: одни из лозовых прутиков, другие деревянные. У деревянных колясочек дно было из сплошной доски и по бокам круглые палочки, колёсики для этих колясочек из целого дерева, из чурочек выпиливали. Деревянную колясочку раскрашивали. Дома внука поставишь на ножки, он за колясочку держится, она едет по полу, и он за ней ходит. (Волгоградская область, 91)

Из посуды: махоточки раньше из глины были. Маленькие махоточки для детей лепили и продавали. А мы покупали и дитя́м кашу в них вари́ли и подавали. Каша очень вкусная в махоточке. У нас тады и мисочки, и чашечки маленькие в доме были, для них-то всё. (Грузия, духоборы, 102)

Ребёнку маленькие деревянные ложечки резали из липы, только они не крашенные, ничего. Из глины горшочки и кувшинчики вылепливали и деревянные мисочки вырезывали — небольшо́енькое всё такое, в удобство дитю. (Смоленская область, 150)

Чашки были черепа́ные, деткам покупали. Га́шники были, много глиняной посуды было, чтоб маленькому покушать, крохоту́нное всё. (Краснодарский край, 115)

У нас дедушка сам мастер был, всё сам выстругивал, самоде́льничал: и ковшик маленький сделал, и ложку маленькую сделал. Для детей, по старому порядку, так было, что выруб́ливали небольшо́ий столик и стулик, и сунду́чок. (Грузия, духоборы, 105)

Раньше для купания младенца были деревянные корыта, хозяин вырубал-выдалбливал из ольхового чурбака корыто, небольшое такое, лёгкое. Маленький столик с лавочкой был и специально шкафчик.

(Брянская область, 75)

«Стойлочко» и манеж из прутьев.
Село Верещаки Брянской области, 1998 г.

Потешки

ТОЛКА́ЧИКИ-РОГА́ЧИКИ

С внучечкой я играла. Подойду к люльке, она маленькая лежит, ждёт, когда я ей носик нажму. Вот я двумя пальцами быстро-быстро так перебираю ей по животику, по грудке, по подбородочку:

*Два пожарничка бежали,
Эту кнопочку нажали,
Пип!*

И нажимаю на носик. Когда так делаешь, внучечке приятно, и она улыбается. (Архангельская область, 63)

Ванька стоит в стойлочке, ну такой хорошенький, пригоженький, толстенький, румянёнький. Встанешь перед ним и называешь:

*Глазки — уголь,
Нос — картошка,
Щечки — булочки у нас!*

Когда говоришь, вначале указательными пальцами дотрагиваешься до глаз, потом большим пальцем до носа и ладонями легко ударяешь по щёчкам.

(Архангельская область, 66)

Ребёнка учишь запоминать, где что, вот это и буробишь:

*Густой лес,
Чисто поле,
Две тополя,
Два окна,
Две подушки,
Римбимбуля,
Липитуля,
Точка!* *******

Со словами: «Густой лес, чисто поле» — одним пальцем дотрагиваешься до волос на головке малыша и до лба; «две тополи, два окна, две подушки» — уже двумя пальцами, большим и указательным, касаешься бровей, глаз и щек. А когда говоришь: «римбибуля, липитуля, точка» — указательным пальцем нажимаешь на нос, показываешь на язык и трясёшь бородку.

(Краснодарский край, 114)

Маленькому рассказываешь:

*Тут лес,
Тут поляна,
Тут бугор,
Тут яма,
Тут грудь,
Тут живот,
Тут сердце живёт!*

И прикасаешься к его волосикам на головке, ко лбу, к носу, ко рту, к груди, к животу и прижимаешь ладонью место, где сердце. А бывало, и по-другому скажешь: «Горы, яма, нитки, титки, пуп, живот, а тут барин живёт!». «Нитки» — это про жилы на шее. А «барин живёт» — это про интересное место говорится, что пониже живота. Как до этого места доберёшься, так малышонок аж прямо заходится голоском, смеётся.

(Волгоградская область, 93)

Беру Вовку за носик: «Давай носик померим, у кого носик больше, у кого меньше!» — и тереблю так легонечко. Или вот беру за нос и спрашиваю: «Чей нос?». А Вовка отвечает: «Мой!». А я тогда: «Тяни его домой! Тяни его домой!» — и тяну Вовку за нос.

(Волгоградская область, 90)

За носик вот берёшь детку. Двигаешь носик влево-вправо и спрашиваешь:

- Носик, носик,
Куда ходил?
- Славить.
- Что выславил?
- Калач да козулю.
- С кем съел?
- Один.
- Что мне не оставил?!

Этот носик в Великий четверг на Пасху хозяев славить ходил, за это калач и козулю (печенье такое, козульками напечённое) получил. Да всё сам, прожорлый, один и поел, не поделился. За это его тянуть да трепать надоби. И потрепишь за носик.

(Архангельская область, 64)

Этак за нос возьмёшь ребялёнка и выпрашиваешь:

- Чей нос?
- Саввин.
- Куда ходил?
- Славил.
- Шо выславил?
- Копейку.
- Шо купил?
- Тетерьку.
- С кем съел?
- Один.
- Пошто съел один?
- Поделись с другим!

За жадобку, за нос, и потрепаешь маленько: «Пошто мне не оставил-то?!»

(Архангельская область, 38)

В горб внука поколачиваешь и говоришь:

- Це в горбу?
- Деняжки.

- Хто наклал?
- Дедушко.
- Цем цerpал?
- Ковшицкём.
- А каким?
- Дервяным.
- А ещё каким?
- Золотым.
- Дай-ко мне!
- Ох ти мне!

Вот такая игра была у нас с внуком.

(Архангельская область, 8)

По спинке ребёнка перебираю двумя пальцами, словно идёт Бай, и потешку припеваю:

*«Идёт Бай по стене,
Несёт короб на спине.
В коробе сапожки —
Ване на ножки
Топать по дорожке.*

А вот эти-то сапожки ни малы, ни велики, а Ване на ножки не налазят. В лес Бай побежал, лык надрал, ребятишкам наплёл по лаптишкам. И за каждый лапоток просит грошиков пяток. Дадим ему пяточок за лапоток. Будет Ваня лапотки носить, в гости к бабушке ходить. Будет его бабушка пряничком кормить да медком поить. Вот какая у Ванечки добрая, хорошая бабушка».

(Курская область, 129)

«Ну посчитай, Юля, пальчики, ну, посчитай!». Я сама ей загибаю пальчики и считаю: «Первый палец, второй палец — три! Первый палец, второй палец -три!». А она говорит: «А как же, баба, тут не три — тут пять?!». А я вот опять ей: «Первый палец, второй палец — три!» — когда считаю, пропускаю два

пальца, хочу обмануть её, а не выходит, она уж соображает, сколько на ручке пальчиков. Потом беру её мизинчик, трясую и пою пальчикам:

— Пальчик-мальчик, где ты был?
— С этим братцем в лес ходил,
С этим братцем печь топил,
С этим братцем кашу ел,
С этим братцем песни пел,
Песни пел и плясал,
Родных братьев потешал!

Все ей пальчики на ладошке загибаю. Тогда она мою руку берёт, загибает пальцы и уже сама считает.

(Воронежская область, 98)

Учу своего мальчика считать пальчики. Из десяти пальчиков можно было получить пять. Вот считаю: «Один пальчик, два пальчика — три; с этим пальчиком — четыре, пальчиков — пять». А сама на каждое слово загибаю у него на ручках по одному пальчику и так все десять, и спрашиваю: «Сколько будет?». А он смотрит и думает: «Пальчиков то не пять, а больше». И сам уже смекает, сколько. Или вот загибаю на ручке пять пальцев и говорю: «Один палец, другой палец — всего два. Сколько будет?». Он опять призадумается. Ты его надуливаешь со счётом, а он выпутывается. А надоест играть, запеваешь:

Этот пальчик хочет спать,
Этот пальчик прыг в кровать,
Этот пальчик прикурнул,
Этот пальчик уж уснул,
А ты, братец, не шуми,
Пальчики не разбуди.

И укладываю его спать.

(Свердловская область, 180)

Младенчика распеленаешь, он на спинке не пелёнке лежит. Тихонечко вот так вот за ножки его держишь и на себя их тянешь: «Поехали, поехали! За солью, за солью!» — ножки так растягиваешь. А потом — то одну ножку, то другую ножку сгибаешь ему и тилюкаешь:

*Толка́чики-рога́чики,
Перевёртушки!
Толкачики-рогачики,
Перевёртушки!*

Подвигаешь так ножки, разомнёшь, поиграешь с ним и опять в пелёнку его. (Воронежская область, 100)

Ложишь малютку на спинку и тешишь. Ножки и ручки разминаешь:

*Ножки-качи́шки
Пошли молотить!
Ручки-грабельцы
Сенцо волочить!*

Сначала «ножки-качишки» туда-сюда согнешь-разогнёшь, а потом «ручки-грабельцы» в стороны разведёшь.

(Архангельская область, 14)

Когда лежит грудничок на спинке, двигаешь ножки к себе и от себя. И станешь говорить, чего взбредёт в голову, на ум найдет, то и будешь: «Раз, два, взяли, ножки потягали! Расти большой, будь крепкой, будь здоровеньким. Ходи босичком по дорожке, не ломай ножки!». А после по пяточке так вот рукой легонько тяпаешь ему и припеваешь:

*Кую, кую ножку,
Поеду в дорожку.
Утром рано
Зарежем барана,*

*Повезём до пана.
Пан даст пяточка,
Купим Лёше молочка!*

(Волгоградская область, 88)

Возьмешь своего маленького за ножку и вот так по пяточке, по лапочке ладошкой легонько стучаешь и приговариваешь:

*Куй, куй чебатов,
Подай, Паня, молоток!
Не подашь молоток,
Не подкуешь чебатов!*

Детоньке щекотно, и он посмеётся.

(Грузия, духоборы, 106)

По стопкам, по ножкам дитёнку хлопаем и говорим: «Подкуём, подкуём! Ножки, бегайте бегом!». И ножку об ножку постукиваем:

*Ай, Ванька-дружок,
Подкуй сапожок!
И мне некада ковать,
Мине мост мостить,
Серябром гвоздить.
А пы городу вода разливаеца,
А царь на коню разъезжаеца,
А царица над окном наряжаеца,
А царёночек у люлечки качаеца!*

Поиграешь с дитёнком и в люльку его опять уложишь.

(Курская область, 122)

Ну, вот ребёночка ложили на стол, на пелёночку. Меряли саженьями — растягивали ребёночку в стороны ручки. Сначала не очень сильно, и говорили:

Татки — сажёнки,
Мамки — сажёнки,
Братику — сажёнки,
Сестрёнке — сажёнки.
Всем по сажёнкам,
А нашей Алёнке
Самая большая,
Матяру́-ущая!

Вот так вот растягивали ручки, разводили и потом обратно ручки складывали к груди. И холсты меряли: «Тяни холсты — на покроичку, тяни холсты — на пелёночку!» — ручки разводили в стороны плавно так и опять складали снова.

(Архангельская область, 49)

Это так посадишь внука к себе лицом на колени и гаголишь: «Чапы́нушки-порябы́нушки» — это он как чапа́ется, значит, качается:

Чапынушки,
Порябынушки!
Деду — сажень,
Бабе — сажень,
А самая большая
Сажень Алёшеньке,
Дорогому моему
Крошеньке!

Вот эдак наклоняешь его спинкой вниз, а потом ручки в сторонки разводил — меряешь сажёнки. А ему нравится, он: «Баба, ещё! Баба, ещё!»

(Архангельская область, 58)

С ним играешь. Значит, пока ребёнок не умеет сам, возьмёшь его ручки, и так он махает кистями, как крылушками, махает перед собой. А сама прибубёнькивашь:

*По́тки, потки, потки
Полетели, полетели,
На кочок сели -
На головушку!
Сели, посидели
И снова полетели!*

Как скажешь: «на кочок сели» — он уж сам ручки на головку кладёт.
(Архангельская область, 39)

Ручки Ваньке вытянешь и помашешь в перемежку-то. Уж как только начнёт он сам ручками, я ему:

*Уты-уты-уты-уты,
Плавали, плавали!
Реки встали,
Озёры замёрзли,
Некуда уткам сести.
Пыр — к Ваньке на головку!*

И ручки на головку ему положишь. Приучаешь его так.

(Архангельская область, 14)

«Ну, Катенька, давай в «совушки» сыграем: «Совушки, совушки, полетели, полетели!» — ну-ка давай, «совушки-совушки», ну-ка вот так ручками, давай, давай потрепем, потрепем. Вот так полетели, полетели, как птички. Гляди, совушка-то какая:

*Совушка-совка,
Чёрная головка,
Чёрные ножки.
Сафьяны сапожки!*

Ну, Катенька и поиграла, и ручками помахала. А вот «плюнь плывёт, плюнь плывёт!». Ну, Катенька, давай ручками поплаваем,

в стороны ручки растянем. Вот молодец, девочка! Вот хорошо играет.
(Грузия, духоборы, 101)

Маленький плачет, а я подойду и так вот ему чубчик почешу, головку приглажу:

*Вот кудели-то, кудели пряли две недели,
Ничего не ели, чтоб их птушки съели!
Кудели, кудели, кудели,
Не чёсыныя, не волосеныя,
А когда тебя, куделюшку, чесать,
А когда тебя, седую, волочить!»*

Хватишь тут его за головку и покуделькаешь — вот так вот головку из стороны в стороны покрутишь. Его забавишь, чтоб не плакал: «Кудели, кудели, чтоб тебя птушки съели! А не будешь плакать, тебя не захотели!»
(Белгородская область, 73)

«Ах, Машенька хорошая, умница у нас. Вот Машенька, вот моя дорогая крошенька, вот! Ну-ка сделай кудель — поверти головкой! Ай, славно как:

*— Кудели, кудели,
На святой неделе,
Куда Машу дели?
— Никуда не дели,
Пряжу мотали,
Бабе помогли!*

Вот славно-то как сделали кудели, головкой повертели, чтоб глазки блестели, люди глядели!»
(Смоленская область, 150)

Мой-то проснулся, в люльке сел и лопочет что-то там, ручками мотает. Ну, такой миленький, хорошенький, любошенький. Я склонюсь и свою голову к его головке приставлю и боду его: «Бошки, бошки, бошки, бошки!». А он в

меня головкой упирает: «Боськи, боськи...» — говорит. Потом возьму его ручки и по своей голове хлопаю:

*Чушки-вьюшки,
Перевьюшки,
Тим-бир-лим
Сидит в кадушке.
А я его по макушке:
Бац, бац, бац! ❀❀❀*

Ему интересно, он радуется, смеётся.

(Грузия, духоборы, 101)

Гляжу, мальчик мой на ножки встал. Я раз-раз за ручки его беру и вверх тяну: «Маленький-малой, расти вот такой, такой, такой!». Потом на место поставлю и опять вверх тяну: «У-у, какой вырос большой, до потолка рослой!». А уж как его ставишь и садишь, говоришь: «Сел дед, села баба, съели сало! Сел дед, села баба, съели сало!»

(Коми, 110)

На руках подкидываешь ребёнка и выговариваешь: «Ой, лапочки, лапотушечки, они дома лежат — у кадушечки!». А он улыбается, рад, что подкидываешь. Ну ещё наплетёшь:

*Скок-поскок
На чужой мосток,
Я свой замощу,
Никого я не пущу.
Только Ванечку пущу,
Да я хорошего пущу!*

(Белгородская область, 73)

На руках своего малого тютюшкаешь и буробишь что зря:

*Качики-качки
На серой собачке!*

*Зацапили за пянёк
И стояли весь дянёк.
Скок! Скок! Скок!*

Бывало, плетёшь чёрти чего, а он смеётся: «Качики-качки, прыг-скок да попрыгайчики!» — что на ум найдёт, то язык несёт, лишь бы малого повеселить, потешить.

(Волгоградская область, 93)

У меня мама подбрасывала ребёнка на руках и припевала:

*Ой, туш, туш, туш,
Наварил дед груш!
Баба груши надула,
Не полудновала!*

Обиделась баба на деда, что груш не поела.

(Краснодарский край, 114)

Возьмёшь на руки из кровати Ваську и подбрасываешь: «Ух! Выше мамы! Ух! Выше папы! У-ух!» — это чтобы он скорее вырастал. Вот такой ещё делали массаж. У папы борода немножко колючая, но мягкая. И вот, значит, на животик ребёнка когда ложишь, говоришь: «Папа ёж, папа ёж, ты нам спинки не потрёшь?» — и вот так он вот бородой по спинке туда-сюда елозит. Щекотит он, а Васька ручками и ножками только бухтает.

(Архангельская область, 66)

Когда малышонка качаешь на качельках, и запеваешь:

*Гойды-гойдушки,
Пекли девки пирожки.
Пирожки нам не вдались,
По всей печи раздались,
Ровно камушки,
Пережарушки!*

«Камушки», значит, они неудачные пироги. Запеваешь дальше:

*Гойды-рэли,
Собаки поели.
Кошкам — по ложкам,
Курям — по кропоткам,
Дитям — по мохоткам,
Дитям — по мохоткам
Каши с маслом!*

«Рели» — это качели: верёвку повесят на толстый сук да там постелят дощечку или матрасик (у нас тюфячок называли). Вот повесят и качали на этой самоделке. Качали ребят двух лет и трёх. Пока ещё опасно оставить на этой вот верёвке, следишь за ним и вот запеваешь: «Гойды-рели», покачиваешь и запеваешь.

(Грузия, духоборы, 105)

ЛАДУШКИ, ЛАДУШКИ

«Если будешь плакать, коза-рогоза забодает» — и вот так делали двумя пальцами рожки:

*Коза идёт,
Гроза идёт
На малых ребят,
На титочных,
На зыбочных,
На пелёночных.
Кто в зыбке не спит,
На пелёнки стит
Того збодёт,
На рогах унесёт!*

И пугали детей «рожками». *(Архангельская область, 15)*

Когда играешь «Козу», вытягиваешь ручку ребёнка ладошкой вверх и двумя пальцами перебираешь по всей ручке до плеча, и говоришь: «Идёт коза рогата на маленькие ребята! Съем, укушу, на рога посажу, забуду-буду-буду!» — и тут пальцы собираешь в горсть и грудку ребёнку щекочешь.

(Архангельская область, 32)

«С внучкою дружу, щас я поиграю с Танечкою. А ну-ка, Танечка, как козичка брукаеца? Как козичка мекает? Козичка мекает: ме-е-е! А как коза бодая, не знаешь? А вот она — стой, стой, коза, не бодай Танечку:

*Идёт коза рогатая
На маленьких ребяток!
Хочет разбустить,
На рогах разнести,
На дорожку бросить,
Ножкой топнуть:
Кыль-кыль-кыль!*

А, коза тарота, ножиком порота, полбока луплена, за три гроша куплена. Не бодай Танечку, детка ешо маленькая. Ну, коза, ето не понимая. Коза-коза, гляди, идёт волк, ободранный бок, он три годочка ня ел, усё козлятинки хотел. А-а! Струхнулася коза, убяжала. Ну-ка давай, Танечка, её пожалеем...»

(Белгородская область, 67)

Васюткины ручки возьмёшь в свои и учишь: «А, катки, катки, потяпаем колобки! Колобки, Вася, колобки! Колобки, ладушки, колобки!». Сначала его учишь, словно из теста, тять руками колобки. А потом он поймет, и сам уж хлопает в ладошки. Вот только зачнёшь:

*А, ладушки, ладушки,
Были мы у бабушки,
Ели мы калабушки,*

*А ещё пирожки,
Обкакали сапожки!*

А Васька уж в ладошки хлопочет, в «Ладушки» играет.
(Волгоградская область, 89)

Катьке-то годочек, вот «Ладушки» ей запеваешь:

*Ладушки, ладушки,
Где были? — У бабушки.
Што ели? — Кашку.
Што пили? — Бражку.
Кашка сладёнька,
Бабушка добрёнька.
Угостила молочком.
Проводила голичко́м!
И дедушка плох —
Поварёшкой в лоб!* ❀❀❀

Как скажешь «поварёшкой в лоб» — так Катьке этак кулаком легонько в лобик залепишь. А Катька ручками шлёпает, смеётся, «а-ушки, а-ушки» — говорит. А я ей: «Маме — ладушки, папе — ладушки, дедушке — ладушки и бабушке — ладушки, а Катьке во-о какие ладушки!»
(Вологодская область, 97)

Играешь когда с маленьким дитём, а он ручками цимбалит:

*А, ладушки, ладушки,
Иде были? — У бабушки.
У бабушки на точку́
Да у беленьким колпачку.
Чаво ели? — Кашку.
Чаво пили? — Бражку.
Кашку поели,
Бражку попили,
Бабушку побили.*

«А у этой бабушки, — я говорю дитю, — на столе оладушки и с творожком пирожок, ну-ка съешь его, дружок!». И стряпала, готовила дитям пирожки с творожком.

(Волгоградская область, 94)

Научил её играть мой дед. А его научила мать, моя прабабушка, она девяносто лет прожила и говорила, что взяла эту игру, этот напев, от своей бабушки. Вот пели её и водили своим пальцем по ладошке малыша круговатыми движениями. Я помню, как со мной играли, мне было щекотно, и я смеялась:

- Вёкушка,
- Горожаночка,
- Где ты была?
- Во новóм городé.
- Што ты брала?
- Золотого коня.
- Где твой конь?
- У ворот стоит.
- А где ворота?
- Вода унесла.
- А где вода?
- Быки выпили.
- А где быки?
- За гору ушли.
- А где гора?
- Черви выточили.
- А где черви?
- Гуси выклевали.
- А где гуси?
- В озёра ушли.
- А где озёра?
- Цветами обросли.
- Где цветы?
- Девки вырвали.

- Где девки?
- Замуж выскакали.
- Где мужевья?
- На войну ушли.
- А где война?
- Среди гумна!

(Коми, 112)

Это вот как дитё дурит, а его вот так дразнят. И крутят вот так пальцем перед глазами, когда с ним поругаешься, чтоб он расхмурился-развеселился и не плакал, а это буробишь ему:

*Сорока-бялобока,
Научи меня лятать
Невысоко, недалёко,
Только солнышко видать!*

А потом уж пальцем по ладошке ему вот так щекочешь:

*— Чи-чи-чи, сорока,
Где была? — Далёко:
У попа на току
Наклёвала тыбаку.
Поп сказал: «Засяку!»
А я в лес убягу!*

(Белгородская область, 72)

«Танечка, «Сороку» можешь сыграть?». Она маленькая, ничего не понимая, ещё не разговаривает. Ну, бабушка и толкуя: «Ну-ка давай «Сороку». Давай, Танечка, ручку. Вот пальчики — это сорочкины детки: вот этот толстой-короткий с долгой бородкой, а этот маленький Мирошка, он любит горошку... А вот тут в мохоточке-ладошечке сорока кашку поваривает, вот так хвостиком помахивает да помешивает. А ты-ко, Танечка, своим-ко пальчиком помешивай давай вот тут кашку в ладошечке-мохоточке:

— Сорока, сорока,
Где была? — Далёко.
Печку топила,
Кашку варила,
Хвостиком мешала.
На порог скакала,
Деток поклика́ла:
— Детки вы, детки,
Собирайте щепки,
Наварю я каши,
Золотые чаши,
Всех угостим!
Вот тот дрова рубил,
Вот тот воду носил,
Вот тот печку топил,
А тот побёг на дорожку,
Выпросил у мужичка горошку.
А этот спал, не ходил,
Этому каши не дадим!

Вокруг уж внучатки собрались «Сороку» послушать. А бабушка толкуя: «Ну-ка, Танечка, ты Расскажи чёво-либо новенького про сорочку. Пусть детки послушают. У нас Таня ещё малая, не разговаривает, кто это знает, ну-ка Расскажи: как кашку варили, чем мешали, в чём варили, кто бегал на дорожку просить горошку. Давайте расскажите, дети, кто зная». Обычно все молчат, все не смеют. Ну есть такой мальчик боевой, он и кажет про сорочку: кто кашу варил, а кто спал и никуда не ходил. А потом мы кашку сварили, все сели за стол и покушали. Вот так мы и дружили.

(Белгородская область, 67)

Я так со своей внучечкой «Сороку» играю. Беру её ручку в свою и припеваю:

Сорочка-воронка
Кашку варила,
На порог становила,
Носиком мешала,
Пальчиком кушала
И деткам давала:
Этому на ложку,
Этому в поварёшку,
Этому в горшок,
Этому в масленичók.
А ты, Михей,
Толстой-корóткой,
Потряси своей бородкой.
Дрова коли,
Решетом воду носи,
Баню топи,
Машу мой-полощи.
Пень-колода,
Тёплая вода,
Щело-очо-ок,
Прямо Маше под бочок!

Когда припеваешь, что «сорочка кашу варила», водишь пальцем по ладошке, со словами «этому на ложку» загибаешь ей мизинчик, «этому в поварёшку» загибаешь безымянный пальчик, «этому в горшок» средний, «этому в масленичок» загибаешь указательный пальчик. Когда припеваешь «Михей, потряси своей бородкой», берёшь большой пальчик и трясёшь его из стороны в сторону. Как скажешь «пень-колода», то ребром ладони притрагиваешься до сгиба у кисти, а скажешь «тёплая вода» — до сгиба у локотка, «щелочок» — до плеча, а в конце, со словами «прямо Маше под бочок» щекочешь подмышкой.

(Архангельская область, 66)

Это по ладошке пальцем так водим, слюнькой на ладошку
ребёнку плюнем — кашку сделаем и пальцем мешаем:

— Сорока-дуда,
Иде была?
— Кашку варила,
На порог становила,
Деток кормила:
Этому дала каши,
Этому дала бражки,
Этому табачка,
А этому под бочка́ —
Вот такого казачка!

И пощекочешь под па́хою этому ребёнку.

(Грузия, духоборы, 101)

«Сороку» своему мальчику баила:

Качи́-качи́, сорочка
По бережку скакала,
Коренья копала,
Копáч потеряла.
На порожки скакала,
Гостей дожидала:
Не наедут ли гости,
Помятые кости,
Не наскочут ли молодцы
За дубовые столы.
Наехало гостей
Со всех волостей.
Одному дала ложку,
Другому — поварёшку,
Третьему — лоток,
Четвёртому — горшок,
Пятому — весь лепо́к.

*Кашу поели,
Все околели!*

Сорочка и у нас скакала под окном, ела кашку с молочком. Понравилась ей кашка. Полетела она на пашни́цу, насоби́рала пшеницу. А дома печку топила и кашку варила, деточек своих кормила: и этому давала, и этому давала, а этому головку оторвала». А Андрейка спрашивает: «Мама, почему сорочка ему головку оторвала?» — «А потому, что этот дровки рубил, этот воду носил, этот чашки мыл, этот кашу варил, а этот ничего не делал, его и вон из-за стола. Вот нужно маму с папой слушать, быть послушным, деду с бабой помогать, тогда будут кашкой с молочком Андрейку питать!» (Коми, 110)

На подушки малышечку посадишь, скатываешь, как с горки и балякаешь:

*Ка́чи-пока́чи,
Осиновы тура́чи!
Кат-катышок,
Будет Юра женишок!
Дай-ка, кума, теста —
Иринья невеста!*

Турачи — это у нас из осины сделанные такие катушки — кросны ткать. Вот малыша и катаешь с подушек, как катушку по кросенцам. (Архангельская область, 57)

Ваньку на колени посадишь, качаешь и поёшь:

*Каты-покаты,
Женихи были богаты!
Кат-катышок,
У нас Ванька женишок!
Дай, мамка, тесто —
Марья невеста.*

*Дай, мамка, калаця,
У нас Марья умница!*

Ещё дразнили у нас: «Жених и невеста натяпали тесто, убрались на место — жених без порток, невеста без места!»

(Архангельская область, 39)

Я вот так с внучком играю: сажаю его к себе лицом на колени, беру за ручки, наклоняю в разные стороны и запеваю голосом:

*Сеть тяну,
Рыбку ловлю:
Щучки — в кучки,
Головли — в кули,
Окуньки — в коробки,
Плотвички — в рукавички.
А один ершок
Кладу в горшок
Уху варить,
Ванюшку кормить.
Напитаю-накормлю
И спать положу.*

Все его малёшенького и дела — играть да спать.

(Курская область, 125)

На коленку малого посадишь, он любит «кок, кок» — и подбрасываешь, вроде как на лошадке верхом:

*Кок, кок, кок, кок,
Молодой ездок
По водичку пошёл,
Молодичку нашёл.
Молодичинка,
Невеличинка,*

*Сама с вершок,
Голова с горшок!*

А потом уж надоест скакать: «Жарко, не парко, приехал Захарка в сивой шапке, на белой лошадке, тпру-у!» и на этом уж остановишься. (Грузия, духоборы, 105)

На коленках ребёнка подбрасывают: «Тра-та-та, тра-та-та, села баба на кота, поехала до попа...». И такую вот голосят:

*Коп, коп, коп,
Поехали в Майкоп!
Приехали до попа,
Попа дома нема́.
Одни попенятки
Шьют зипунятки!*

(Краснодарский край, 114)

На коленки своего пацанёнка поставишь, держишь его, качаешь и запеваешь:

*Ка́чки-пока́чки,
Сельдяной кулюба́чки,
Житной короу́чки,
В сенях на полоу́чки!*

А он голго́чет и задком-то трух-трух, сам уж поскакивает. А я ему: «Ты качи-качи-качи, да держись-ка покрепчи́, а то сядешь на печи, на горячи кирпичи!» (Архангельская область, 51)

Вот садишься на лавку, ногу на ногу забрасываешь, примастиваешь мальчика на носок ноги, держишь за ручки и качаешь:

*Ка́чи-бачи, расшиба́чи,
Раскачайтя-ко меня,
Расшобайтя-ко меня,*

Я скажу вам жониха.
 У моёга жониха
 Голова гладка —
 Начи выблёдка!

«Начи выблёдка» — это, значит, как только у рождённого, родильного парничка головка-то... (Архангельская область, 15)

Сижу, нога на ногу у меня. Марью, внучку свою, сюда беру на колено и подбрасываю её на ножке: «Ўськи, уськи, уськи!». И про Петруню ей завираю:

Тпруни-тпруни, у Петруни
 Была сивая кобыла.
 Сива, не красива,
 Петруню не возила.
 Петруня-шелега́
 Поехал по дрова,
 Увильнула борода
 За четыре копыла́.
 Копыл трещит,
 Петруня верещит,
 Оглобли ломаются,
 Петруня ругается.

Подкидываю её так на ногу, а потом: «Кочерёжечка-помелёжечка, ты где была? — Гусей стерегла. — А гуси где? — Пошли щипать Марусю. Щипи, щипи, щипи!» — ну и пощипешь маленько девочку, поиграешь с ней, потелёшкаешься.

(Архангельская область, 36)

На ноге качаем. На валенок посадим ребёнка, трясём и припеваем:

Тпрушки-потпрушки,
 Поехали старушки.
 Чёрт их понёс,

*Не подмазали колёс.
Колёса упали,
Старушки пропали!*

Вот так, вот так! Тпрушки-потпрушки! Вот так Алёшенька, вот моя дорогая крошенька!»

(Архангельская область, 58)

Он становится на твою ногу, а ты так качаешь: за ручки малыша берёшь, чтоб не завалился, и качаешь.

*Ой, чук, чук, чук,
Наловил дед щук,
А баба линочков —
Годовать сыночков!*

После баба спрашивает: «Что же ты, дед, не наловил плоточек — годовать дочичек?». А дед ей гуторит в ответ: «Да ты, баба, рыбку пякла, сковородка утякла!» — «Ох, ох!» — хватилась бабка. Во, как было-то.

(Белгородская область, 70)

Когда сидишь на скамье, ребёнка на две свои ноги, на носки ставишь, за ручки держишь. И вот начинаешь: «Ато-ошли, аре-эли! Свины задницу проели!» — голосом так тянешь, назад отклоняешься, а ноги поднимаешь и вверх-вниз его качаешь. Потом на колени ребёнка берёшь, покачиваешь и начинаешь:

*По кочкам, по кочкам,
По маленьким кусточкам.
На молодой лошадке
В горку — трюх, трюх!
А на старой кляче
С горки — бух!*

Ноги вытягиваешь вперёд и скатываешь его, как с горы вниз.

(Смоленская область, 169)

Ребёнка раскачиваешь на коленях в разные стороны, как будто он едет на лошади: «Поехали, поехали в гости, в гости в Карпову гору, к дяди в гору. Поехали, поехали, опру-ужились!». Как скажешь «опру-ужились» — это, значит. упали, опрокинулись, ну и ребёнка с колен в сторону вниз наклоняешь, он и пугается. Ну, ещё и поскачешь с ним:

*Поехали, поехали
За грибами, за орехами!
По кочкам, по кочкам,
Пенёчкам, кусточкам,
Зелёньким листочкам
Да в ямку — бух!
А там пелух!*

Как скажешь «в ямку — бух» — ноги раздвигает и с колен его сваливает. А ему это весело, забавно.

(Архангельская область, 34)

М.Н. Костяева (1906 г.р.) с внуками.
Село Слединово Владимирской области. 1985 г.

Воспитание

БЕГАЛИ В КАРАГОД

Маленький ребёнок не говорит, а всё понимает. Он глазками показывает, смотрит внимательно и слушает, и всё-всё понимает. И с ним разговариваешь: «Дай, дай, дай! Ба-ба, ба-ба, ба-ба! Ма-ма, ма-ма, ма-ма! Па-па, па-па, па-па!» — чтоб он эти слова уже мог выговаривать. Он уже всё своим умишком смекает, он уж начинает: «Ба, ба, ба, ба ...». А разговаривать с ребёнком не будешь, так он, конечно, долго не будет говорить.

(Архангельская область, 3)

Грудничок в люльке лежит, ещё малёшенький, глупёшенький, а уже что-то там под нос себе чукаёт. Пойдешь к нему: «А, чу-чу-чу-чу», — чу-чу-чукаешь! А что чукаешь? Гулю зовёшь — чукаешь. Первые слова ему называешь: «Ма-ма, па-па, ба-ба, ня-ня, ля-ля» — это в запоминание ему, а он повторяет за следом. И песенку споёшь ему, и скажешь сказочку: про звезду алмазочку, про улитку рогатую, про лешака усатого, про конька-горбунка и про Ваньку-дурака.

(Волгоградская область, 93)

У нас так говорят: «Не тот отец и мать, кто родил, а тот, кто вспоил, вскормил да добру научил». Я когда нянькалась с внучонком, учила: «Не ломай, Алёшенька, ни веточки, ничего. Видишь, берёзка листоватенькая, кудреватенькая, она как девушка в сарафанчике беленьком стоит. Берёзка много-много добра людям делает: дровами избу согревает, лучиной освещает, соком больных питает, дёгтем скрип колёс унимает, из её лыка лапти плетут, веником избу метут. И птичку, Алёшенька, нельзя бить. Видишь, воробейка, он как мальчишка в сером армячишке. Полетел к нам в огород и спрашивает: «Чив-чив, чей горох?». А мы ему: «Наш горох». Он и улетел. Чего только внуку не порасскажешь. Детушек-то воспитать — это не курочек пересчитать.

(Белгородская область, 68)

Летом люльку во двор выносишь, на сук под яблоньку крепишь, и она висит. Маленький Васечка в люльке сидит, головкой вертит. Вот он углядел собачку и говорит: «Ав, ав!». А я его на руки возьму и пойду по двору: «Гляди, говорю, Васенька, вон гусь-водомусь — га-га-га, он щиплет мальчишек за пятки, убегай без оглядки. А это ходит индюк-шлепендюк — шулды-булды. А вот наша курочка-хохлушечка — ко-ко-ко, по двору ходит, цыпляет водит. А петушок-золотистый гребешок на заборе сидит, песенки кричит — ку-ка-ре-ку! А вон свинка-черноспинка — хвост крючком, рыльце пяточком, она в луже лежит, хрю-хрю хрючит. А вот коровка-мыкушка идёт, у ней титечка-то востра, несёт она нам кузовок молочка ...». Всю животинку свою покажешь, пусть знает. Потом он уж сам, когда его таскаешь на руках по двору, показывает, где какая скотинка есть.

(Брянская область, 82)

Баили дитёнкам басни, так называлось. И дед нам много баил басен (такие уж, што слухают маленькие детки), и баба баила. Которым дитёнкам годов четыре-пять, которые уж понимают, бывало: «Бабушка, ну бай нам!». Вот и баишь: «Жил дед с бабой и козёл с козой, у них было семь козлят. Коза говорит: «Пойдем, козёл, у орехи». А козёл говорит: «Не, не пойду!» — «Пойдём, козёл, у нас семь козлят». — «Ну, пойдем».

Пошли в орехи козёл с козой.

Коза нащипала семь мяхов,

А козёл семь орехов.

— Коза, коза, пойдем домой!

— Не, не пойду!

— Ну, я на тебя волков нашлаю!

Волки, волки, идите козу исть...

А они прося ещё и ещё, а я им: «Жил был дед и бабка, у них был сад, в саду речка, хто слухает, тот овечка!». А они всё своё: «Бабушка, ну бай!». А я им: «Жил-был дед и бабка, у них был

сад, в саду речка, у речке рак, хто слухает, тот дурак!» — и так пока не отвяжутся.

(Смоленская область, 159)

Ввечеру, когда все дома съезжались (кто с поля, кто с моря), там все поужинали. Отец взялся сеть вязать, мать прясть коноплю, а невестка там что-нибудь вязать. А бабушка лезет на печку и дитям: «А ну-ка, леший вас возьми! Лезьте на печку, не мешайтесь там!». Вот пузанов туда всех. Там бабка сказки и рассказывает на печке: как медведь на липовой ноге, на берёзовой клюке по деревне идёт; как Добрыня-богатырь Змею-горынычу головы секёт; как Морин-морянин на баркасе за море плывёт. И небывальщину-неслыхальщину наплетёт:

*Ехала деревня мимо мужика,
Вдруг из-под собаки лают ворота.
Выскочила палка с бабою в руке
И давай дубасить коня на мужике.
Крыши испугались, сели на ворон,
Лошадь погоняет мужика кнутом.
Деревня закричала: "Мужики горят!"
Бабы сарафаном заливать бежат.*

И уснёшь ведь там на печке, и тебя спать переносят.

(Архангельская область, 49)

Мать забрюхатит, а детям говоришь: «Ходила вот мамка в огород на капусту и горох, да ветром брюхо надуло». А уж как родит: «Дитя нашла у себя под пазухой, принесла в коленях из поля». А что им ещё об этом скажешь? Я раньше всё играла с внучатками в «Шашки-канашки». Вот становишь шашки на доску. А потом шашкой побольше и кидаешь. И вот попадёшь, значит, в другие, что поменьше, и повалишь с доски. Тогда говорят: «Ох, надоть платить им!» — и бумажки нарываешь, делаешь фанты и даёшь выигравшим игрокам. А после игры эти фанты выкупаешь песней или пляской. И вот пою:

*Ах вы, шашки-канашки мои,
Разменяйте вы бумажки мои.
Бумажоночки мои новенькие,
Двадцатипятирублёвенькие!
А будете жить да расти, наживёте зятя вы.
Гляди, зять как на тёще капусту возил,
А молодую жану он только в пристёжке
водил...*

И вот они, эти дети-внучатки, всё перенимали, рады. Годов по четыре им было, уж они всё соображали. Для них и частушки я сложила, напридумывала:

*Дед санки мастерил,
А бабка радовалася:
Ну, какая благодать —
Меня старую катать!*

Или вот:

*Папа лошадь запрягает,
А мама вожжи подаёт,
Папа маму пацалует,
Она козырем пойдёт.*

(Воронежская область, 99)

Я вот и сейчас учу. Алке — пять лет, Оксанке — четыре, а Юльке и поменьше того, и ещё мальчик Андрюшка с ними. Ну, вот они приедут ко мне на лето. А я с ними пляшу, забавлю. Сяду с ними, «Молодую канарейку» сыграю. Ну, вот уж и они научились хорошо играть «Молодую канарейку». Песенцу «Задумал мужичок» — вот тоже им сыграю. Да наряжу их: мальчика в дедушкину рубаху узорчату с пояском, а девочек в свои юбки и сарафаны, подберу им, повяжу. Они по горнице только трепются. Нравится им. А мои дети на них замирают тады, говорят: «Мам, ты что набрала им из сундуков старья-то...». Все песенцы, что я играла, и детки тож.

(Воронежская область, 98)

У нас мама была песенница. Вот, бывало, сидит, прядёт за прялкой и поёт, и мы с нею, в её голос впеваемся. И так научились. Ещё с детства бегали глядеть — у нас называется карагод. Думаешь: «Эти бы песни попеть да поскакать» (у нас говорят поскакать, а не потанцевать). Вот такая смолоду игруха была. Бегали вот в этот карагод ещё за матерями. Ещё мать нарядится в той-то деревенский наряд, идёт, и мы за ней, за подол тянемся. И у маленьких тож наряд, такой же точно, как у взрослых, только маленький. На каждой улице матери в карагоде поют, а у нас свой кружок маленький. Как только услышишь, что поют взрослые, и сам запоминаешь. Столько помнишь: и песни на разные голоса, и не только, — и на разное время. Вот начинают: весной одни поют, летом в уборочную — другие, осенью — третьи, зимой тоже запевают, и так идёт, идёт — на каждое время песни.

(Курская область, 123)

На коленях у меня дитёнок сидит и бесконечно ему байшь: «Шёл Бай по стяне, нёс лапти на спине и себе, и жане, и дитёнку по лаптёнку. Бай денёк?» — «Бай!» — «Ты говоришь «бай» и я говорю «бай». Шёл Бай по стяне...». Ему надоест, слушать не хочет и говорит: «Ня нада!». А я: «Ты говоришь «ня нада», и я говорю «ня нада». Шёл Бай по стяне...» — то же самое продолжаешь увсё. Что он скажет, ребёнок, то опять это повторяешь. Он уже не хочет слушать «Шёл Бай по стяне», всё равно байшь ему. Повторяешь, что ребёнок скажет. И спать его уложишь. А он прыгает всё у меня в кровати, просит: «Бабушка, бай мне сказочку, буду спать». — «Ну, спи ты, уж буду, пробаю тебе сказочку». — «А какую ты мне?» — «А вот какую: идёт Бирюк по лесу с мяшком. Навстречу ворона летит: «Карр-карр! Куда, Бирюк, идёшь?». А тот ей баит: «Иду к Ваньке в дом. Кто не спит, в кровати не лежит, того за чубок дёргану, за пяточку укушу, в мяшок посажу, в лес унесу, в крапивку брошу, ножкой топну!». А дитёнок, Ванька мой, баит: «Пожися, бабушка, скорей под одеялко, а то Бирюк в лес унесёт...»

(Смоленская область, 148)

Играли в детстве. Маленьких детей в семье было очень много у нас. Соберёмся с ними на лужайке. Усаживаем ребятишек на брёвнышке. И начинаем играть в «кота». Этим детишкам наклдём на головки щепочек — это у нас сметана в крыночках. А один из игроков — коток, сидит где-то в сторонке и наблюдает за крыночками со сметаной. Сейчас мать уходит на базар от детей. Коток тут как тут, является и всю сметанку слизывает с крыночек, (это он с головок щепочки сбрасывает). И кот побежал, все детишки за ним. Бегут и кота ловят. Поймают кота, колотят его и припевают:

*Уж били кота,
Колотили кота!
Не ходи-ка ты, коток,
По сметанку, по творог
К бабушке в погребок!*

Была у нас ещё игра «Около горшеньки», с бабушкой её заводили. Вот я мать. У меня, у матери, десять детей. А бабушка сидит на земле и копает ямку. Маленькие детки около этой бабушки кругом ходят. Все за подол за мой ухватятся, друг за дружку. И начинаем петь:

*Около горшеньки
Галки вьются,
В руки не даются!
Около горшеньки
Галки вьются,
В руки не даются!*

Подходим к бабушке. Я, как мать этих детей, спрашиваю: «Бабушка, бабушка, чево ты делаешь?». Бабушка мне отвечает: «Ямку копаю». — «На что тебе ямка?» — «Иголочку ищу». — «А на что тебе иголка?» — «Мешочек сошью». — «А на что тебе мешочек?» — «Камешков накладу». — «А на что тебе-ка камешки?» — «Твоих деток лукать! Твои дети у меня лук-чеснок срывают и в меня камнями кидают!». А мы все побежим, а

бабушка за нами бегают, и ловит нас эта бабушка. Вот такая наша детская игра была.

(Владимирская область, 86)

К природе детей, само дело, приучали. В поле выходят весной. Собираются молодые с детьми, кто на руках несёт, кто в колясочках везёт. Посидят там, а дети погуляют. У нас ягод было очень мало в степи нашей, малина воспеваёт очень редко, а вот клубника природная там на степи растёт. Дети её поискивают, лакомятся. Шиповник, когда осыпается, и его берут. «Яблочек» — мы называем клевер. Цветочки у него, как яблочек, он несеянный, и сам растёт, его дети тоже собирают и едят. А так степь — трава, только клубника летом.

(Грузия, духоборы, 105)

Маленькие дети ещё не ходили в лес, а уже им показывали: красно-серая волнуха, как бы светло-жёлтая лубянка, беляночка — та маленькая и позже растёт, рыжик рыженький. боровок да красноголовчик. Большинство грибов вообще у нас не брали, не варили, не солили, не сушили, считалось, что они несъедобные. А уж те грибы, которые хорошие для еды, те детям показывали.

За морошкой дети в октябре под Покров ходили. Кошели берестяные брали и за морошкой айда за пять-шесть вёрст в тайгу. Брали с собой маленького. Оставляли его под лесиной и говорили: «Одну ягодку найди, на другую посмотри, третью примечай, на неё не наступай, а какая померещится, в кошель бросай». Вот он ходил вокруг лесины и сколько мог собирал морошки. А дети уходили дальше и кричали а́укальни, чтобы не затерялся кто. Под лесиной оставляли и полные кошели с морошкой.

(Архангельская область, 49)

Трёх-четырёхлетние ребятишки ходили ватагой со старшими детьми в поле и в лес. Как только весной первый щавель появлялся на полянке, по подолу нарывали. Гонодо́шка белым

цветом цвела, её собирали и ели стволы у неё. Тульяк — дети звали «вино», он жёлтым цветом цвёл и горький-горький, чистили его и стволы ели. В лугах ещё рос дикий лучок, он тоненький-тоненький, и его брали. Ели лепёшечки, они круглые, маленькие, росли везде по обочинам, на межах, в огородах, у них пресный вкус. Везде мыкались. Бегали в поле, там на навозе росли столбцы, цвели чёрно-коричневыми такими кубышечками, их чистили и ели. Потом вот ходили на реку — там тростник; вытаскивали его, чистили, а у него корень белый, мягкий, круглый такой, звали — папуш, и тоже его погрызёшь. У вишни ели клей. На Ильин день ходили за горохом. Потом срывали рябинник и на палочку нанизывали двойные-тройные стручки гороха, называлось — делать ёжика. И уж с этим бегли по домам.

(Владимирская область, 86)

Испокон веков ранней весной маленькие дети ходят и копают бузлачки. Бузлак, он только начинает выбрасывать цветок, и вот эта луковичка там образовывается. Луковичка, она сладкая, очищаешь её и вот это всё ешь. Ещё была любимая наша еда — это молочай. Срываешь молочай, зубами очищаешь стебель от волокон, катаешь так и приговариваешь:

*Чай, чай, молочай,
Приди девку покачай!*

Сурепку, на корм скоту её выделяют, она жёлтеньким цветёт. сурепку тоже эту чистишь и ешь. В степи ещё кусты такие растут — черемша, как у чеснока листья, только чуть пошире. Пойдем весной, накопаям её, начистим, намоем и этот дикий чеснок едим. Толкачики-рогачики — эта трава редко попадается, листья круглые, стебель, и вот она растёт, сначала цветёт беленьким, а там образуются ягодки такие маленькие, посмаковать вкусно. Ешь и подслён — ягоду, вот такая трава растёт кустовая, на ней ягодки зелёные, а потом поспевают там чёрненькие — сладкие-сладкие. Пойдем за подслёном, нарвём и сидим, едим.

Горошек ещё ищешь по степи, по пашнице цветёт такой красный, маленький, корни копаешь, они вот такие круглые, как картошка, вкус пресный, тоже корни эти нарываешь и ешь. А вот простой горошек звался «панский горох». Пока его мать надумает убирать, пока начинает, горох ещё не созрел, а он уже полупустой — это мы его обрываем и поедаем. Поедаем мы этот панский горох зелёным, стручок раскусишь, а там зёрна.

(Краснодарский край, 114)

ПРИ ХОРОШЕМ-ТО ЖИТЬЕ

С маленьким дитём в дому сидела бабушка или свекровь. Мать-то почти не сидела, много работы было. И старушек раньше в няньки нанимали. Мать на работу идёт, а она в избе с ребятишками сидит, тютёшкается с ними. И дети постарше жили в няньках, их нанимали, скажут: «Двадцать-тридцать копеек в месяц» — и они водятся с маленькими всё лето. Про таких говорили: «пестуном заделался». Известное дело: дитю не порча игрушка, а порча худая прислужка, потому доглядывали, что там пестунья баит ребёнку. Брала тех в пестуны, кто с дитём ладит, добро обходится, да б́асенцы там ему разные плетёт. Не каждому-то доверяют своего малого, недобрых да призорливых к дитю не подпускали.

(Архангельская область, 42)

Бывает, что уходишь из дома и часто зы́бочного оставляешь совсем одного, без присмотра, с соской и рожком. Придёшь с поля, а он обмочится, весь мокрёхонек лежит, мухи всю соску облепят. Ну, тут скорей в чистую пелёночку его, на руках поносишь, полáстишь, песенку поиграешь ему. А уж как подале соберёшься, так не приглядываешь, какая там на дворе погода, — ти морось моросит, ти мороз морозит — несёшь с собой ребёнка. В свою шубейку завернёшь или просто в лежалке (корзинке с помочью) его с собой и тащишь.

(Архангельская область, 4)

Рано утром встаю на ферму уходить. На дворе светло, а я закрываю окно, чтоб не светило, чтоб не разбудило моего ребёнка, пока я не приду. Темнота, вроде как ночь, дочка проснётся — темно, и опять подремлет. Накладаю игрушек коло её, вдруг проснётся, чтобы заигралась, пока я приду с работы, с кровати-то она боялась слазить. Вот бегу с работы, думаю: «Чи проснулась, чи не проснулась?». Когда приду — спит, а когда приду — она сидит на кровати и гуляется в этих игрушках. Спрашивает: «Мамка, где ты была?». А я скажу: «Я на дворе была». Она боялась одна в хате, а «на дворе» если я скажу, она уж тогда не боялась. Вот прихожу, ребёнок встал, я с ним: чи гулять, чи хозяйство улаживать, чи у печи стряпать, чи с ним сидеть. Снова бросаю дочку, а сама начинаю по дому работать. Поработаю, нагулялся ребёнок, не нагулялся, в полдень мне опять надо уходить на работу — на обеденную дойку, а ребёнка куда бросить. Снова завешиваю окно, на кровать укладываю дочку, спать в темноте. А за гру́бою гру́бка (печка такая) стоит и горит, опасно бросать. И души-то нету, как пойдёшь на работу. А день есть день, всё ж она видя, что время ночи прошло.

(Белгородская область, 71)

Детей выхаживала, как было трудно. Бросишь маленького, придёшь с поля, а он у колысочки закрытый плача, у ка́кух весь лежит, некому его ухаживать. А мы, бабы, на свёкле, полоть было тяжело. Годы такие трудные были, яслей, садиков не было. И одна я их воспитывала. Муж с войны инвалид был. Как мне их трудно было выхаживать. Приду с поля, возьму дитё из колыски, обмою, покормлю. Больше мне никакой помощи не было. Такая была тяжесть, а всё равно ж я их не бросила, воспитывала. Сколько сил у меня только хватило, столько я их и выхаживала, не бросила пятерых.

(Белгородская область, 74)

Женщина одинокая была, мать двоих детей. Дети маленькие, бросать не на кого было. Мать моя рассказывала,

что Мотька вот так и делала. Вот, значит, были раньше большие старинные сундуки, куда всю одежду складали. Вот Мотька освободила этот сундук и туда детей закрывала, чтоб ничего с ними не случилось. В этом сундуке провернула дырки, чтобы они не задохнулись. Вот, значит, как ей в поле идти, она детей в сундук закрывает, только что ключ оставляет кому из взрослых — соседям, тому, кто напротив живёт: «Пожалуйста, — просит, — наведайтесь, может у них вода кончится, может у них там что случится...». И ничего — были дети здоровые, крепкие, и повзросли они.

(Краснодарский край, 116)

В летнюю страду ребёночка вместе с зыбкой брали в степь. У бабы, какой не с кем оставить ребятёнка на дому, глядишь — с собой тянет. У нас ямки копали. В земле выкапывали большую ямку и туда ребятёнков опускали, и они не могли сами уж вылезти. Ямку ту соломкой устилали. Вот пока она полет в степи тама, они в ямке водятся.

(Краснодарский край, 115)

За работой неколи было дохнуть, всё дотемна на работе. Задавили работами, дарма ж работали. Ну, с собой и волочили дитёнков в поле. И таких — как некому пасить. Куда ж его матка денет. Ну, и приволокёт с собой в поле. На жнивье сложит из снопов укрытие и туда дитёнка сунет. И сидит он там, играет, пока матка жнёт.

(Смоленская область, 159)

Тады семьями жили большими. Молодые пойдут в поле жать, на луг сено косить, а баба туточки с дитёнком сидит. А как некому дома сидеть, брали в поле. Там в поле тяжи — ячмень в бабки ставили. Бабки делают вот так вот: десять снопов ставят друг к другу шалашиком. Один сноп стоит поднизом, а кругом его становятся восемь штук, а десятый сноп разламывают на все боки и

наверх надеют, становятся. Каждый своего дитёнка под свою бабку сажает.

Матка посадила под бабку своего дитёнка и принесла ему двоёшки с клёцками (двоешки — это такие два горшочка и посередке ручка одна). А сама она там жнёт. Дитёнок этот гулял, гулял, а лягушка прыг-прыг-прыг и — бух в эти клёцки. Ну, дитёнок сидел, сидел, есть захотел и давай ложкой сйлять, сйлять и подтянул ложкой лягушку, поймал и держит в руках; тиск-тиск её, а она, стиснутая, — кряк-кряк. А он тады: «Мам, мам, у клёки две воки, я клёку тись, а она писсь!». А мать: «Ну жри ты там, жри! Мне неколи с тобой возиться!» Ну и он говорит: «Ну, писси, не писси, мама сказала съесть, так и съем»

(Смоленская область, 160)

В отношениях мужа с женой, если они друг друга любили, значит, тогда и ребёнка любили. А если у них были какие-то споры, разногласия, так в большинстве отец не любил ребёнка. И если пришёл с работы, из леса, или даже с гулянья выпивши, а ребёнок в люльке заплакал, то он кричит: «Затки ему глотку!». У меня отец и мать так никогда грубого слова не сказали. И воспитывали, чтоб мы были трудолюбивые, уважительные. Вот, допустим, если я другого встретил и не поздоровался, не сказал «здравствуй», и не снял шапки, даже зимой в мороз, или догнал идущего по дороге и я не сказал ему: «путём-дорогой», и это дошло до родителей, то тебе взбучка. Так что, было уважение старших в первую очередь. Вот если я сделал что-то нехорошее, допустим, я соседу бросил на крышу камень или палку, а отец узнает и у тебя спросит, а ты не сознаешься, то тебе взбучка, а наказание — не выпускают на улицу день-два, чтобы на тебя никакой жалобы не было ни от кого, и чтобы не обманывал.

(Архангельская область, 49)

Детей очень любили, оберегали и ухаживали очень. Семьи были большие, детей много — и по восемь и по десять ребятишек, поглядишь: один в люльке качается, другой на

кровати в куклы играется, третий на печке спит, четвёртый на лавке сидит, пятый во дворе мяч гоняет, шестой за столом книжку читает, седьмой от бабина подола не отходит, восьмой по полу хожалку возит. Они там дети друг друга смотрели. А так у кого какая возможность была, и старенькие бабушки приглядывали. В присутствии детей родители не ругались. Обходились с детьми ласково, баловали их. В шутку говорили: «Пока дитя растёт — дитятко не ушибись, а вырастет, так, дитятко, — не ушиби». За шалости не секли, а словом увещали — «не ругали, не бранили, добрам словом говорили».

(Архангельская область, 49)

Отец с матерью никогда детям грубого слова не сказали, а их боялись взгляда. Капризам они не потакали, за шалости не бивали, а всё словом убеждали. Отец говорил: «Не прячь, мать, конфеты, а то они потом воровать будут...». Ну, нет и не надо, и не прятали. А вот старики не останавливали шалостей, не наказывали, баловали внучат. Говорили: «Пока малы, пусть пошкадят маленько, а уж подрастут, так за ум возьмутся». Бабушка, та вся в заботах о нас, говорила: «Доброе-то житьё по белому лицу видать, вот как в песне: «Видать тебя, дитятко, по белому лицу. При хорошем-то житье — лицо белится, белится лицо, щечки румянятся, ясные глаза завсегда веселы. А в худом-то житье лицо чернится, чернится лицо, щёчки мараются, ясные глаза завсегда в слезах» Хоть и в строгости жили, и в послушании, а всё ж при хорошем, добром житье.

(Архангельская область, 50)

Мáла не растишь, большого не видишь — если маленького не вырастишь, то и большого не увидишь. Учи дитя, пока поперёк лавки лежит. А как на лавке повернулся дитя, учить уже поздно. Лавки деревенские, пока так поперёк лежит, на лавке умещается, в это время учи, а как уже не стал умещаться, так уже поздно учить — у него своё сознание появилось. Даже когда дитя начинает чуть слова выговаривать, пусть худо, неясно, как

бы лепечет там, а обязательно чтобы каждое утро, как встанет, и каждый вечер — обязательно, чтобы перед иконой перекрестился и помолился. И перед едой обязательно приучали детей умыться и помолиться. Бывает, иногда утром не помоемся, а ему: «А что же ты, — кричат, — нехристь-то, не умылся и не перекрестился, а за стол садись!»». Обязательно, чтобы умылся, перед иконой перекрестился, а потом только за стол садился. За столом смеяться — Боже упаси. Были общие блюда, чашки. Младший не имел права вперёд отца, а тот — деда, хлебнуть ложкой из чашки. Когда старичок помешал там уху или кашу с мясом, стукнул ложкой по красичку, и тогда только все могут есть. Старичок всем руководил. Хлеба краюху только мог отрезать взрослый, «если ломать ломком — не проживёшь домком» — так говорили и детям не разрешали ломать хлеб, хлеб только резали.

(Архангельская область, 49)

Маленького ребёнка красиво убирают и в церкву на руках во все праздники несут. А как научится говорить, так молитвам учили. Детей сначала, в первую очередь, учили молитве «Отче наш», потому что она пелась всегда перед едой, перед обедом. Все вставали из-за стола: и хозяин с хозяйкой, и старушка со старичком, и дети, — и все пели «Отче наш». Обязательно, спать ли ложись, утром ли встаёшь, велели перекреститься и сказать молитвы: «Господи, благослови» и «Спаси и сохрани». И не так требовали помыться или ещё там что, как перед иконой перекреститься и молитву сказать. Евангильё всё дедушка пересказывал и учил заповедям Божиим.

(Бурятия, семейские Забайкалья, 83)

Как ребёнок начинает понимать, начинает соображать, он уже принимается твердить, учить псалмы. В семье псалмы взрослые поют и читают, а дети перенимают, с детства больше в голову вбирается. А псалмы-то большие — триста шестьдесят духовоборческих псалмов есть. Псалмы состоят из куплетов,

куплет — взвод называется. Вот как вечер, смеркается, особенно зимой читают, а летом некогда, летом все в работе утопают, работают очень крепко. И вот зимой скотинку управят, сейчас коней заведут и за псалмы берутся. А самый маленький садится и говорит: «Я вперёд буду читать» — руки поджимает крест-накрест на груди, спокойно, смиренно сидит и читает. Раньше ребяташки мячик гоняли, его из кожи шили, гилы назывались. И вот наиграются в гилы, а потом идут домой и наперегонки псалмы читают. Тот псалмы начинает читать, кто вперёд вытвердит. В молельный дом детей не берут. В воскресенье идут Богу молиться, одеваются по-праздничному, летом на могилку ходят, почитают святых, берут с собой и малышей, чтобы они ушко наводили, привыкали, чего к чему смотрели. Это есть числа назначенные. *(Грузия, духоборы, 105)*

Отец меня молитвам учил. Каждое утро он вставал, молился и молитвы читал. Я слышала, перехватывать хорошо умела маленькой. И утром встанешь, помоешься да помолишься. И маленькие мы уж пост соблюдали. Ну, было, что и грешили. Тогда у каждого коровы были. Коровы доят, а молока-то не едят, делают творог, сметану да всё в пост остоваётся. Вот в печку молоко наставят для творогу. Из печки потом крынки волочут. Так помогали матери когда, облизывали у крынок края-то, так вкусно, знаешь ли, со сметаной одна жавица. А пост, и скажут: «Нельзя исть, поп ухо отрежет!» — стращали вроде как, нельзя скоромного в пост исть! А вот уж на четвёртой неделе поста, в последний четверг перед Пасхой, пекли «мякушецкие хлебницы» — это калачики. И дитяам их под подушку совали, пока они ещё спали. И говорили: «Сегодня говенье переломилось! Сегодня затопили печку, из трубы калачи летели! Христос рождается! Славимте!». А уж мы потом, ребятня, по дворам расходились. И оруем под крыльцом: «Бог, Бог, не морозы! Козульку брось! Либо козлицка, либо маленьку козульку Рождественску!». И выносили нам хозяйева эти мякушецкие хлебницы.

(Архангельская область, 51)

УМЕЛ ДИТЯ РОДИТЬ, УМЕЙ И НАУЧИТЬ

Раньше-то ни яслей, ни детских сади́ков — ничего не было. Родители уходят на поле и всех детей с собой берут. Ещё маленькие, а хоть колоски за жнеями ходим, собираем. Жать учили рано. Серпочки детям вроде игрушечных ковали, маленькие. Когда выжнем, раньше говорили — пожали суслоны. Потом снопы отвозили на гумно́. Мне ещё мало годов было, я на гумно молотить ходила. Там в такт молотильщики молотили — это как музыка была. Очень красив этот ритм, красив перестук молотила. Когда слышат этот стукоток, называют — это овин молотить пошли. Приучали детей молотить. Вот из овина расстеливают снопы и дают детям такой вот приу́сик. Приус — это такая палка подлиньше, и к ней короткая палка, и эти палки соединены кожей. У дитей маленький приус. Взрослые идут, бьют снопы, и маленькие вслед за ними, или им дают снопик, и они сзади, немножко молотят в сторонке.

Маленьким для косьбы делали маленькие косы. Бывают косы семиручные, десятиручные, а для маленьких детей — пятиручные. По длине пятиручная — самая короткая. Косеви́ще делается соответственно меньше — это палка, на которую надевается косьё, железная коса. На косевище, этой палке, вот такой костылёк загнутый, из сосны делался, и ближе к нему курок — ручка, чтобы захват меньше был. Само косьё (чем косят) для маленьких ребят меньше размером. У грабель и у вил палка называется ротовище. Вилы для детей были деревянные из осины, они самые легкие, на конце делали три рога. Стог-то большой, а этими вилами маленькому нетяжело сено подцеплять.

Маленькие дети уже с четырёх лет ловили в родниковом ручейке рыбу кулюку — колюшку. Ловили кто мешком, кто руками. Ловили под колодами или под канем налимов.

Девочек прясть и вязать учили. Гребень для них был. Были маленькие ципа́хи — для чистки шерсти. Были также маленькие престницы — для прядения. Каждый мужчина, хозяин-отец, он

мог сделать детскую прялочку. Выделает прялочку такую маленькую да кудельку ещё туда воткнёт. И учили прясть тогда. Взрослые собирались вечером прясть. Все пряли, и маленькие с ними. Первым долгом их приучали «сткать» — скручивать нитку, а потом только мотать. Вот вытянет девочка две ручки вперёд и с веретёшка уже сматывает нитки. А потом ей: «Ну-ка давай сядь, попряди». И для начала не шерсть дают, а куделю какую-нибудь. И мотает она, а толку, тут-то не вертится у неё, а всё ж тоже хотца. Четвёртый год только мне шёл, а уже маленькая прялка у меня была, и бабушка учила прясть. Привяжет пук кудели, тут садишься за прялку и скручиваешь на веретено нить-то.

(Архангельская область, 64)

Ко всему приучали с детства. Они ещё и ходить-то как след не могли. Лошадь запрягём, на дрожки посадим этих мурашён и в лес увезём. Так они грибы собирают, ягодки собирают. Пуще видят-то нас, вон по какой корзине накладывают.

Семья-то большая была, как не помогать. Ребятишки маленькие в бане вымоются и сами себе рубашечки выстирают, и сушиться на сгороду повешают. Они всё коров пасли. Немножко их пасти оставляли, присматривать — и запутается в верёвке коровушка, припрёт ногу, она и задавится, ведь и погибнуть может. Говоришь: «Ваня, сбегай, посмотри, коровушка-ти как там ходит, где овечки там посмотри». Всё маленьких ребят посылали раньше. Коровушка опростается и телёночка отсадим в другую стайку. Потом подоим коровушку, молочко выльем в тазик. И вот возьмёшь своих ребяток: «Пойдём-ка, посмотрим, Ванечка, Алёшенька, Юренька, как пьёт телёночек молочко, красивый телёночек — это он эдак...». И вот подадим телёночку руку в ротик, чтоб он умел сосать, так он с руки-то молочко и забирает, и сосёт-сосёт, и всё выпьет из этого тазика. Интересно ребятам, всё это показываешь, чтоб они уж с малого умели да знали всё. А стригут овечку, так они тут же бегают. Дадут им ноженьки, так тяжело стричь. Специально железные, крепкие ноженьки, ими стригут. Рука устаёт, и тряпкой

их обовьют, чтобы руки не мозолить. А вот ягнёночка стригут, шёрстка мягонькая и тогда: «На вот, Ваня, постриги». И другой скажет: «Дай-ко и мне!». Так и дашь им постричь.

Маленькие серпики были. И они жали, детки. Они жнут травку коровушкам, овечкам да телёночку. Сперва маленькие-то ти не умеют, то они просто рвут в корзиночку хоть небольшую; на коленочки встанут, ползут и жнут, и жнут помаленьку. Корзину нажнут, отнесут и высыплют телёночку, он на день и выкушает в изгороди-то. Травку надо ему носить, выпустить нельзя, а то убежит. А в изгороди-то сидит, так ему всё время траву надо носить, весь день надо подавать, чтоб он был сытый. Потом уж зимой его зарежут, и надо его закормить, чтобы мяско лучше было. Когда я байкала своих, пела: «Уж как вырастешь большой, будешь во поле ходить, будешь пашню боронить. Татке, мамке помогать, жито во снопы метать, будешь на гумно возить, хлебушко-то молотить...». Раньше молотить ходили, вот и приговариваешь, учишь деток этому всему, чтобы смальства́ знали. Они ведь маленькие, а боронили уже: идёт малюсенький по меже, держит лошадь за поводцы, понужает и боронит. Четыре-пять годов мальчикам, и сено в копны возили уже. На лошадь замест седла какую-нибудь рясу бросят или фуфайку, чтоб помягче было, и посадят малого верхом. Сидит, уздечкой управляет, правит, а копны поддеваем мы. Сзади лошади там верёвка тянется. Такие, с меня ростом, копёшки подцепим за верёвку граблями, привяжем к лошади, к хомуту-то, и он везёт: «Ну, поехала!». Навозит кругом много маленьких копёшек, и потом уж их мечут в большую копну.

(Архангельская область, 58)

Я с малого возраста приучала дочку к домашним работам. А не приучишь сызмала, так там уж поздно будет. Я помню, у меня Гале третий годик был, так она всю посуду перемывает. Встанет на лавку и моет, ведь раньше лавки были у стола. А вот Ирина, ей четыре годика было, так она всю картошь с дедом посадила. Дедушка ямку сделает, а она клубень из корзинки берёт и

росточком кверху ложит в ямку, Дедушка завалит, опять ямку сделает. И вот идут по бороздке и кладут. Так всю-всю картошь и посадили. Крошечка такая, а уж работлива, вот в огороде морковь рвёшь, а она тут же помогает. Иголочку дочкам давала, и они шили что-то понемножку. Маленькая прялочка была, отец делал. Так уж они пряли эдак. Кудельку-то ещё жалеешь им, а толстую вот отрёпью, худой сер привяжешь, и они приучаются, поспрядывают. Так когда они уж приносятся к этой работе, то и кудельку им не жалеешь, даёшь прясть.

(Архангельская область, 57)

У меня вот внучка была, ей ещё три года, придёт: «Бабушка, дай мне тряпочек, я буду куклу сама шить». Ну, я ей там тряпки дам, вдену нитку в иголку, и сидит она шьёт».

У нас на Кубани деток к прядению не приучали. Их больше приучали к работе на огородах. Я помню, мне четыре года было, бабушка нам объясняла: «Надо полоть, пока ещё солнышко не взошло». И всегда поднимала: «Вставай, внученька! Пойдём поподем, пока солнышко не взошло, пока роса, трава ладненька. Надо полоть!». Для девочек было развито полевое, а мальчиков учили запрягать. Учили на лошади ездить. Дед едет и берёт внука: «Янчик, ну садись, поедem кататься!». Сам посадит мальчонка, а его и не видно там, фуражка одна. Дед сам ведёт лошадь, а внук сидит, привыкает с детства к лошади. Говорили: «Ну, сам с напёрсток, сам с ноготок, а ездóвый». И сидит этот малец ездовый, пятнадцать человек на подводе везёт. Обычай у кубанских казаков: они не помогали женщинам по дому. Вот мальцу говорят: «Гости будут, подмети!». А мать: «И как — казак — и с веником! Ты что, как это так!». Заложено у казаков было — он должен заниматься по хозяйству худóбой (скотиной). И вот с малых лет приучали казачка, там он сеном занимался, лошадьми. У девочек свои порботки были. Вот мама коноплю сеяла. А уж выбирать, продёргивать её, сушить — это моя в детстве работа была, это я выполняла. Потом у нас такие мялки были — лодочкой, вот туда, как в корытце, конопля и

закладывалась, а сверху ложилась и крепилась прямая палка. И вот берёшь сноп конопли, подкладываешь, а этой мялкой чак-чак, чак-чак! Костри́ка с конопли туда и высыпалась. Когда вот это обомнёшь, остаются нитки. Потом эти нитки, тоже их сначала мочили, потом сушили, потом ногами их тёрли, валяли это всё. А уж тогда эти нитки, пораспрямив немножко, чесали. Расчёсывали вручную и скатывали на мы́ку. Скатывали, чтобы нитки надевались на гребешок вот с этой стороны. И гребёнкой их чесали, расправляли. Я всё это работала с малых годов. У мамы был свой ткацкий станок. Она это всё пряла, всё ткала сама. Есть у меня и полотенца, есть рыднушки, я и сейчас их берегу.

(Краснодарский край, 115)

У нас, у детей, свои обязанности были. Каждый вечер разжигали самовар. Для него девочка набирала древесного уголька на растопку, а брат постарше обязан был подготовить чурочек. Когда взрослые из житницы приносили овёс лошадям, у девочки была своя мерка особая, которую ей насыпали для подкормки ягнят. Вот она в специальное корытечко, лоточек, накрошит хлебца, овсяца положит, и ягнятки едят. Еще в школу девочка не ходила, а уж шила лоскутные одеяла. Нарезут ей лоскутных цветных треугольничков, квадратиков, и целый день она сидит и шьёт. И мотала, сматывала початки нитяные, подготавливая их к ткани. В будни пряли, ткали, мотали, а вязание кружев считалось как отдых, развлечение, вот по воскресным дням и вязали кружева. Я уже где-то с шести лет вязала варежки, носки.

Были для детей маленькие косы. Вначале учили косить, давали советы. Брели ребёнка сзади за руки и подсказывали, как нужно правильно в ритм шагать и руками взмахивать. Так детскими руками косят, а потом отпускают и подсказывают только в счёт. Дети жали маленькими серпочками, приучались к этой работе. Жали в специальных жнивных рубашках и в бахилках. Они были из лыка, их замачивали, и они делались как костяные. Дети у всех работали. Никто праздно не гулял, гуляли

только по воскресеньям. А уж если не работали, то сидели с маленькими грудничками у люльки.

(Владимирская область, 86)

Малыши помогают уж с трёх лет: полют в огороде, набирают целую корзинку травки. Травка — это мокрица и молочай, она в основном на картошке растёт. Эту травку малыши подают скотинке: овечкам, коровушкам, телёночку — закармливают их. Уже с четырёх лет мальчику отец уздечку даёт: «На, — говорит, — веди на водопой!» — и он лошадь к реке ведёт. А потом, к своим огородам, где большие мёжи, где там сенокос, значит, туда с лошадью идёт, помогает сено волокчи. Чтобы мальчик полюбил лошадь, с другими детьми постарше отпускают его весной в поле на ночь пасти лошадей. Так коней они в поле не отпускают, только стреноженных на верёвке — кодол называется. Малыши и сети помогали плести.

Детям делали маленькие жерновочки. Жернова каменные для помола муки, те не у всех дома были, а вот деревянные, для помола ячменной крупы, те почти в каждом доме были. По их подобию детям жерновочки и делали, обычно из корня белого пня берёзы. В этот пнёвый круг нижний стальной болт набивали — это и есть жёрнов, а вокруг него металлические косы. На середине внешнего отверстия была ручка, чтобы её вращать. И такой жерновок для детей делали, приучали их и говорили: «Ой, жёрнов-то где твой? Ой, Ванька, тебе крупу-то намолоть, тебе сегодня крупу протереть!». Как бы для игры делали. Он в основном как бы для помолу крупы этот игрушечный жёрнов, только вместо ячменя малышу щепочки и опилки туда сыпали, и он молот, как крупу. В два годика уже приучали к этой работе.

У нас бабушка мастерицей была, красивые чулки, рукавички с узорами вязала. Всё говорила: «Учись, внучечка, пока бабушка жива». Она всё с бабушкой сидела и училась. Сегодня, завтра поучит, а на третий раз уж сама вязала. И куделю прясть бабушка учила. У маленьких девочек были маленькие прялочки,

чтобы доставать ногой до приножки и прясть.

(Архангельская область, 49)

Они ещё малые, как только на ноги встали, посылаешь: «Иди, водички принеси». Ну, он малыш, кто ж будет помогать, пойдёт, принесёт. «Ну, иди ещё травки кроликам сорви». Пойдёт, сорвёт. Прививали к работе, они и работали, а если не приучишь, трудно, когда подрастёт уже, его будет приучить, надо раньше воспитывать. Вот он колышет в люльке того, который там меньший. Говоришь: «Неси, подай ему игрушки. Колышь его скорей». Тот сейчас побегит и игрушки подаст. А как уже на улицу пошёл, я вижу в огород куры пошли, кричишь ему: «Ага, куры вон пошли в огород! Бяги скорей! Бяги, выгоняй курей!». Ну, и побегит выгонять курей. Полоть помогает, скажешь: «Гляди, эта хорошая, не вырывай такую травку, а вот такую вырывай. Гляди, какая капуста у нас уродилась: виласта да пузаста, крупна и бела, не утянешь со двора». Он уже и видит, малый, что где в огороде растёт. И в поле его брали. Давали маленькую косёнку и уж показывали: «Вот так держи, вот так махай». И он уже ряд узенький косил. Девочек прясть учили и мотать, и вязать, и стряпать у печи, и всё по дому выполнять.

(Смоленская область, 160)

Умел дитя родить, умей и научить. Прялка сделана была маленькая. Прялочка крашена была, там соломкой узор был изукрашен. Я ещё и в школу не ходила, бабушка мне эту прялку принесла. Вот кужель к гребню привязала, дала веретено. Она сидит и прядёт, и я сижу, пряду. Первым делом бабушка направила маленько на веретено, намотала на клубочек и сожгла. Потом пепел посыпала на кусок хлеба и говорит: «Съешь-ко с робятами, чтоб лучше прясть было». И я прядла, не сам чистый лён, а худую куделю, ведь училась только прясть, и жалко, а то напорчу. Бабушка меня учила, и я быстро научилась прясть. И вязать учила, спицы даст и кусок пряжи: «Вот, вяжи!» — говорит.

Варежки ли, носки ли показывала, как вязать. Пока не выполнишь, то и на улицу не пускала. И прясть всегда так давала задание: пять ли мочек, шесть ли мочек, хошь пряди, хошь не пряди, а к вечеру, чтобы было сделано. Для детей были маленькие косы и грабельки. И маленьких ребятёшек косить учили и сено грести. Были и маленькие серпики жать, на рынках продавали. (Тверская область, 175)

Малыши сами брались за какую-либо работу, что им по душе. В четыре годика дочка уже тяпала траву маленькой тяпочкой. Её делали для того, чтобы полоть лук. А в пять годов она уже прядла на маленькой прялке. Рано вязать, вышивать начинали. Бабушка сидит, вяжет, а внучка: «Бабушка, покажи мне». Она и показывает. Алка возьмёт две иголки и начинает сама завязывать. Детей заставляли по дому убираться, подмести, водички вот подать. Приучали к работе с малых лет. В три годика Ваньке отец дал ящик старый и посыпая ему туда гвоздей. Так он молотком избил гвоздями весь этот ящик, места живого не было. А отец повынимал эти гвозди, высыпая их опять, и мальчик снова повбивал их в ящик. (Курская область, 123)

У нас говорили: «Дай Бог вспоить, вскормить, на коня посадить, а если дочь — за прялицу посадить». В четыре года уже учили прясть куделю, чесать, вязать. Вот взрослые вязали нижнюю часть чулков-карпеток, а более простой верх давали вязать девочкам. Детей водили в огород. Глядишь, по картошке малыш ходит, говорит: «Ну, выросла какая трава!» — и пробирает её. С пяти годов дети уже пахали, ходили с прутом, погоняли быков на пашне. Приучали казачков езде на лошади. Сламывали лозу от вербы, отстругивали, на конец верёвку привязывали, узду. Вот малыш садился верхом, помахивал плёточкой и скакал, словно на лошадке. Раньше с четырёх лет у мальчиков были по́стриги, их стригли и сажали на коня — это, значит, они выходили из младенчества.

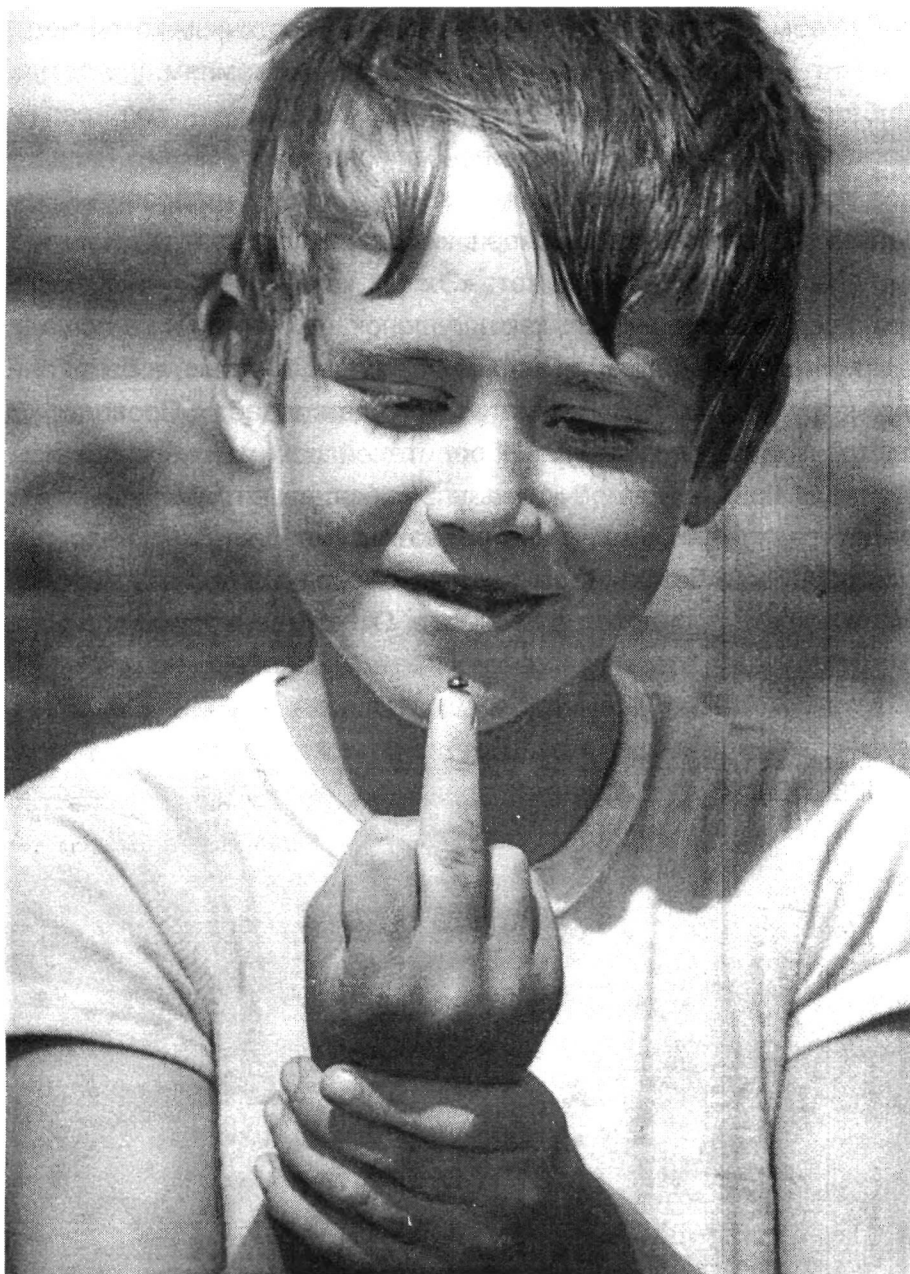
(Волгоградская область, 91)

Чтобы на лошадь пацанёнку залезть (росточком-то он мал), схватит лошадь и бежит до перелазки — камням у плетня. Добежит до перелазки, наступит на камни и — раз, сел и поскакал. И быков, и лошадей запрягали с самого малого возраста. Всё понимали, как здесь уздечку набросить, как зануздать коня. Сбрую, махорчики у коня поправят. Кто увидит маленького у лошади, скажет: «Эх ты, казачура!». — и бросает его в седло. А пацанёнок, как лягушонок, цепляется и на лошади едет. Не боялись дети. Были босые, голые, грязные, а были они уже к труду привитые. Вот мать мне задание даёт: «Прополите с сестрёнкой эту кукурузку». И родителей понимали, слушались. Купаться пойдёшь на речку,купаешься, аж в глазах всё синее делается, туман стоит, а всё равно ж думаешь: «Мне надо там полоть». Ну, и бежишь домой, тяпку берёшь и кукурузку полешь. Мать придёт, проверяет, что сделал. Ответственность была.

(Краснодарский край, 117)

Секиринские подпаски перенимают игру на дудочке у пастуха.
Рязанская область. 1987 г.

Приговорку божьей коровке припевает Алёша Шубин (7 лет).
Село Красный Бор Шатковского района Нижегородской области,
1986 г.

НОТНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

К стр. 31

Шумнули, шумнули

♩ = 102

Шум - ну - ли, шум - ну - ли, гря - ну - ли, гря - ну - ли!

Ой, мы при - е - ха - ли, ой, мы при - е - ха - ли

не дво - ра смот-реть, а ро - ди - ми - цу гля - деть!

К стр. 35

Про тебя баенка топлена

♩ = 124

Про те - бя ба - ен - ка топ - ле - на, для те -

бя из - го - тов - ле - на! Е-щё

на - ша пар - на ба - ен - ка во сы -

ром бо-ру руб - ле - на, стро - е - на.

* В текстах песен сохранены местные диалектные особенности языка.

К стр. 58

Приняла-тка я на свет

♩ = 98

Музыкальная запись песни. Начиная с 3/4 такта, затем 2/4. Сопровождается русскими словами.

При - ня - ла - тка я на свет маль - чи - ка кра -
сен цвет. Рас - ти - ве - се - лый, рас -
ти здо - ро - вый.

К стр. 67

Ой, стучить - грючить

♩ = 96

Музыкальная запись песни. Начиная с 7/8 такта, затем 4/8. Сопровождается русскими словами.

Ой, сту - чить, грю - чить,
ой, сту - чить, грю - чить ды по у - ли - цы.
Э - то Ва - неч - ка,
э - то Ва - неч - ка ды зы ба - буш - кой идти.
та мо - ло - день - кай ды зы ба - буш - кой идти.

К стр. 68

Тройку коней запрягём

$\text{♩} = 72$

Трой - ку ко - ней зы - пря - гём, ку - му до - мой от - вя - зём.

По - гу - ляй, мы - я ку - муш - ка, у мя - не,

по - гу - ляй, ма - ло - ды - я, у мя - не.

К стр. 69

Через гору тропынька

$\text{♩} = 69$

Че - рез го - ру тро - пынь - ка,

а иш - ла баб - ка пой - вынь - ка.

Спро - сил е - ё Гос - подь Бог:

А и - де бу - ла, баб - ка пой - вынь - ка?

К стр. 70

Ай, бабушка гордая

$\text{♩} = 96$

Ай, ба - буш - ка гор - ды - я, ру - ка тво - я лёг - кы - я.

Я дам та - бе, ба - буш - ка, семь мер гре - чу - хи.

К стр. 79

А куда ты идёшь, кумок?

♩ = 112

А ку - да тыи-дёшь, ку - мок, а ку - да ты спешишь голу бок?

На кресть - би - ны, Гос - подь Бог, в ку - мо - ви - ны, Дух Свя - той.

К стр. 86

Ой, через бор сосна повалилася

♩ = 100

Ой, че - рез бор сос - на по - ва - ли - ла - ся,

а ку - ма ску - мом поб - ра - ни - ли - ся.

К стр. 89

Коло месяца

♩ = 128

Ко - ло ме - ся - ца, ко - ло яс - но - го

всё час - ты - е звёз - ды.

К стр. 91

Ой, бабушка ходит

$\text{♩} = 112$

Ой, ба - буш - ка хо - дит, ка - шу ти но - сит,
на счаст - е, на ра - дость, на Бо - жи - ю ми - лость.

К стр. 95

Нам на кстинчики

$\text{♩} = 100$

Нам на кстин - чи - ки, дай - тя гос - тин - чи - ки:
гру - доч - ку каш - ки в зо - ло - ты - е чаш - ки,
А каш - ки не - ту, дай - тя кон - фе - ту.

К стр. 97

Родимица наша

$\text{♩} = 128$

Ро - ди - ми - ца на - ша, дай нам ка - ши! Кто даст ка - ши,
то - му сы - на ро - дить и на ко - ни - ка са - дить.

К стр. 98

А у нас нынча понедельник, праздничек

А у на - с ны - н - ча по - не - дель - ни - чек, пра - з - дни - чек,

Ой, ля - ли, а - ли - лей лё - ли, пра - з - дни - чек.

А вы на - с нын ча да мо - ло - душ - ки ни п - ря - дуть,

Ой, ля - ли, а - ли - лей лё - ли ни п - ря - дуть.

К стр. 101

Да за речкою, за рекою

Да за реч - ко - ю й, за ре - ко - ю да ча - ты - ре д - во - ра,

Ой, лё - ли, ай лей ля - ли, ча - ты - ре д - во - ра.

Ча - ты - ре дво - ра, ча - ты - ре дво - ра, да в - се ку - мовь - я,

Ой, лё - ли, а - ли - лей ля - ли, да в - се ку - мовь - я.

К стр. 101

Спородила молода дивчина

$\text{♩} = 46$

Спо - ро - ди - ла мо - ло - да див - чи - на

дай хо - ро... хо - ро - ше - го сы - на, о - й,

...о - ро

Спо - ро - ди - ла да мо - ло - да ди - в - чи - на

хо - ро... хо - ро - ше - го сы - на,

Спо - ро - ди - ла да мо - ло - да ди - в - чи - на да

хо - ро... хо - ро - ше - го сы - на.

К стр. 103

Ти хороша бабка

$\text{♩} = 86$

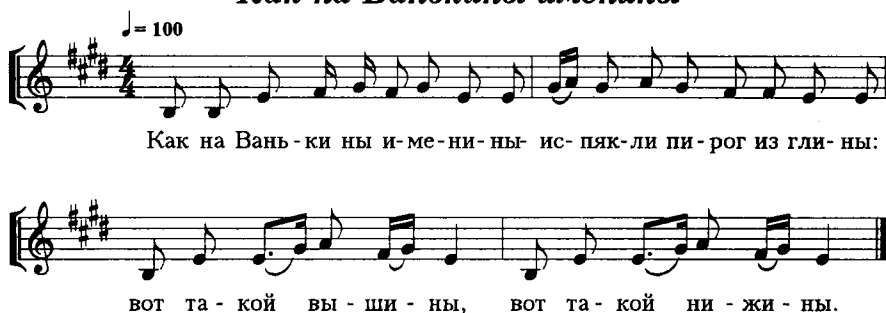

Ти хо - ро - ша баб - ка,
 ти хо-ро-ша стряп-ка, при-хо-ди-ла к внуч-ке сво-ей.
 У И-ва-на, у И-ва-на во-рон ко-ник на дво-ре.

К стр. 110

Как на Ванькины именины

$\text{♩} = 100$

Как на Вань-ки ны и-ме-ни-ны ис-пак-ли пи-рог из гли-ны:
 вот та-кой вы-ши-ны, вот та-кой ни-жи-ны.

К стр. 112

Да ещё что это за праздничек?

$\text{♩} = 90$

Да е-щё что э - то за празд - ни - чек?
 Да э - то кто у нас и - мя - нин - ни - чек?

К стр. 121

Детка ж моя милая

$\text{♩} = 86$

Дет - ка ж мо - я ми - ла - я,

дет - ка ж мо - я до - ро - га - я.

The musical score is written on two staves. The first staff begins with a treble clef, a key signature of one sharp (F#), and a 2/4 time signature. It contains the first line of the melody. The second staff continues the melody, with a 3/4 time signature change indicated by a double bar line and a new time signature. The lyrics are written below the notes.

К стр. 125

Как сегодняшним денёчком

$\text{♩} = 90$

Как се - год - няш - ним де - нёч - ком

не пе - кёт солн - це по лет - не - му.

The musical score is written on two staves. The first staff begins with a treble clef, a key signature of one sharp (F#), and a 6/8 time signature. It contains the first line of the melody. The second staff continues the melody, with a 7/8 time signature change indicated by a double bar line and a new time signature. The lyrics are written below the notes.

К стр. 139

Баю, баю, баючок

$\text{♩} = 78$

Ба - ю, ба - ю, ба - ю - чок, не сги - ба - е - це лу - чок...

Спи без бай - кань - я, спи без люль - кань - я...

The musical score is written on two staves. The first staff begins with a treble clef, a key signature of one sharp (F#), and a 4/4 time signature. It contains the first line of the melody. The second staff continues the melody, with a 5/4 time signature change indicated by a double bar line and a new time signature. The lyrics are written below the notes.

К стр. 142

А дедушка Самойла

♩ = 96

А де - душ - ка Са - мой - ла по - вел ко - ни в на стой - ла.

на стой - ле бе - рё - за, на бе - рё - зе лю - леч - ка.

К стр. 144

Баю, баю, надо спать

♩ = 69

Ба - ю, ба - ю, на - до спать. Все при - дут те - бя ка - чать:

при - ди, конь, ус - по - кой; при - ди, щу - ка, у - ба - ю - кай.

К стр. 151

Гуркуй, гуркуй, мой сыночек

♩ = 108

Гур куй, гур куй, мой сы но - чек! Гур - куй, гур - куй, гур ку - но - чек!

бу - дешь гур - ку гур - ко - вать, бу - ду ка - щеч - кой пи - тать!

К стр. 153

Потягушечки

$\text{♩} = 92$

По - тя - гу - шеч - ки, по рас - ту - шеч - ки,
вдоль да по - пе - рёк толс - ту - шеч - ки!

К стр. 154

Любашечка, дорогашечка

$\text{♩} = 112$

Лю - ба - шеч - ка, до - ро - га - шеч - ка, до - ро
- ган - но мо - ё, се - реб - ря - но мо - ё, зо - ло -
ти - ноч - ка, до - ро - ги - ноч - ка!

К стр. 155

Рёва - корова

$\text{♩} = 144$

Рё - ва ко - ро - ва, дай мо - лоч - ка! А не
дашь мо - лоч - ка, вда - рю те - бя под боч - ка!

К стр. 157

Кыш, кыш, ком

Кыш, кыш, ком, не хо- ди, Ва- ня, луж - ком! Те-бя

ко - ни за - ля - га - ют, ко - ро - вы за - бо - дут,

ма - лень - ки те - лят - ки на рож - ках у - не - сут.

К стр. 159

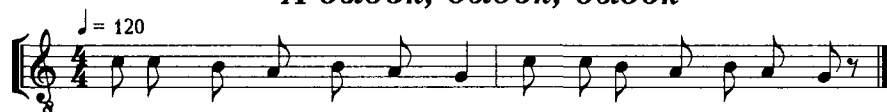
Кочки - вочки

Коч - ки, воч - ки, е-ха-ли хох-лоч-ки на се-рой со-бач-ке!

За - ца - пи - ли за пя - нёк, про - сто - я - ли весь де - нёк.

К стр. 166

А дыбок, дыбок, дыбок

А ды - бок, ды - бок, ды - бок, завт - ра Та - неч - ке го - док!

К стр. 168

А пляши, пляши, пляши

А пля - ши, пля - ши, пля - ши, у тя нож - ки хо - ро - ши!

К стр. 190

Вода - водица

Во - да во - ди - ца, во - да ча - ри - ца,

как смы - ва - ешь и сры - ва - ешь жел - ты пес - ки.

К стр. 195

С гоголя вода

С го - го - ля во - да, с го - го - люш - ки во - да,

с ра - ба божь - я Ва - ни вся е -

го ху - до - ба, вся тя - го - та!

К стр. 202

Секу, высекаю

$\text{♩} = 108$

Се - ку, вы - се - ка - ю, пе - ре - по - лох сы - ма - ю

у ра - ба Божь - я Ва - нюш - ки из яс - ных о - чей.

К стр. 208

Заря - заряница

$\text{♩} = 144$

За - ря за - ря - ни - ца, крас - на - я де - ви - ца,

возь - ми бес - сон - ни - цу, без - у - го - мон - ни - цу,

у - тя - ни за о - ко - ли - цу.

К стр. 220

У кошки боли

$\text{♩} = 114$

У кош - ки бо - ли, у со - бач - ки бо - ли,

а Ва - нюш - ки век пу - по - чек, век пу - по - чек за - жи - ви!

К стр. 227

На море - океане

$\text{♩} = 100$

На мо - ре о - ке - а - не, на ост - ро - ве Бу - я - не,
в са - ду райс - ком, под де - ре - вом царс - ким
ле - жит ка - мень со - ро - ка са - жень.

К стр. 233

Ячень, ячень

$\text{♩} = 104$

Яч - мень, яч - мень, на те - бе ку - киш, што хо - чешь се - бе ку - пишь!

К стр. 243

Кочь, поди вон!

$\text{♩} = 144$

Кочь, по - ди вон! У - хо - вёрт, по - ди вон!
Слу - хи в у - хи, глу - хи вон!

К стр. 246

Месяц ты, месяц

$\text{♩} = 128$

Ме - сяц ты, ме - сяц, се - реб - ря - ны рож - ки, зо - ло - ты - е ножки!
Сой - ди ты, ме - сяц, зуб - нускорбьс - ни - ми, в об - ла - ка у - не - си!

К стр. 264

Кисонька - ласынька

$\text{♩} = 72$

Ки - со - нь - ка, ла - сын - ка, где ты был, по - бы - вал?

Был у ду - шень - ки, у Ка - тю - шень - ки.

Ка - тю до - ма не зас - тал, под о - кош - ком про - сто - ял.

К стр. 266

Идёт коза рогатая

$\text{♩} = 100$

И - дёт ко - за ро - га - та - я за ма - лы - мя ро - бя - та - ми,

кто сись - кю со - сёт, то - го ро - гом бьёт!

К стр. 269

Чашечка на головуцкю

$\text{♩} = 120$

Ча - шеч - ка на го - ло - во - цкю!

Рас - ти, Ва - нюш - ка, до по - лоц - ки!

К стр. 291

Густой лес

$\text{♩} = 78$

Гус - той лес, чис - то по - ле, две то - по - ли, два ок - на.

К стр. 293

Цё в горбу?

К стр. 296

Ножки - качишки

К стр. 296

Кую, кую ножку

К стр. 297

Куй, куй чебаток

$\text{♩} = 120$

Куй, куй, че - ба - ток, по - дай, Па - ня, мо - ло - ток!

Не по - дашь мо - ло - ток, не под - ку - ешь че - ба - ток!

К стр. 298

Татки - сажёнки

$\text{♩} = 88$

Тат - ки са - жён - ки, мам - ки са - жён - ки.

К стр. 299

Уты-уты-уты-уты

$\text{♩} = 120-132$

У - ты, у - ты, у - ты, у - ты, пла - ва - ли, пла - ва - ли!

Ре - ки вста - ли, о - зё - ры за - мёрз - ли,

не - ку - да ут - кам сес - ти. Пырх, к Вань - ке на го - лов - ку!

К стр. 299

Совушка - совка

$\text{♩} = 144$

Со - вуш - ка, сов - ка, чёр - на - я го - лов - ка,
чёр - ны - е нож - ки, сафь - я - ны са - пож - ки!

К стр. 300

Кудели, кудели

$\text{♩} = 98$

Ку - де - ли, ку - де - ли, на свя - той не - де - ле, ку - да Ма - шу де - ли?

К стр. 301

Чушки - вьюшки

$\text{♩} = 96$

Чуш - ки, вьюш - ки, пе - ре - вьюш - ки, Тим - бир - лим си - дит в ка - душ - ке.
А я е - го по ма - куш - ке: Бац! Бац! Бац!

К стр. 301

Качики - качки

$\text{♩} = 72$

Ка - чи - ки, кач - ки, на се - рой со - бач - ки! За - ца - пи - ли
за пя - нёк и сто - я - ли весь дя - нёк. Скок! Скок! Скок!

К стр. 302

Ой, туш, туш, туш

$\text{♩} = 144$

Ой туш, туш, туш, на - ва - рил дед груш!

Ба - ба гру - ши на - ду - ла, не по - луд - но - ва - ла!

К стр. 305

Ладушки, ладушки

$\text{♩} = 108$

Ла - душ - ки, ла - душ - ки, где бы - ли? - У ба - буш - ки.

К стр. 306

Векушка, горожаночка

$\text{♩} = 144$

- Ве - куш - ка, го - ро - жа - ноч - ка,

где ты бы - ла? - Во но - вом го - ро - де.

К стр. 308

Сорока, сорока

$\text{♩} = 102$

- Со - ро - ка, со - ро - ка, где бы - ла? - Да - лё - ко.

К стр. 311

Качи - покачи

$\text{♩} = 120$

Ка - чи - по - ка - чи, о - си - но - вы ту - ра - чи!

Кат - ка - ты - шок, бу - дет Ю - ра же - ни - шок!

К стр. 313

Коп, коп, коп

$\text{♩} = 168$

Коп, коп, коп, по - е - ха - ли в Ма - й - коп. При - е -

ха - ли до по - па, по - па до - ма не - ма.

Од - ни по - пе - нят - ки шьют зи - пу - нят - ки!

К стр. 313

Качки - покачки

$\text{♩} = 120$

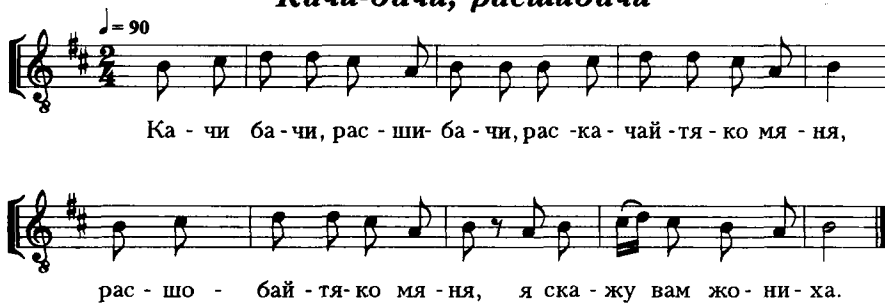
Кач - ки по - кач - ки, сель - дя - ной ку - лю - бач - ки!

жит - ны ко - роц - ки в се - нях на по - лоц - ки!

К стр. 313

Качи-бачи, расшибачи

$\text{♩} = 90$

Ка - чи ба - чи, рас - ши - ба - чи, рас - ка - чай - тя - ко мя - ня,
рас - шо - бай - тя - ко мя - ня, я ска - жу вам жо - ни - ха.

К стр. 315

По кочкам, по кочкам

$\text{♩} = 96$

По коч - кам, по коч - кам, по ма - лень - ким кус - точ - кам.

Гловарь

С Л О В А Р Ь

- Армя́к* — в старину у крестьян кафтан из толстого сукна
Арши́н — русская мера длины, равная 0,71 м
Барка́с — большая гребная шлюпка
Баску́ный — красивый, красный, нарядный
Бирю́к — волк
Божáтка — крёстная, названная мать
Брие — бровей
Бри́чка — лёгкая повозка, иногда крытая
Бу́ка, Бука́рка, Баба́й, Бай — сказочные существа, которыми пугают детей
Буртыха́ется — шевелится, двигается
Вершо́к — старая русская мера длины, равная 4,4 см
Во брёмени, бремя — ноша, тяжесть, тягота
Воронцу́, вороне́ц — брус, широкая и толстая доска в виде полки, вдоль и посреди всей избы
Га́шник — горшок
Годова́ть — растить, нянчить
Голичко́м, голик — веник без листьев
Грамоди́ть — трудиться, работать
Гру́ба — печь
Гумно́ — сарай для сжатого хлеба
Де́жа — опара для теста, квашня; кадка, в которой месят тесто для хлеба
Де́рье — 1. Работа 2. Крупное драное зерно
До гряд — до годов
Доло́нь — ладонь
Дро́вни — крестьянские сани без кузова для перевозки дров, грузов
Жа́вица — пенка
За́болонь — наружный, менее плотный слой древесины, лежащий непосредственно под корой
Заго́н — загороженное место для скота
За́спина — из заспы (крупы) приготовленный пирог

- Зипуня́тки, зипу́н* — крестьянский рабочий кафтан
Золотни́к — здесь: “матка”
Има́ть — хватать, брать
И́сполох — испуг
Камелёночка, ка́менка — печь из камня, без трубы в деревенской бане
Ка́мка — шелковая узорчатая ткань
Караго́д — хоровод
Квашёнка, квашня — деревянная кадка для теста
Ки́льи, овя́лки — грыжа, опухоль разного рода
Клеть — кладовая, при избе или в отдельной постройке
Коново́дится — нянчиться, возится
Копа́ч — деревянная лопатка
Коро́б — лубяное или берестяное изделие для укладки или носки чего-нибудь
Костоё́д — местная порча, болезнь кости, помертвенье
Костри́ка, костри́ца — жёсткая кора растений (льна, конопли), годных для пряжи
Копы́л — короткий брус в полозьях саней, служащий опорой для кузова
Кочеды́к — инструмент для плетения лаптей
Коше́ль — плетённая из лыка большая сумка
Кра́сичку, кра́сик — край блюда, чаши
Кри́ксы — болезненное состояние младенца, который много кричит, плачет
Кропо́ткам, крохотки — крошки
Крошини́на — пища из смеси чего-нибудь накрошенного
Куде́ль, куже́ль — волокнистая часть льна, пеньки
Кузово́к, ку́зов — короб из лыка или бересты
Кулёш — жидкая пшённая каша
Кут — угол крестьянской избы
Кутья́ — каша из ячменя, пшеницы, риса с изюмом или другими сладостями
Ла́ва — пережат, речная гряда; залитые вешней водой луга

Ла́данка — маленький мешочек с ладаном или с каким-нибудь снадобьем, который носят на груди

Лотóк, лат — лопата для сажания в печь хлебов

Лучи́на — тонкая щепка сухого дерева, употреблявшаяся в старину для освещения крестьянской избы

Лы́ко — луб от молодой липы, ивы и некоторых других деревьев, разделяемый на слои и узкие полосы

Ля́снуть — шлёпнуть, ударить

Ма́тица, ма́тень — потолочная балка

Махо́рчики — украшения из кожи на уздечке и шлее лошади

Махо́тка, мохо́тка, мухоточка — маленький глиняный горшочек

Мурови́ны — третий, заключительный день крестильного обряда, когда умываются водой с подмешенным туда муром (миром), взятым при крещении младенца в церкви

Мы́ка — щетка для чесания льна

Мы́чинки ни мы́чуть — не прядут

Мяки́на — отходы при обмолоте и очистке зерна

Мяхóв, мех — мешок из шкуры животного

Не вла́данный — не использованный

Не ма́й — не трогай, не бери

Обга́нишься — обольёшься, обмоешься

Ови́н — строение для сушки снопов перед молотью

О́зык — озёв, сглаз, порча заговором, словами

Опа́ра — заправленное дрожжами и забродившее тесто

Па́калки — гнойники

Пару́ха —сглаз

Па́сить — нянчить, сидеть, ухаживать

Па́тока — густое сладкое вещество, получаемое из крахмала

Пово́йник — головной убор замужней женщины

Пове́ть — помещение под навесом на крестьянском дворе

Погре́бень — погреб

Под — в русской печи: нижняя поверхность, являющаяся топкой

- Подвóда* — конная повозка
Пéлен — свес соломенной крыши
Писсь — писк, пищит
Плецы́ — сучки, ветки
Плунь — лунь, хищная птица
Погóст — кладбище, могильник
Пóжня — жнивье или луг
Полáти — в избе: нары для спанья, устраиваемые под потолком между печью и стеной
Полúдновать — полдничать
Полóк — в русской бане: возвышенные, широкие полки, на которых парятся
Пóтка — птичка
Призóр, прикос, опризор, оприкос — сглаз, бывает от недоброго, завистливого взгляда чужого человека
Прíчесть — предание, поверье, легенда
Пядь — старинная мера длины, равная расстоянию между растянутыми большим и указательным пальцами
Рудá — кровь
Рыднушкú — ряднó, самотканная материя
Сáжень — русская мера длины, равная трём аршинам (2,13 м)
Сгорóда — изгородь
Сéни — в деревенских избах: помещение между жилой частью дома и крыльцом
Синяпóдтиколь — синяк
Скúбочка — кусочек, ломтик
Снóсная — беременная
Спорынья́, споры́ш — стебель с наибольшим числом колосьев; рожки пшеничные, ржанные
Ста́йка — крытый двор для скота; загородка, загон, стойло, обнесённое забором место
Стан, становúна — платье, рубаха без рукавов, воротника; сшитые полотнища
Стит — писает, мочится

- Сурóта, сурóчить* — сглазить, изурочить, испортить
Суслóн — кладка снопов в поле
Тетёрька — выпеченное на четвёртой неделе Великого Поста печенье в виде зверюшек и птичек
Тúточный — ребёнок, кормящийся материнской грудью
Ток, точóк — площадка для молотьбы, очистки и просушки зерна
Тóкмо — только
Толокнó — овсяная мука, употребляемая в пищу с молоком, маслом
Тóркался — шевелился, толкался
Торжóк — торг, базар
Трут — высушенный гриб трутник
Тын — сплошной деревянный забор
Тюлюкáется — возится, нянчится
Урóк — порча, сглаз
Уставщúк — установивший что—либо, старший
Утóк, утóчки — поперечное тканье на ткани
Хúтки, прúтки — порча, сглаз (озёв), или болезнь от этого
Хохлáч — шапка, платок
Хфатéра, фатéра — помещение, жильё, квартира
Чебатóк — сапожок
Челó — наружное отверстие русской печи
Чéмеры, чéмер — болезнь с болью в животе; головная боль
Чемярúца, чемерúца — многолетняя луговая трава с толстым корневищем, крупными листьями и метёлками цветков
Чепáть — щипать, трепать, очищать, чесать
Чукáет, чукать — лепетать, гулить
Шáньги — род ватрушки, сочня или простой лепёшки
Шестóк — площадка между устьем и топкой русской печи
Щепúночка — щепка

СВЕДЕНИЯ ОБ ИСПОЛНИТЕЛЯХ

АРХАНГЕЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ**Лешуконский район (Запись 1989-1990 гг.)***село Лешуконское*

1. Грифулина Людмила Геннадиевна /р. 1961 г./
2. Задорина Анна Васильевна /р. 1915 г./
3. Карпова Нина Леонтьевна /р. 1937 г./
4. Кошунина Анна Николаевна /р. 1921 г./
5. Кузьмина Ольга /р. 1964 г./
6. Кычина Раиса Михайловна /р. 1934 г./
7. Малышева Тамара Александровна /р. 1929 г./
8. Мартынова Ирина Александровна /р. 1928 г./
9. Окарина Екатерина Николаевна /р. 1937 г./
10. Сахарова Евдокия Петровна /р. 1920 г./
11. Пахова Евдокия Петровна /р. 1928 г./
12. Плотникова Галина Александровна /р. 1938 г./

деревня Кеба

13. Капитонова Анфимия Васильевна /р. 1924 г./
14. Козырева Мария Васильевна /р. 1919 г./
15. Матвеева Анастасия Семеновна /р. 1915 г./
16. Рыжкова Роза Павловна /р. 1931 г./
17. Сахарова Римма Петровна /р. 1932 г./

деревня Едома

18. Малышева Евдокия Афанасьевна /р. 1912 г./
19. Пономарёва Екатерина Ивановна /р. 1909 г./

Мезенский район (Запись 1990-1991 гг.)*село Долгощелье*

20. Безбородова Евгения Григорьевна /р. 1933 г./
21. Малыгина Анна Алексеевна /р. 1923 г./
22. Нечаева Мария Александровна /р. 1932 г./

- 23. Нечаева Мария Васильевна /р. 1917 г./
- 24. Попова Наталья Алексеевна /р. 1924 г./
- 25. Титова Александра Васильевна /р. 1933 г./

село Дорогорское

- 26. Едушь Нина Вениаминовна /р. 1947г./
- 27. Петрова Александра Васильевна /р. 1935 г./
- 28. Петрова Антонина Егоровна /р. 1921 г./
- 29. Сахарова Светлана Гавриловна /р. 1934 г./

село Азополье

- 30. Базырева Нелли Михайловна /р. 1937 г./
- 31. Дьячкова Феодосия Михайловна /р. 1922 г./

Пинежский район (Запись 1990 гг.)

село Карпогоры

- 32. Беляева Мария Васильевна /р. 1925 г./
- 33. Завернина Ангелина Валерьяновна /р. 1937 г./
- 34. Третьякова Лидия Ивановна /р. 1940 г./

деревня Шотова Гора

- 35. Вехорова Мария Прокопьева /р. 1924 г./
- 36. Вихорева Валентина Дмитриевна /р. 1920 г./
- 37. Кордумова София Фёдоровна /р. 1918 г./
- 38. Кыркалова Ольга Николаевна /р. 1929 г./
- 39. Подшивалова Антонина Григорьевна /р. 1925 г./

Вельский район (Запись 1988-1992 гг.)

деревня Арефьино

- 40. Нипомилуева Зоя Андреевна /р. 1929 г./
- 41. Цаплина Августа Яковлевна /р. 1921 г./
- 42. Цаплина Манефа Дмитриевна /р. 1923 г./

деревня Хорошево

43. Дружинина Евгения Андреевна /р. 1909 г./

44. Петровых Евдокия Семёновна /р. 1916 г./

Архангельский район (Запись 1993 г.)*деревня Уйма*

45. Выборнова Лидия Сергеевна /р. 1913 г./

Онежский район /Запись 1990 г./*город Онега*

46. Артёменко Полина Павловна /р. 1922 г./

47. Ларионова Клавдия Николаевна /р. 1926 г./

48. Таразанова Валентина Владимировна /р. 1926 г./

деревня Нименьга

49. Вялков Алексей Дмитриевич /р. 1906 г./

деревня Пурнема

50. Михайлова Евдокия Петровна /р. 1923 г./

Приморский район (Запись 1990 г.)*село Пертаминск*

51. Колтакова Маремьяна Васильевна /р. 1900 г./

деревня Уна

52. Зарубина Анастасия Андреевна /р. 1908 г./

53. Мошкова Анна Игнатьевна /р. 1922 г. /

54. Привалова Анастасия Фёдоровна /р. 1907 г. /

55. Серухина Марина Фёдоровна /р. 1903 г. /

Красногорский район /Запись 1993 г./

село Черевково

- 56. Гневышева Лидия Никифорова /р. 1923 г. /
- 57. Окольниковичева Евдокия Александровна /р. 1927 г./
- 58. Павлова Мария Григорьевна /р. 1926 г./

Устьянский район (Запись 1991 г.)

село Череново

- 59. Лысакова Екатерина Петровна /р. 1926 г./
- 60. Осипова Марфа Фёдоровна /р. 1916 г./
- 61. Шубина Мария Фёдоровна /р. 1916 г./
- 62. Шубина Полинария Михайловна /р. 1926 г. /

Шенкурский район (Запись 1988 г.)

город Шенкурск

- 63. Валькова Нелли Петровна /р. 1947 г. /
- 64. Добрынина Мирия Ивановна /р. 1926 г. /
- 65. Кошунина Зоя Михайловна /р. 1925 г./
- 66. Шестакова Валентина Алексеевна /р. 1941 г./

БЕЛГОРОДСКАЯ ОБЛАСТЬ

Валуйский район (Запись 1989 г.)

село Шелаево

- 67. Болдина Татьяна Иосифовна /р. 1926 г. /
- 68. Князева Екатерина Андреевна /р. 1924 г. /
- 69. Теплякова Клавдия Алексеевна /р. 1931 г./

село Уразово

- 70. Фастунова Марина /р. 1964 г./

Ракитянский район (Запись 1990 г.)*село Вышние Пены*

- 71. Авдеева Мария Михайловна /р. 1943 г. /
- 72. Бабыкина Екатерина Кузьминична /р. 1925 г. /
- 73. Казакова Мария Архиповна /р. 1932 г. /
- 74. Матвиенко Мария Афанасьевна /р. 1925 г. /

БРЯНСКАЯ ОБЛАСТЬ**Новозыбковский район** (Запись 1988 г.)*село Верещаки*

- 75. Пугачов Алексей Кириллович /р. 1927 г. /
- 76. Пугачова Наталья Павловна /р. 1926 г. /

село Добродеевка

- 77. Ерошевская Мария Николаевна /р. 1956 г. /
- 78. Справцева Харитина Ивановна /р. 1912 г. /

Брянский район (Запись 1990 г.)*село Дорожево*

- 79. Алёшина Ирина Фёдоровна /р. 1918 г. /
- 80. Михеева Татьяна Захаровна /р. 1924 г. /
- 81. Симонова Таисья Николаевна /р. 1915 г. /
- 82. Шляпкина Елена Степановна /р. 1918 г. /

БҮРЯТИЯ (СЕМЕЙСКИЕ ЗАБАЙКАЛЬЯ)**Мухоршибирский район** (Запись 1987 г.)*село Калиновка*

- 83. Иванова Валентина Елуповна /р. 1940 г. /
- 84. Кушнарёва Нина Тимофеевна /р. 1946 г. /

ВЛАДИМИРСКАЯ ОБЛАСТЬ

Александровский район (Запись 1985 г.)

село Соколово

85. Елизарова Мария Дмитриевна /р. 1922 г. /

Суздальский район (Запись 1980 г.)

село Весь

86. Плаксина Мария Михайловна /р. 1915 г. /

ВОЛГОГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ (ХОПЁРСКИЕ КАЗАКИ)

Подтёлковский район (Запись 1989 г.)

станция Кумылженская

87. Васькина Клавдия Петровна /р. 1927 г. /

88. Гришина Вера Фёдоровна /р. 1965 г. /

89. Гришина Ольга Фёдоровна /р. 1916 г. /

90. Кубракова Валентина Семёновна /р. 1954 г. /

91. Михайлова Галина Андреевна /р. 1946 г. /

92. Фирсова Елена Викторовна /р. 1967 г. /

хутор Глушица

93. Мартынова Ефросинья Григорьевна /р. 1912 г. /

хутор Родионовский

94. Фролова Анна Петровна /р. 1905 г. /

ВОЛОГОДСКАЯ ОБЛАСТЬ

Великий Устюг (Запись 1991 г.)

95. Злобина Вера Ивановна /р. 1931 г. /

96. Костромишина Мария Михайловна /р. 1924 г. /

97. Носкова Валентина Григорьевна /р. 1931 г. /

ВОРОНЕЖСКАЯ ОБЛАСТЬ

Бобруйский район (Запись 1980 г.)

село Пчелиновка

98. Булавкина Анна Алексеевна /р. 1925 г. /

99. Пырина Пелагея Абрамовна /р. 1918 г. /

100. Русакова Валентина Алексеевна /р. 1952 г. /

ГРУЗИЯ (ДУХОБОРЫ)

Богдановский район (Запись 1986 г.)

село Гореловка

101. Зубкова Татьяна Фёдоровна /р. 1931 г. /

102. Кузнецов Владимир Владимирович /р. 1946 г. /

103. Примарукова Авдотья Игнатьевна /р. 1925 г. /

104. Савинкова Анна Михайловна /р. 1930 г. /

105. Савинков Михаил Григорьевич /р. 1920 г. /

106. Тамилина Серафима Константиновна /р. 1920 г. /

КАЛУЖСКАЯ ОБЛАСТЬ

Медынский район (Запись 1971 г.)

деревня Орлово

107. Иванова А. Б. /р. 1898 г./

108. Овчинникова А. В. /р. 1908 г./

КОМИ

Усть-Цилемский район (Запись 1985 г.)

посёлок Усть-Цильма

- 109. Поздеева Анна Ананьевна /р. 1939 г. /
- 110. Поздеева Галина Николаевна /р. 1953 г. /
- 111. Поздеева Клавдия Алексеевна /р. 1938 г. /
- 112. Филипова Анастасия Матвеевна /р. 1954 г. /
- 113. Чупрова Вера Николаевна /р. 1956 г. /

КРАСНОДАРСКИЙ КРАЙ (КУБАНСКИЕ КАЗАКИ)

Белореченский район (Запись 1990 г.)

станция Белореченская

- 114. Жукова Любовь Петровна /р. 1939 г. /
- 115. Москальцова Вера Зиновьевна /р. 1933 г. /
- 116. Рыкова Елена Куприяновна /р. 1929 г. /
- 117. Унтевский Фёдор Стефанович /р. 1929 г. /

КУРСКАЯ ОБЛАСТЬ

Беловский район (Запись 1988-1990 гг.)

село Белица

- 118. Бабкина Матрёна Дмитриевна /р. 1922 г. /
- 119. Бушмина Татьяна Фёдоровна /р. 1920 г. /
- 120. Гетманова Прасковья Ильинична /р. 1932 г. /
- 121. Корягина Елена Ивановна /р. 1931 г. /
- 122. Корягина Татьяна Петровна /р. 1930 г. /
- 123. Корягина Ульяна Петровна /р. 1904 г. /

Обоянский район (Запись 1988-1990 гг.)*село Бегичево*

- 124. Булгакова Вера Федотовна /р. 1926 г. /
- 125. Переверзева А. М. /р. 1910 г. /
- 126. Переверзева Е. Г. /р. 1908 г. /
- 127. Переверзева Надежда Ивановна /р. 1923 г. /
- 128. Селихова Елена Петровна /р. 1921 г. /
- 129. Ушакова Надежда Ивановна /р. 1916 г. /

МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ**Воскресенский район** (Запись 1979 г.)*деревня Катунино*

- 130. Привезенцева Александра Сергеевна /р. 1916 г. /

НИЖЕГОРОДСКАЯ ОБЛАСТЬ**Варнавинский район** (Запись 1986 г.)*село Варнавино*

- 131. Антонова Александра Ивановна /р. 1909 г. /

деревня Сергино

- 132. Корина Антонина Алексеевна /р. 1914 г. /
- 133. Корин Михаил Павлович /р. 1907 г. /
- 134. Панова Любовь Васильевна /р. 1914 г. /

Сеченский район (Запись 1986 г.)*село Верхнее Талызино*

- 135. Завьялова Альбина Васильевна /р. 1941 г. /
- 136. Спичкова Вера Григорьевна /р. 1932 г. /

Шатковский район (Запись 1986 г.)

село Красный Бор

137. Золотова М. М. /р. 1930 г. /

138. Кочеткова Л. А. /р. 1915 г. /

РЯЗАНСКАЯ ОБЛАСТЬ

Скопинский район (Запись 1987 г.)

село Секирино

139. Ларюшкина К. С. /р. 1927 г. /

140. Чувинова А. Е. /р. 1918 г. /

СМОЛЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ

Велижский район (Запись 1980 г.)

деревня Маклок

141. Батурина М. П. /р. 1917 г. /

142. Михайлова Е. Ф. /р. 1918 г. /

Вяземский район (Запись 1991 г.)

село Андрейково

143. Иванова Тамара Григорьевна /р. 1930 г. /

144. Ковалёва Анастасия Фёдоровна /р. 1922 г. /

145. Курнюшенкова Вера Николаевна /р. 1926 г. /

Глинковский район (Запись 1991 г.)

деревня Марьино

146. Горбунова Екатерина Ефимовна /р. 1914 г. /

147. Ильюхина Анна Григорьевна /р. 1920 г. /

148. Сидоренкова Надежда Степановна /р. 1920 г. /

149. Сотникова Мария Яковлевна /р. 1929 г. /
150. Судейкин Константин Иванович /р. 1925 г. /

Руднянский район (Запись 1974 г.)

село Никонцы

151. Кузнецова Варвара Кузьминична /р. 1913 г. /
152. Петрачкова Дарья Константиновна /р. 1888 г. /

село Селечки

153. Кириенкова Анна Тихоновна /р. 1901 г. /
154. Королёва Пелагея Яковлевна /р. 1905 г. /

село Понизовье

155. Ершова Полина Ларионовна /р. 1906 г. /
156. Гаврилова Надежда Петровна /р. 1910 г. /

деревня Селуяново

157. Туличкова Васса Николаевна /р. 1914 г. /
158. Якушева Ирина Герасимовна /р. 1910 г. /

город Рудня (запись 1991 г.)

159. Морозова Надежда Федосеевна /р. 1924 г. /
160. Морозов Константин Фёдорович /р. 1917 г. /

Тёмкинский район (Запись 1973 г.)

деревня Теплихово

161. Андреева Прасковья Павловна /р. 1902 г. /
162. Голубева Федосья Фадеевна /р. 1900 г. /
163. Серебрякова Надежда Ивановна /р. 1909 г. /
164. Смирнова Ксения Александровна /р. 1898 г. /

Починковский район (Запись 1991 г.)

посёлок Починок

- 165. Иваненкова Евдокия Егоровна /р. 1920 г./
- 166. Мещанова Ульяна Северьяновна /р. 1930 г./
- 167. Скуратова Елена Архиповна /р. 1913 г. /

посёлок Стодолище

- 168. Глаголева Екатерина Петровна /р. 1922 г./
- 169. Иванова Ефросинья Афанасьевна /р. 1915 г. /

Смоленский район (Запись 1991 г.)

село Флёново

- 170. Воронцова Ираида Михайловна /р. 1926 г. /

Холм-Жирковский район (Запись 1991 г.)

село Боголюбово

- 171. Егорова Мария Филипповна /р. 1927 г. /
- 172. Занечина Лариса Александровна /р. 1931 г. /
- 173. Разина Вера Дмитриевна /р. 1927 г. /
- 174. Сусенкова Александра Иосифовна /р. 1934 г. /

ТВЕРСКАЯ ОБЛАСТЬ

Весьегонский район (Запись 1982 г.)

деревня Крешнёво

- 175. Шаронова Клавдия Ивановна /р. 1917 г. /

деревня Бараново

- 176. Сазонова Галина Михайловна /р. 1928 г./

УРАЛ. СВЕРДЛОВСКАЯ ОБЛАСТЬ (ЯИЦКИЕ КАЗАКИ)**Уральский район (Запись 1989 г.)***посёлок Круглоозёрный*

177. Коновалова Анна Авертьевна /р. 1946 г. /
178. Сиверова Лидия Степановна /р. 1935 г. /
179. Тихонов Александр Владимирович /р. 1928 г./
180. Колокольникова Татьяна /р. 1953 г./

ЯРОСЛАВСКАЯ ОБЛАСТЬ**Любимский район (Запись 1981 г.)***деревня Бряково*

181. Зеленина Зинаида Юрьевна /р. 1939 г. /
182. Семёнова Александра Васильевна /р. 1928 г. /

деревня Семёново Малое

183. Мурин Сергей Васильевич /р. 1912 г. /

село Троица

184. Моисеева Нина Алексеевна /р. 1909 г. /

СПИСОК МАТЕРИАЛОВ И ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ДЕТСКОМУ ФОЛЬКЛОРУ

- Аникин В. П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. — М., 1957
- Бессонов П. А. Детские песни. — М., 1868
- Вессель Н. Х., Альбрехт Е. К. Гусельки: 128 колыбельных, детских и других народных песен и прибауток. — СПб., 1899
- Виноградов Г. С. Детский фольклор и быт: Программа наблюдений. — Иркутск, 1925
- Виноградов Г. С. Русский детский фольклор. — Иркутск, 1930
- Галлер К. Рай детей. — СПб., 1886
- Гилярова Н. Н. Детский музыкальный фольклор Рязанской области. — Рязань, 1992
- Гросс К. Душевная жизнь ребёнка. — СПб., 1906
- Ефименкова Б. Северные байки. — М., 1977
- Каптерев П. О детских играх и развлечениях. — СПб., 1898
- Капица О. И. Детский фольклор. — Л., 1928
- Капица О. И. Детский быт и фольклор. — Л., 1930
- Колыбельные. Потешки. Пестушки / Сост. Л. А. Пыжьянова. — Екатеринбург, 1995
- Колыбельные песни, записанные в Курганской области / Сост. Э. А. Чебыкина. — Курган, 1990
- Литвин Э. С. К вопросу о детском фольклоре // Русский фольклор. — М.; Л., 1958, — Вып. 3. — С. 92 — 102
- Мельников М. Н. Русский детский фольклор Сибири. — Новосибирск, 1970
- Мельников М. Н. Русский детский фольклор. — М., 1987
- Мир детства и традиционная культура. — М., 1995 — 1996. — Вып. I — II
- Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре. Вып. I: Младенчество. Детство / Сост. В. Аникин. — М., 1991
- Мухомедшина Л. Детский фольклор Приангарья. — Иркутск, 1994
- Науменко Г. М. Русские народные сказки, скороговорки и загадки с напевами. — М., 1977

Науменко Г. М. Жаворонушки: Русские песни, прибаутки, скороговорки, считалки, сказки, игры. — М. Вып. I. — 1977; Вып. II. — 1981; Вып. III. — 1984; Вып. IV. — 1986; Вып. V. — 1988.

Науменко Г. М. Чудесный короб: Русские народные детские песни, сказки, игры, загадки. — М., 1988

Науменко Г. М. Дождик, дождик, перестань!: Русское народное детское музыкальное творчество. — М., 1988

Науменко Г. М. Котенька — коток: Русские народные детские песни. — М., 1990

Науменко Г. М., Якунина Г. Т. Солнышко — вёдрышко: Детский музыкальный фольклор Архангельской области. — Архангельск, 1994

Науменко Г. М. Фольклорная азбука. — М., 1996

Обольянинова Н. Игры детские. — М., 1916

Покровский Е. А. Детские игры, преимущественно русские. — СПб., 1994

Померанцева Э. В. Детский фольклор // Русское народное творчество. — М., 1966 — С. 292 — 302

Потешки. Считалки. Небылицы / Сост. А. Н. Мартынова. — М., 1989

Русский детский фольклор в Карелии / Сост. С. М. Лойтер. — Петрозаводск, 1991

Слепцова И. С., Морозов И. А. Не робей, воробей!: Детские игры, потешки, забавушки Вологодского края. — М., 1995

Соболев А. Н. Детские игры и песни // Труды Владимирской учёной архивной комиссии. — Владимир, 1914. — Кн. 16. — С. 1 — 48

Соколов К. Н. Игра и труд. — М.; Л., 1929. — Кн. 1

Харузина В. Об участии детей в религиозной обрядовой жизни // Этнографическое обозрение. — М., 1911. — № 1 — 2

Шейн П.В. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. — СПб, 1898. — Т.1, — Вып.1

Шейн П.В. Народные детские песни. — М., 1923

Школьный сборник русских народных песен. — 2-е изд. — М., 1916

Об авторе

Георгий Маркович Науменко родился Москве в 1945 году. Окончил музыкальное училище и Педагогический институт в г. Николаеве.

Увлеченный красотой народных песен, в свою первую фольклорную экспедицию Георгий Маркович отправился в Смоленскую область. Было ему тогда двадцать лет.

Одним из ярких впечатлений той поездки: деревенская изба, в углу висит деревянная люлька, рядом сидит мать, ласково смотрит на засыпающего ребенка и тихим спокойных голосом, слегка покачивая люльку, поёт колыбельную песню. Для ребенка это первые поэтические слова, первая родная мелодия, и он запоминает их на всю жизнь. Детская память сохраняет это богатство в человеке на всю жизнь.

С первых своих шагов фольклориста-собираателя Науменко понял, что важнее всего собирать фольклор, который воспитывает детей, обучает их творчеству, дарит им радость и учит жизни. Поэтому вот уже тридцать лет Георгий Маркович каждый год с магнитофоном и фотоаппаратом отправляется в поездки по деревням и селам. В его коллекции огромное

количество песен, сказок, игр, загадок, записанных от взрослых и детей. Будучи поистине школой жизненной мудрости, фольклорное творчество веками воспитывало детей. И в наше время ему должно быть место. Через публикации фольклорных материалов современные родители могут узнать то, что веками передавалось из уст в уста, и овладеть секретами народной педагогики, познакомиться с образцами народной музыки, поэзии и передать все это своим детям. Только тогда, по мнению Г.М. Науменко, песенная и поэтическая традиция нашего народа будет продолжаться. Георгий Маркович Науменко отыскивает на бесконечных наших российских просторах талантливых народных песенников, сказителей, мастеров, записывает от них лучшее, что они знают. Так, чтобы восстановить старинный родильный обряд, ему потребовалось двадцать лет. Все собранные материалы он публикует в книгах. А их уже у него не мало. Только в пяти выпусках сборников по детскому музыкальному фольклору "Жаворонушки" около тысячи детских народных песен с напевами. Многие прозаические жанры впервые были им опубликованы с напевами, например в книге: "Русские народные сказки, скороговорки и загадки с напевами". Им впервые записаны и опубликованы не известные ранее широкому читателю такие виды и жанры детского творчества, как детская инструментальная музыка, звукоподражания голосам птиц и животных, детские заговоры и гадания... Известен он по статьям и как исследователь детского музыкального интонирования. Также разработана им методика обучения детей народному пению в книге "Фольклорная азбука".

В свои этнографические экспедиции Георгий Науменко ездит, как фольклорист-музыковед, член Союза композиторов России. Какие только медвежьи уголки им не исхожены - это и северная архангельская деревня и южная казачья станица, западное смоленское село и среднерусский волжский посёлок.

Г.М. Науменко продолжает лучшие традиции русской фольклористики. Так же, как и в девятнадцатом веке наши фольклористы-подвижники П.И. Якушкин, В.Н. Добровольский, А.Н. Афанасьев, П.А. Бессонов, П.В. Шейн, он работает, собирая по крупицам произведения народного искусства, не давая иссякнуть роднику, который питает нашу культуру.

СОДЕРЖАНИЕ

М. Новицкая. Добрые дети — дому венец.....	3
Предисловие.....	7
ВО БРЕМЕНИ.....	12
Дети — благодать Божья.....	13
На каждую ночь — сына и дочь.....	15
Соловьиные сны.....	19
Во святое время.....	23
РОДИНЫ.....	26
Как с яйца вода стекает.....	27
Справить своё дельце.....	29
При родах.....	38
Как из каменки жар.....	47
Родился в рубашке.....	54
Приняла-тка я на свет.....	57
Бабий день.....	62
На родинах.....	66
КРЕСТИНЫ.....	72
В ближнее воскресенье.....	73
Звать в кумовья.....	75
Погружение в купель.....	80
Крестинный стол.....	85
Бабина каша.....	91
Крестинные песни.....	98
Размывание рук.....	103
ИМЕНИНЫ.....	106
Духовное рождение.....	107
Именинный пирог.....	109
СИРОТСТВО И СМЕРТЬ.....	113
Со двора во двор.....	114
На тот свет.....	116
Проводины.....	120
При похоронах.....	124
КОЛЫБЕЛЬ.....	130
Под матицей на очепу.....	131
Укачивание.....	140

ПЕСТОВАНИЕ.....	150
При солнце тепло, а при матери добро.....	151
Первый зубок.....	161
ИГРУШКИ.....	172
Опильщик, гусиное горлышко и ветряк.....	173
ЗАГОВОРЫ.....	182
Чей дух прилюбится.....	183
Сглаз.....	185
Исполох и ночница.....	201
Грыжа.....	214
Плеснявки и щетинка.....	221
Ни от камени плоду.....	228
Вязать узелки.....	234
Руда, ураз, ожог.....	237
Росная водичка, уховёрт и молодик.....	242
Давить пакалки.....	247
На горячий кирпич.....	252
Родимец и собачья старость.....	254
ПИТАНИЕ.....	260
Рожок и сосуля.....	261
Не вскормишь малого, не видать и старого.....	267
ОДЕЖДА И УТВАРЬ.....	275
Пеленашник и перематочка.....	276
Уборчики.....	279
Сидюшка, стоялка, хожалка.....	284
ПОТЕШКИ.....	290
Толкачики-рогачики.....	291
Ладушки, ладушки.....	303
ВОСПИТАНИЕ.....	317
Бегали в карагод.....	318
При хорошем-то житье.....	326
Умел дитя родить, умей и научить.....	333
НОТЫ.....	343
СЛОВАРЬ.....	365
СВЕДЕНИЯ ОБ ИСПОЛНИТЕЛЯХ.....	371
СПИСОК МАТЕРИАЛОВ И ИССЛЕДОВАНИЙ	385
ОБ АВТОРЕ.....	387

Новый узел ИНТЕРНЕТ называется Folk

С начала 1998 года вступил в строй новый тематический узел ИНТЕРНЕТ, посвящённый русской традиционной культуре. Узел носит наименование «Folk» и находится по адресу:
<http://www.accessnet.ru/folk>

На узле вы можете найти следующую информацию:

- **Песни** Раздел для всех, кто любит песню.
(Народную, имеется в виду) Здесь можно послушать песни и почитать о них
- **Ансамбли** Фольклорные ансамбли - преемники традиций
- **Журналы** Что почитать - полистать
- **Книги** Книги по соответствующей тематике
- **Фестивали** Информация о фестивальной и концертной жизни
- **Организации** Как связаться с профильными организациями
- **Фонды** Сводная информация по фондам России
- **Персоналии** Люди, о которых надо сказать особо
- **Кухня** Рецепты традиционной кулинарии
- **Фотографии** Дать отдых глазам
- **Учеба** Методики, учебные программы
- **Уклад** Традиционный образ жизни русского
(и не только) народа
- **Ремесла** Сфера приложения рук человеческих
- **Костюм** Всё, что удалось собрать о народном костюме
- **Календарь** Народный русский календарь
- **Работа** Объявления о поиске работы
- **Магазин** Здесь можно посмотреть, что у нас можно купить и почём

Чтобы подключиться к узлу, необходимо иметь компьютер, соединение с ИНТЕРНЕТОМ и программу просмотра ИНТЕРНЕТА типа Microsoft Internet Explorer или Netscape Navigator. В программе просмотра, в строчке для указания адреса необходимо набрать : <http://www.accessnet.ru/folk> , нажать Enter и Вы у нас в гостях. Добро пожаловать !

В течение года планируется перемещение узла на другой адрес. Поэтому, если Вы не нашли нас по указанному выше адресу, попробуйте <http://www.folk.ru>

Узел постоянно совершенствуется, будьте, пожалуйста, снисходительны. Ждём Ваших сообщений с комментариями и пожеланиями по электронной почте : folk@accessnet.ru

Центр творческих исследований «Беловодье»

Беловодье — сокровенное русское понятие, встречавшееся у староверов, странников, искателей совершенства, священная страна на Востоке, место исполнения заветных человеческих желаний, где по преданиям живут праведники и высокие мудрецы, сохранившие в чистоте духовные знания и истинную веру.

Беловодье следует понимать не только географически как реальную страну, пусть и легендарного характера, но и метафизически — как символ высочайшей духовной реальности и красоты, которая живет в человеческой душе. Это понятие перекликается с другими понятиями, дорогими для русского человека — Град Китеж, Святая Русь, Небесный Иерусалим, Тридевятое Царство.

В Центре творческих исследований «Беловодье» уже семь лет действует *Школа духовного совершенствования*

Духовная практика школы, предполагающая воспитание в человеке эволюционных качеств и свойств, основана на синтезе православной и восточной традиций. Она нацеливает человека на достижение внутреннего духовного совершенства и умения решать сложные психологические проблемы современной жизни. В школу принимаются все желающие, прошедшие тестирование, и собеседование.

При Центре работает *издательство* духовной литературы, деятельность которого направлена на широкое распространение знаний как о древних, так и о современных взглядах на духовные проблемы человеческой личности и общества в целом.

ЦТИ «Беловодье» готовит издание научно-духовного альманаха, в котором будут публиковаться материалы по проблемам творчества. В нашем центре Вы можете приобрести книги, журналы, газеты и альбомы по психологии, культуре и религии. Постоянно работает библиотека, ведется культурно-просветительская работа: лекции, вечера, выставки, выступления деятелей культуры,

Центр творческих исследований "Беловодье", ставит в своей деятельности следующие цели:

•Собирание и восстановление знаний традиционной русской культуры.

•Изучение связей русской духовной культуры с глубинными корнями культур Востока и Запада

•Осуществление синтеза истинных знаний, соединяющих православные ценности с традиционной дохристианской культурой и лучшими достижениями современности.

•Распространение этих знаний через культурно-просветительскую (лекции, вечера, книгоиздание) и учебно-практическую (психологические тренинги, семинары, курсы) деятельность, поиск новых форм духовного согласия людей в эпоху кризиса и разъединения.

•Разработка новых психолого-экологических программ выживания в кризисных условиях.

•Создание новой духовно-психологической науки, помогающей раскрыть человеку свой беспредельный психоэнергетический и творческий потенциал.

Центр творческих исследований «Беловодье» предлагает новый цикл духовно-психологических семинаров, имеющих следующие цели:

- *научить человека решать свои проблемы;*
- *овладеть собственным сознанием и поведением;*
- *помочь ему стать гармоничным и счастливым мастером жизни.*

Каждый семинар-тренинг представляет собой ступень в постижение сокровенной науки самопознания, самообладания и совершенствования.

В «Беловодье» работает **выездная школа**, которая по Вашим заявкам проводит лекции и семинары по вышеуказанным темам в других городах России и СНГ с возможной **регистрацией филиалов «Беловодья»**.

В Центре творческих исследований «Беловодье» работает отдел почтовой рассылки, через который вы можете заказать заинтересовавшую вас литературу. В отделе сформирована компьютерная база данных, в которой хранятся сведения о всех заказах, что максимально сокращает ошибки по их выполнению. Опыт показал, что для успешного получения заказа следует выполнять следующие правила:

Перед оформлением заказа обратитесь на почту и узнайте, во сколько вам обойдется пересылка из Москвы заказываемой

вами литературы. При превышении стоимости почтовых услуг над стоимостью самого заказа выгоднее делать коллективные заказы, что сокращает расходы на пересылку.

Убедительная просьба не присылать квитанций об отправке перевода. Центр отсылает литературу только после получения почтового перевода.

Полученный заказ оформляется в течение 1 месяца со дня его получения, только после этого книги поступают на почту для пересылки. Вы получите посылку от Молодовой Т. М. наложенным платежом, сумму которого составляют: кассационный и страховой сборы, стоимость упаковки и стоимость пересылки. В предоплату входит только стоимость книг.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ЗАКАЗА:

Деньги высылаются почтовым переводом по адресу:
103001, Москва, а/я 81, Молодовой Т. М.

В разделе «Талон» не забудьте указать свой точный обратный адрес: индекс, область, район, город / поселок, улица, номер дома, корпуса, квартиры, фамилию, имя и отчество. Убедительная просьба писать свои данные печатными буквами.

На обратной стороне «Талона» в разделе «Для письменного сообщения» укажите список книг, стоимость каждой книги, общую сумму перевода и дату отправки.

Организации и частные лица, желающие принять участие в распространении духовной литературы, могут произвести оптовые закупки. Справки по телефонам: (095) 251 - 06 - 73, 254 - 69 - 06, 120 - 08 - 07, 397 - 11 - 72.

В 1998 гг. в издательстве выйдут следующие книги:

1. Русский узел Евразийства. ч.2.
2. Василий Валентин «Двенадцать ключей мудрости».
(С комментариями Эжена Конселье.)
3. П. Лавйолет «По ту сторону «Большого Взрыва»
4. Мирра Альфасса Ришар «Журчащий родник» (сказки всех времен)
5. «Сказки Матушки Гусыни» (пер. со старофранцузского)

РОССИЙСКИЙ ФОЛЬКЛОРНЫЙ СОЮЗ

Общественное объединение, организованное в 1991 году во имя изучения и воссоздания фольклорных традиций русского народа как неотъемлемой части современной отечественной культуры.

Союз объединяет фольклорные коллективы, центры и школы народной культуры, фольклорно-этнографические клубы, студии народных ремесел и подобные организации на основе активного познания и комплексного освоения народных традиций в их этнической самобытности и многообразии. На сегодняшний день в поле деятельности Союза около 500 творческих групп более чем из 50 регионов России и ближнего зарубежья.

Главными задачами Российского фольклорного союза являются:

- консолидация всех творческих сил с целью сохранения традиционных нравственных и культурных ценностей нации, а именно - организация и проведение фестивалей и народных праздников, творческих мастерских и конференций с участием ведущих специалистов в области фольклора и этнографии;
- координация деятельности коллективов;
- обеспечение научно-методической литературой - в том числе, издание сборников региональных материалов по фольклору и репертуарно-тематических сборников по результатам экспедиционной деятельности, аудио- и видео-продукции, отражающих сохранность архаичных пластов родовой традиционной культуры России;
- учебно-методическая и просветительская работа с кадрами на семинарах-практикумах.

Правление Российского фольклорного союза проводит **семинары - практикумы** для руководителей фольклорных коллективов, педагогов, работников культуры и образования по следующим темам:

1. Дети и традиционная народная культура
2. Традиционная народная хореография
3. Практика изготовления народной одежды
4. Народная песня: звук, голос, интонация
5. Народное декоративно-прикладное творчество
6. Фольклорные традиции: пути мастерства
7. Традиционная мужская культура: этнография, история, практика

Семинары проводятся ведущими фольклористами и представляют опыт фольклорных групп, воссоздающих местные локальные традиции русской крестьянской культуры.

Семинары отражают принципиально комплексный подход в деле освоения традиционной культуры и включают в себя проблематику экспедиционно-собирательской работы, методику освоения музыкально-танцевального фольклора и прикладных ремесел, общетеоретические вопросы фольклористики и этнологии.

Занятия сопровождаются демонстрацией слайдов, видеоматериалов. Организуются экскурсии в фонды музеев, посещение открытых занятий и репетиций в фольклорных коллективах.

Участники смогут приобрести литературу и методические пособия по фольклору.

Запись на семинары начинается за два месяца и заканчивается за неделю до начала семинара по телефону: **(095) 235 - 03 - 72.**

Видеостудия Российского фольклорного союза подготовила цикл видеофильмов по фольклору **“Мир русской деревни”**. Фильмы об истории, песенной культуре донских и кубанских казаков, о семейных и свадебных обрядах Русского Севера и юга России, о календарных обрядах разных областей, об инструментальной музыке, и о молодежном фольклорном движении.

В 1996г. Союзом совместно с издательством “Родникъ” издана книга известного фольклориста и руководителя фольклорного ансамбля при Московской государственной консерватории **Гиляровой Н. Н. Хрестоматия по русскому народному творчеству (1-2 год обучения)**. Хрестоматия составлена по принципу усложнения музыкального языка - от детских считалок, календарных песенок - к игровым и хороводным песням. Книга отражает начальный этап вхождения в мир фольклора городских детей. Книга снабжена аудиокассетой.

В 1998 планируется издание книг:

Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. Исследование отражает современное понимание природы и специфики фольклора как органической части культуры этноса и отдельных его групп. На обширном материале отечественного и зарубежного фольклора рассматриваются закономерности и механизмы фольклорного творчества.

Русские народные детские песни и сказки с напевами. Запись, нотация и составл. Г. М. Науменко. Детский фольклор разных регионов России: колыбельные, пестушки, потешки, прибаутки, сказки.

Все издания можно заказать в Правлении Союза по телефону: **(095) 235 - 03 - 72.**

ООО «Издательство «РОДНИКЪ»»

выпускает подписные периодические издания

- **Альманах РУССКАЯ ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА**
Тематические выпуски по русскому фольклору со звуковыми приложениями на основе экспедиционных и архивных материалов (с нотами) по разным территориям России.
- **Альманах ТРАДИЦИОННЫЕ ПРОМЫСЛЫ И РЕМЁСЛА**
(Учебно-методическая библиотечка дополнительного образования детей и юношества)
Материалы по технологии художественных народных ремёсел. Деревянное зодчество, резьба, работа с природным материалом, русский народный костюм, шитьё, ткачество и др.

Индексы в подписном каталоге «ПОДПИСКА-98»:

34242 (стр. 142), 34278 (стр.142), 40611 (стр. 161 Каталога).

ВЫШЛИ В СВЕТ

- **Народное декоративно-прикладное искусство.**
Учебные программы (г. Орёл). 7 брошюр в одной обложке.
Л.В.Беловинский. Типология русского народного костюма.
- **Золотая веточка.** Книга для родителей и воспитателей.
Колыбельные. Игры, колядки. Поэзия пестования. **Вып. 1, 2.**
- **От Рождества до Святой Пасхи.** (Спецвыпуск).
Репертуарное пособие по народному календарю Вологодской области.
- **Традиционные зимние увеселения взрослой молодёжи Среднего Приобья.**
- **Фольклор Калужской губернии** в записях и публикациях XIX - начала XX века. Выпуск 1. Обряды и поэзия.
- **По заветам старины.** Материалы традиционной народной культуры Вожегодского края.
- **Традиционные монастырские ремёсла** Нижегородского края.

Готовятся к выпуску в 1998 году

Русская традиционная культура:

•• **Народный романс.** Автор-составитель *Н.Н.Гилярова*.
Собрание старинных народных романсов в сопоставлении с их литературными прототипами.

•• **Фольклор Калужской губернии** в записях и публикациях XIX - начала XX века. **Выпуск 2.** Необрядовый фольклор.

Народные песни донских казаков Волгоградской области.
(На материалах Воронежского гос. института искусств)

Традиционные промыслы и ремёсла:

•• **Эмаль и скань.** Практическое пособие по технологии.
Темплан 1997 года.

• **Праздник мастеров.** *Сценарии по устройству праздников и ярмарок народных ремёсел (на основе опыта ряда областей России).* Темплан 1997 года.

ТВОЙ ПУШКИН. Сценарии лауреатов и победителей конкурса на лучший сценарий, посвящённого 200-летию со дня рождения А.С.Пушкина.

Издания готовятся при сотрудничестве с Всероссийским центром художественного творчества Минобразования РФ и другими заинтересованными организациями.

Адрес для письменных заявок и почтовых переводов:

101504, Москва, ГСП-4, ул. Сущёвская, 21.

ООО «Издательство РОДНИКЪ».

тел. (095)235-29-32, факс (095)235-03-72

Email: folk@accessnet.ru

Науменко Георгий Маркович

Этнография детства

Сборник фольклорных и этнографических
материалов

Художник Г. А. Скотина
Фотографии Г.М. Науменко

Редактор С. Г. Айвазян
Компьютерная верстка Г. Р. Бабич, А. С. Костин

РОССИЙСКИЙ ФОЛЬКЛОРНЫЙ СОЮЗ
(095) 235-03-72
ИЗДАТЕЛЬСТВО «БЕЛОВОДЬЕ»
(095) 120-08-07

ЛР № 030635 от 15.03.95г.

Формат 70x100¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Arial. 25 усл. печ. листов. Тираж 3500 экземпляров.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в московской типографии «Наука»
121099, г. Москва, Шубинский пер., 6

Заказ № 3295